Митрополит Митрофан
(Баданин)

КОЛЬСКИЙ СЕВЕР В СРЕДНИЕ ВЕКА

Мурманск–Санкт-Петербург
Издательство Мурманской епархии
Ладан
2019

Издание осуществлено при благотворительной
финансовой помощи **Кировского филиала АО «Апатит».**

Автор выражает сугубую благодарность
доктору исторических наук, профессору
Мурманского арктического государственного университета
Алексею Алексеевичу Киселеву
за внимательное отношение к данному труду
и важные критические замечания.

Том 2

Присоединение Кольского Севера к Новгородской Руси. Аборигены края и первые христианские поселения

ББК 63.3(2)
УДК 93

Митрополит Митрофан (Баданин). Присоединение Кольского Севера к Новгородской Руси. Аборигены края и первые христианские поселения, 2-е изд. испр. и доп. // Кольский Север в Средние века. Т. 2. СПб.: Ладан, 2019. – 288 с.: ил.

Трехтомное историческое исследование митрополита Митрофана (Баданина), правящего архиерея Мурманской епархии РПЦ, подводит итог многолетней работе автора и посвящено истории христианского просвещения Севера Европы и в частности Кольского Севера.

Второй том посвящен истории присоединения Кольского Севера к Новгородской Руси. Основываясь на неизвестных и малоизвестных исторических документах, автор восстанавливает утраченные страницы жития святого благоверного князя Александра Невского и его непосредственную роль в прирастании территории России богатейшими землями Крайнего Севера Европы.

Автор подробно останавливается на сложном мире языческой духовности аборигенов Кольского края – русских лопарей, а также исследует первые опыты крещения народа корелы и иных северных народностей Европы.

Также в книге дается обзор истории возникновения первых христианских поселений на Кольском Севере и процесс становления системы сбора дани на этих удаленных землях.

ISBN 978-5-9907265-7-4

ISBN 978-5-9907265-7-4

© Митрополит Митрофан (Баданин), 2019

Раздел V

Святой благоверный князь Александр Невский и его роль в присоединении Кольского Севера к Новгородской Руси

Святой благоверный Александр Невский, князь Новгородский, великий князь Киевский, великий князь Владимирский, русский полководец. Миниатюра из книги: Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903

«Хотя и получил Александр от Бога честь царствовать на земле, и супругу имел, и детей нажил, но смиренномудрия было у него больше, чем у любого другого человека. Был же роста высокого весьма, красота же лица его была как у Иосифа Прекрасного, сила же его была как часть силы Самсоновой, голос же его был как труба в народе». Лицевой летописный свод. Т. 6.

Деяния князя Александра Ярославича особо дороги северянам: с его именем связано мудрое понимание особого значения арктического направления для будущего России, приведшее к покорению Биармии и присоединению Кольского Севера к Новгородской Руси. Пожалуй, лишь в XVI веке, в правление царя Иоанна IV Грозного, Российское государство вновь столь же решительно заявит о своих правах на Европейский Север.

Государственная мудрость российских правителей неизбежно проявлялась в этом заложенном еще князем Александром особом отношении к Крайнему Северу, к Арктике. Не случайно зримым символом грядущей мощи российской державы и преемственности в заботе о собирании земель российских были «царские регалии, которыми был венчан Владимир Мономах и которые переходили из рода в род в дом Александра Невскаго». И в дальнейшем «именно о них всегда упоминалось в духовных завещаниях князей Московских, которые оставляли эти регалии своим

В отсутствие на Руси князя Александра шведы отторгли себе территорию финского племени емь. Замок Хяме – Тавастехус

потомкам. Ими же был венчан на царство великий князь Иоанн IV Васильевич»[1].

§ 1. Князь Александр и ярл Биргер

Ранее, в первом томе, мы рассматривали результаты Второго шведского крестового похода, приведшего к возведению крепости Тавастехус. В 1293 году шведы вновь пришли в Карелию, где основали Выборгский замок. Западная Карелия стала провинцией Швеции более чем на 400 лет.

Столь успешному завершению Второго крестового похода в значительной мере способствовало отсутствие в то время на Руси князя Александра Невского. Как известно, в 1247 году князь отправился в Монголию, к хану Батыю, и вернулся из Карокорума в Новгород лишь в 1249 году, когда Финляндия была уже покорена шведами и там, где издревле селилось племя емь (тавасты), выросли мощные шведские крепости.

Прижизненный скульптурный облик Биргера, такой же и на его надгробии в цистерианском монастыре в Варнхеме (Vanrhem)

Если наша история XIII века неразрывно связана со славными деяниями великого князя Александра, то для Швеции и Финляндии столь же знаковой фигурой был ярл[2] Биргер, предводитель шведского войска. Можно сказать, Биргер являлся родственником князя Александра, поскольку состоял в браке с Ингеборгой (сестрой короля Эрика), дальней племянницей Александра Ярославича. И вообще у них было много общего, включая как схожие годы жизни, так и решительные шаги по укреплению единовластия в своих странах. Биргер Магнус-

[1] *Оболенский М.А., князь.* Соборная грамота духовенства Православной Восточной Церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года. М., 1850. С. 8. (Далее: *Оболенский.* Соборная грамота 1561 года).

[2] Высший титул в иерархии в средневековой Скандинавии.

Памятник ярлу Биргеру в Стокгольме. Внешний облик и доспехи Биргера в полной мере соответствуют традиционному образу северного рыцаря XIII века, хотя в действительности скандинавы уже подчинились католическим манерам Запада и выглядели иначе

Печать князя Александра Ярославича. На обороте: святой великомученик Феодор Стратилат, покровитель христианского воинства, поражает змия

сон был последним ярлом Швеции, став основателем новой династии шведских королей.

В знаменитом сражении на Неве, согласно летописи, князь Александр Ярославович померился силами с Биргером – «самому королеви Бергелю взложи печать на лице острым своим копием»[1]. Конечно же, в этой информации есть некое допущение – Биргер ни в момент сражения, ни позже не был полноценным королем, являясь лишь регентом при своем малолетнем сыне Вольдемаре. Более того, историки советского и постсоветского периода сомневались, что Биргер участвовал в том походе. Аргументом для них служило то, что данная информация почерпнута из «неавторитетных» источников, таких как «Рукописание Магнуша» и некоторые редакции жития святого князя Александра. Также ссылались на то, что в 1240 году Биргер еще не был объявлен ярлом[2].

Следует возразить, что «по шведским законам титул ярла вовсе не являлся обязательным для предводителя военно-морской экспедиции (ледунга). Кроме того, еще в 1238–1239 годах, согласно «Хронике Эрика», король уже избирал Биргера возглавить военную экспедицию в Häme (Tavastia)»[3].

---

[1] Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1915–1929. Т. 4. С. 35.

[2] Об этом: *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии. С. 171–178.

[3] *Lind J.H.* Early Russian-Swedish Rivaly… // Scandinavian Journal of History. Stockholm, 1991. P. 276.

На наш взгляд, следует с большим уважением относиться к свидетельствам древности, поскольку в те времена люди более остро чувствовали суть христианских заповедей и боялись согрешить грехом лжи, приведя недостоверную информацию[1].

Останки Биргера с момента его кончины в 1266 году почивали в Варнхемском монастыре (Varnhems kloster). Не так давно, в 2002 году, было произведено их освидетельствование, что позволило реконструировать облик знаменитого ярла. Специалисты-судмедэксперты подтвердили наличие серьезной травмы лицевой кости в районе правой глазницы, вызванной, по их мнению, сильным ударом острия боевого оружия.

§ 2. Ответные шаги князя Александра на Крайнем Севере

Столь масштабные результаты Третьего шведского крестового похода, отторгнувшего от Руси западную Карелию и выведшего из русской сферы влияния целое финское племя – емь, не могли остаться без ответа князя Александра Невского. Для этого ответа было выбрано иное направление – Крайний Север, где на Кольском полуострове и берегах Кандалакшского залива жил весьма недружелюбный народ – биармы, или биармийцы (чудь заволоцкая). Они с древнейших времен были данниками, «подвластными новгородским славянам, еще во времена, предварившие Рюриково княжение, начавшееся в лето 868»[2], но с началом татарского владычества на Руси биармы посчитали более выгодным заручиться поддержкой Норвегии и принимать норвежских сборщиков дани.

Надо сказать, с Норвегией у Руси были давние добрососедские отношения. Выше мы писали о серьезных сомнениях в том, что вместе со шведами в 1240 году на Неву приходили и норвежцы: «свеи в силе велице и мурмане и сумь и емь»[3].

---

[1] В Лаврентьевской летописи так говорится о достоверности источников и приводимых фактах о Невской битве: «Вся слышах от господина своего великого князя Александра и от иных, иже в то время обретошася в той сечи». Цит. по: *Холодный Г.М.* Жизнь и деятельность великого князя Александра Невского в связи с событиями на Руси в XIII столетии». Тамбов, 1883. С. 71.

[2] «Прп. Нестор в Летописи по печатному изданию стр. 4 и 5». Цит. по: *Молчанов К.* Описание Архангельской губернии, ея городов и достопримечательностей со многими древними историческими известиями и знамениями. СПб., 1813. С. 50–51. Примеч. (Далее: *Молчанов К.* Описание Архангельской губернии).

[3] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. В лето 6748 [1240] // ПСРЛ. Том 3. М.–Л., 1950. (Л. 126 об).

Правление Хакона IV считается своего рода «золотым веком» Норвегии. На рисунке из манускрипта XIV века с Плоского острова (др.-сканд. Flateyjarbok) король Хакон IV Старый со своим сыном Магнусом

Упомянутые мурмане не были норвежцами. Надо полагать, речь идет о «приморских финнах» – биармийцах. Для самой Норвегии война в это время была совсем некстати – обстановка в стране была крайне напряженной. В 1239 году начался мятеж могущественного норвежского герцога Скули Бордссона. Герцог этот был весьма богат и владел огромными земельными наделами. Кроме того, он породнился с королем Хаконом IV, который взял в жены дочь герцога. Подняв мятеж, Скуле сверг Хакона и, провозгласив себя единоличным правителем, короновался в Тронхейме. В ходе начавшегося противостояния герцог так и не смог заручиться поддержкой знати, потерпел поражение от Хакона и был убит в 1240 году.

Когда в 1241 году Александр Невский прибыл в Новгород и начал войну с Ливонским Орденом, то прежде всего он взял город Копорье, где казнил изменников – как раз из води и чуди. Гнев князя, возмущенного предательством, можно почувствовать в тексте летописи: «В лето 6749. Князь великий Александр Ярославич Немец избиша, а иных с собою приведе в Новгород и пожаловав отпустил, был бо милостив паче меры; а Вожан и Чюдцю переветников извеша *[водь и чудь, изменников, повесил. – **Е. М.**]* и отъехал в Русь»[1].

Позже, вернувшись из Орды, великий князь Александр Ярославович принимает решение окончательно разобраться с этим неверным народом. Так началось завоевание Биармии, завершившееся присоединением Кольского полуострова к Руси как новгородской волости Колопермь.

[1] Софийская первая летопись. Вып. 1 // ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926, Т. 5. С. 179–180.

§ 3. Правовая ситуация на Кольском Севере в «ордынский» период

Князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского, сын Всеволода Большое Гнездо, великий князь Владимирский, князь Новгородский

Ситуацию, сложившуюся на Руси с наступлением монголо-татарского владычества, историк Олоф Далин описывает так: «В то время на развалинах Голмгордского царства утвердилась новая держава. Татары привели себе под иго всю между многими небольшими князьями разделенную Русь, так что все они признавали верховную власть хана татарского над собою. Между сими князьями находился князь Суздальский Ярислав Всевалдзон *[Ярослав Всеволодович. – **Е. М.**]*, которому удалось не только удержать свою землю, как лен *[зависимое поместье. – **Е. М.**]*, но и приобресть некую власть и знаменитость над большею частию других; а потому в 1230 году и был избран великим князем Новгородским»[1].

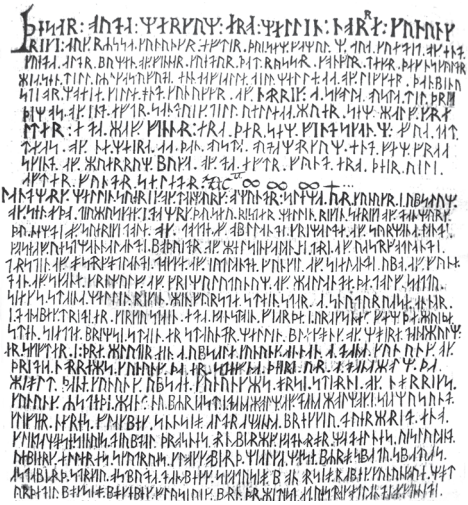
Северное положение Новгорода изначально определяло и его притязания на земли Крайнего Севера. Часть земель Лапландии «принадлежала Новгороду еще прежде Ярослава, – так пишет российский ученый XIX века Петр Кеппен, – если верить рунической харатейной грамоте, опубликованной в 1677 году в Норвежском городке Шеене *[Шиен (Skien), город и коммуна. – **Е. М.**]*. Грамота эта содержит распределение границ между Россией и Норвегией во времена Свенона I, датского короля, жившего в конце X века»[2]. Согласно с этим договором, заключенным еще в те давние времена, «Государь Российский может брать дань с жителей приморских, горных и лесных до самых северо-восточных пределов Норвегии»[3].

Такие тексты рунических грамот с первыми договорами о владениях «короля Норвегии и государя Руссов» (Kunuggr af Norrik et Ruska Kununkr) существовали и много ранее, как минимум в IX веке. В древней рунной грамоте сказано, что «Государь Руссов собирает дань по морско-

[1] Олофа Далина история Шведского государства в 8 томах. СПб., 1805–1807. Т. 2. С. 262. (Далее: *Далин О.* История Шведского государства).

[2] Речь идет о Свене I Вилобородом (960-е – 1014) – короле Дании, Норвегии и Англии.

[3] *Кеппен П.И.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 350.



Скандинавская рунная грамота IX–X веков, утверждающая северные рубежи сбора дани «короля Норвегии и государя Руссов». Из книги: Biörner, Eric Julius. Cogitationes critico philologicæ de orthographia linguæ Svio gothicæ, … præfixis prolegomenis de initiis et migrationibus gentium Scandogothicarum / auctore Erico Julio Björner. Stockholmiæ: typis Laurentii Salvii, 1742. P. 60

му берегу даже до Люнкастуфута *[это известный исторический рубеж – нынешний залив Lyngenfjorden. – **Е. М.**]*; от всех горных жителей *[имеются в виду горы Kjolen. – **Е. М.**]* между рекой *[река Тана или Паз. – **Е. М.**]* и Лигкяром *[Люнген (Lyngen), район Тромсё. – **Е. М.**]*. Королю же Норвегии принадлежит дань от восточных жителей до Дриадима *[искаженное Trjanema – Кольский полуостров. – **Е. М.**]* и по внутренности Сантвика *[искаженное Gandvik – Белое море. – **Е. М.**]*, даже до Виллля *[Vela – река Вяла (Vælijoki), приток реки Умбы. – **Е. М.**]*, где обитают частью карелы, частью приморские финны»[1]. Надо полагать, что в этом документе под именем «приморских финнов» упоминают народ весь (чудь), они же биармийцы, селившиеся в районе Умбы и Варзуги.

Таким образом, мы видим, что порядок разделения даннических земель Европейского Крайнего Севера между русскими князьями и норвежскими конунгами сложился еще со времен древнейших рунных грамот, то есть ранее X века.[2] Потому такие понятия и формулировки, как «старые границы», «древние рубежи», «предания старых людей», неизменно

[1] Biörner Eric Julius. Cogitationes critico philologicæ de orthographia linguæ svio gothicæ tam runica quam vulgari … Stockholmiæ typis Laurentii Salvii, 1742. P. 60. (Перевод П.Г. Буткова в статье «Три древних договора» // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1837. Ч. 23–24. № 1–6. С. 528–529).

[2] «Уже с X и XI веков начали истреблять руны в публичных и королевских письменных делах и заменять их латынью, с изданием королевских повелений о сожжении книг писаных рунами, поскольку простой народ употреблял их для чародейства». *Dalin Olof.* Svea Rikes Historia Ifran Des Begynnelse. Til Wara Tider, Stockholm, 1750. D. 1. S. 225–226. (Перевод автора).

перекочевывали в порубежные грамоты и договоры последующих столетий как имеющие неоспоримый авторитет. В дальнейшем скандинавы всячески стремились не упоминать эти древние документы, выстраивая свои дипломатические переговоры с иных позиций. Так, например, русский текст Ореховского договора был открыт только в 70-х годах XIX века в Стокгольме шведским ученым О.С. Рюдбергом[1] и «принадлежал к серии документов, носивших отметку "старая рубежная грамота, которой не должно показывать" ("camla radartz breif, som intet skoleframbaras")»[2].

Но при этом несомненно и другое: именно нашествие татар радикально изменило расстановку политических акцентов и территориальных приоритетов Руси в отношении Крайнего Севера. Гениальное прозрение князя Андрея Боголюбского, перенесшего в 1155 году великокняжеский стол на север, во Владимир и Ростов, как бы предвосхищая нашествия Орды, явило некое Божественное откровение о грядущей судьбе Руси, которая будет прирастать землями Крайнего Севера.

Итак, наступила трагедия 1237 года. Великие города юга Руси были превращены в руины. Погибло около половины населения страны. Развитая городская культура Древней Руси была уничтожена. Русский Север обрел свой новый исторический статус.

«Со времени татарского опустошения Новгород прекращает свою древнюю связь с Южной Русью. Постепенно ослабленная междоусобиями и иноплеменными нашествиями, она окончательно была добита татарами, выступила из русской федерации и начала идти иным путем по колее исторической жизни. Новгород удержался членом федерации, сплотившейся под верховным владычеством татар. По мере более тесного сближения образовался обычай, перешедший как бы в закон, что новгородским князем должен быть тот, кто называется Великим. Первый пример этому был с Александром Невским»[3].

---

[1] *Rydberg O.S.* Traktaten i Orechovets den 12 Augusti 1323. Stockholm, 1876. До этого времени договор был известен лишь в латинском переводе, хранившемся в Стокгольмском архиве и изданном профессором Абской академии Х.Г. Портаном (*Portan Henricus Gabriel.* Solloge monumetorum ad illustrancam Historiam Fennikam Pertinentium. P. 76–89).

[2] *Тельпуховский Б.* Древнейшие договоры русских князей с норвежскими и шведскими королями // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 128–133.

[3] *Костомаров Н.И.* Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). М., 1994. С. 110. «Порабощение татарское возвышало значение великого князя, мало-помалу сообщало ему значение государя всей Русской Земли и низводило князей с прежнего значения по их породе».

«Тяжелые размышления». Первый финский епископ Томас из Або (англичанин по происхождению) после похода на Неву в 1240 году, окончившегося для шведов величайшим поражением. Картина финского художника Аарно Каримо (1887–1952)

Надо заметить, что О. Далин первым великим князем Владимирским и Новгородским называет Ярослава Всеволодовича, которого хан Батый признал «стареи всем князем в Русском языце» (Лаврентьевская летопись): «Сей князь по праву татарскому начал чинить нападения на Ингерманландию, Карелию **и Финляндию**». То есть попытки покорить Финляндию (в то время Финляндия – это лопарские земли, или Финнмарк) предпринимал еще отец Александра, Ярослав Всеволодович. «Но шведы храброе делали сопротивление, так что россияне бежать принуждены были».

И далее шведский историк вынужден признать и особо отметить ратные достоинства великого князя Александра Невского: «Однако ж Ярослав имел сына Александра, почитаемого у россиян за Марса, который тогда одержал достопамятную победу над шведским флотом при реке Неве и от того получил проименование Александра Невского»[1].

«Александр Невский, – пишет Олоф Далин, – покорил себе Пермию или Биармаландию, отщетившуюся на несколько времени от Голмгордскаго государства, и беспокоил даже норвежские границы около Галогаланда, проходя к оным чрез Финнмаркен и Лапландию».

То есть дружина великого князя провела масштабную военную операцию на Крайнем Севере Европы. Пройдя и покорив Лапландию (Кольский полуостров) и Финнмаркен (земли на запад от Кольского полуострова), Александр Невский с силою вошел в область Северной Норве-

[1] *Далин О.* История Шведского государства. Т. 2. С. 263.

гии у Галогаланда. Началось массовое бегство народа, с древности известного как биармийцы, с этих территорий. Далин, приводя ссылки на рукописные источники древности, сообщает об этом: «Норвежский король Гокан *[Хакон IV Старый (1204–1263). – **Е. М.**]* принимал дружески бежавших пермян. Об этом смотри: Торфея в житии Гаквина у Шенстрема во введении в историю Шведскую рукописную и Петра Клавдия летоп. Норвежскую, стран. 744»[1].

§ 4. Русь и Норвегия – древние традиции дружбы

«Норвежцы и русские соседствуют тысячу лет, и между этими народами и их странами не было серьезных конфликтов»[2] – так начинает свой труд по истории российско-норвежских отношений норвежский ученый К. Селнес.[3]

Как мы показали выше, Новгородская Русь и Норвегия издревле и традиционно имели уважительные добрососедские отношения. Великий покровитель христианской Норвегии XI века король Олаф II Святой приходился великому князю Ярославу Мудрому свекром. Важнейшие духовные решения Олафа и укрепление его христианской веры пришлись на период его пребывания в Великом Новгороде, где он совершил свои первые чудеса исцелений. В дальнейшем почитание святого Олафа нарастало, поскольку Ганзейский союз избрал его покровителем мореплавателей. Во всех городах Союза были воздвигнуты церкви в его честь. Не был исключением и Великий Новгород, где, по свидетельству епископа города Або (ныне Турку), в XIV веке еще существовала церковь Святого Олафа («варяжская божница»), весьма почитаемая новгородцами.[4]

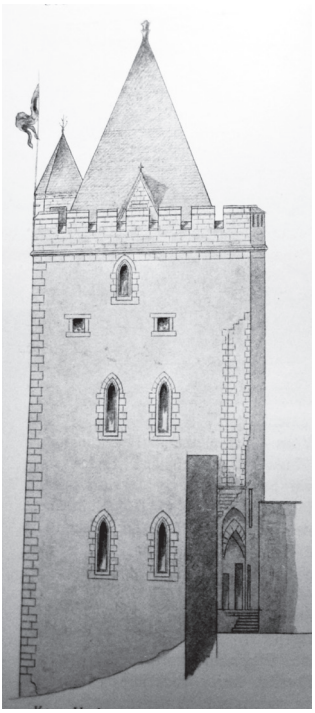
Святой Олаф – последний общий святой Западной и Восточной Церквей

[1] Там же. С. 263. Прим. Ш. К сожалению, наши попытки найти упомянутые рукописные источники оказались безуспешными.

[2] *Selnes K.* Russisk historie i norrøn saga // (N) HT. 1965. B. 44. H. 2. S. 3.

[3] Кьяртан Селнес – доктор философии, советник по социальным и философским наукам Норвежской гуманистической ассоциации, г. Осло, Норвегия.

[4] Надпись на одном шведском руническом камне повествует о судьбе некоего путешествен-



Башня замка короля Норвегии Хакона IV Старого в Бергене. Kong Haakons tåarn paa Bergenhus. Рис. из источника: Bugge A. Norges Historie. 1103–1319. Vol. II. Kristiania. 1916. S. 318

На Руси были широко известны чудеса, совершенные этим норвежским святым, в частности чудо от иконы святого Олафа, остановившей страшный пожар в Великом Новгороде. Интересно, что имя святого Олафа, наряду с иными «западными» святыми неразделенной Церкви, упоминается в одной древней молитве, обращенной к Святой Троице и сохранившейся в русских молитвословах: «Войтех, Магнуш, Конут, Албан, Олаф, Ботулв, Виктория, Люция и все святые мученики, молите Бога… »[1]. Обнаружена эта молитва в многочисленных списках XIV–XVI веков, а создана, по-видимому, в конце XI – начале XII веков.[2]

Два последующих короля уже христианской Норвегии, Магнус I Добрый (сын Олафа) и Харальд III Суровый (сводный брат Олафа), были связаны с жизнью Великого Новгорода в целом, а с новгородскими князьями – династическими браками.

После разделения христианских Церквей Востока и Запада в 1054 году тесные династические связи между правителями Руси и Норвегии стали ослабевать, но взаимная заинтересованность и традиции дружбы остались.

Надо заметить, раскол Христианской Церкви 1054 года изначально особо не отразился на самих отношениях между русскими христианами византийского обряда и скандинавскими римо-католического. Нашествие Орды привело к резкому обострению этого противостояния, спровоцировав Крестовые походы на Русь.

ника, который «…умер в Холмгарде *[Новгороде. – **Е. М.**]* в церкви св. Олафа» (*Wigum F.* Norge og Russland som religiose naboer // Kirke og Kultur. Oslo, 1997. № 1. (Перевод А. Ермолаевой по просьбе автора).

[1] *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. М.: Терра. 1997. Т. 1. С. 223.

[2] *Архангельский А.С.* Любопытный памятник русской письменности XV века // Памятники Древней письменности и искусства. СПб.,1884. С. 4.

Обложка Псалтири, принадлежавшей королеве Маргарет, жене короля Хакона IV. Изображены Господь, призывающий королеву, короля и их сына Магнуса

Тем не менее, стремясь к стабильному и прочному миру здесь, в Лапландии, Александр Ярославович предлагал королю Норвегии Хокону IV династический союз через брак своего сына князя Василия с принцессой Кристиной. «В 1252 году прибыли послы от Александра к Гокану с дружественными предложениями и просили у него принцессу Христину в супруги сыну Александра»[1].

Однако король Хакон, видимо, первоначально считал этот брак малополезным для укрепления положения Норвегии. Русь числилась в данниках Золотой Орды, и, возможно, король считал этот брак не вполне достойным, и «в деле, до бракосочетания касавшемся, учтивыми словами было им отказано». Тем более что «татары в это время уже опустошили Новгородскую землю, и сватовство холмгардского князя осталось без результата»[2]. Дочь Кристина вышла замуж за испанского инфанта Филиппа и вскоре умерла бездетной.

Современные историки полагают, что прекращение сватовства князя Александра также явилось следствием перемены его взглядов на отношения с Западом: «Причиной несостоявшегося брака стал пересмотр Александром Ярославичем своей западной политики»[3].

---

[1] *Далин О.* История Шведского государства. С. 263.

[2] Saga Hakonar konungs Haakonarsonar, 271. Цит. по: *Кузнецов С.Н.* К вопросу о Биармии // Этнографическое обозрение. М., 1905. № 2-3. С. 47. (Далее: *Кузнецов С.К.* К вопросу о Биармии).

[3] *Прохоров Г.М.* Выбор князя Александра // Доклад на научной конференции: «Князь Александр Невский и его эпоха». СПб., 1995. (Рукопись).

Надо помнить при этом, что понуждаемый Папой Запад наряду с Крестовыми походами пытался использовать сложное положение Руси, дабы склонить непокорных «схизматиков» к принятию католичества в обмен на обещание военной помощи против татар.

Однако в 1251 году Александр Ярославич, казалось бы, неожиданно окончательно отказывается от «ласковых» предложений Папы Иннокентия IV. Князь Александр вслед за своим легендарным прадедом князем Владимиром вновь делает важнейший исторический выбор в пользу православной веры. Хотя, надо прямо сказать, это было весьма непросто. Отец Александра Ярослав Всеволодович перед смертью уже склонялся к принятию предложений Рима, и в посланиях Папы Римского Иннокентия сохранилась информация о достигнутом предварительном согласии князя принять католичество в обмен на помощь западных рыцарских орденов в борьбе с Ордой.

Тем и дорог нам князь Александр Невский, что не поддался соблазну и сберег Православие для Руси. И этот выбор веры непосредственным образом связан с территориями Кольского Севера, поскольку было принято решение: «будем платить дань татарам, но от веры предков не отречемся». Значит, нужна пушнина. Много пушнины. Значит, надо идти на Север разбираться с биармийцами, заблокировавшими поставку лопарской дани.

Александр Ярославич заключает крайне важный договор между Новгородом и Норвегией, установивший особый принцип сбора дани с саамов, что значительно расширяло даннические территории по всему Кольскому полуострову, во всем Финнмарке вплоть до норвежского Гало-галанда.[1]

Этот столь успешный новгородско-норвежский договор стал возможен лишь потому, что ему предшествовала серьезная подготовка. Отечественные историки, вслед за Н.М. Карамзиным, говорят о княжеском посольстве в норвежский Дронтгейм (ныне – Trondheim) к королю Хакону IV, где в самых любезных выражениях ему было предложено, «чтобы он запретил финнмаркским своим поданным грабить нашу Лопь и Корелию».[2] «Король изъявил самые миролюбивые намерения, не

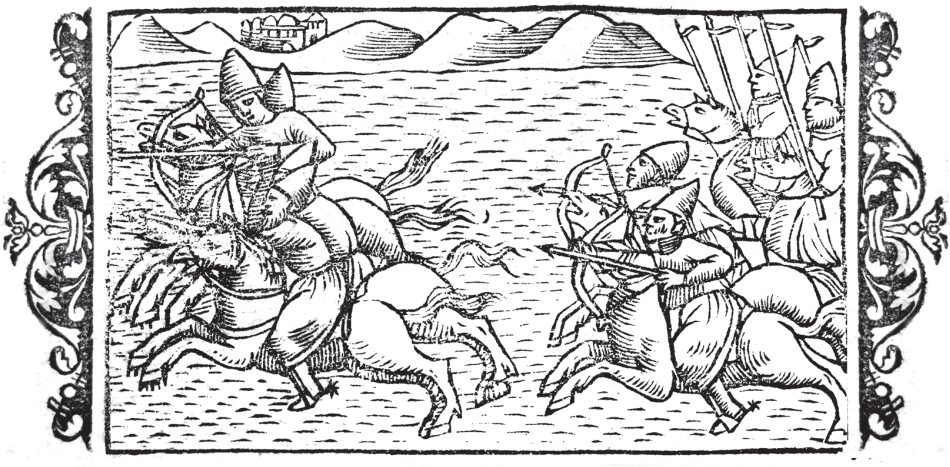
[1] Этот особый порядок взимания дани с восточных лопарей (сколт-саамов) предполагал не поземельный, а подушный их учет, ввиду постоянных кочевок кольских аборигенов.

[2] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1997. Кн. 1. Т. 1–4. С. 487. (Далее: *Карамзин Н.М.* История).

прочь был породниться со славным русским князем и, в свою очередь, прислал послов в Новгород для заключения договора. Послы были встречены с почетом и отправлены обратно с богатыми подарками».[1]

§ 5. Судьба Биармии в договоренностях Руси и Норвегии

Однако скандинавские источники, как мы указали выше, свидетельствуют о несколько иной картине. К упомянутому 1251 году князь Киевский и Новгородский Александр Ярославович совершил масштабный поход по северным землям и твердой рукой привел в подданство все местные народности, населявшие тогда Крайний Север Европы. «Достойный всяческого уважения Олоф Далин в своей «Истории Шведского государства»,[2] ссылаясь на историков Торфея (Torfaei Thormodori antiquitates Norvegicae) и Петра Клавдия (Claudii Petri transaction Helsingborgensis), утверждает, что князь Александр Невский покорил всю Биармландию и беспокоил даже норвежские границы, проходя к оным через Лапландию и Финнмаркен. Король Норвежский Хакон IV Старый (Хакон Хоконссон) в то время повелел принимать всех бежавших от княжеской дружины»[3].



Атака русской конницы. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus … 1555

[1] *Хитров М.* Великий князь Александр Невский. Подробное жизнеописание. М., 1893. С. 96.

[2] *Далин О.* История Шведского государства. Т. 2. С. 269.

[3] *Берх В.Н.* «О времени открытия россиянами Ледовитого моря»: статья из книги «История географических открытий россиян». СПб., 1817. (Не опубликована).

Нынешний вид церкви Девы Марии
в Тромсё 1851 года постройки

«В то время, – рассказывает одна норвежская сага, – жители Биармии обратились с просьбой о защите к королю Хакону. Он позволил им поселиться у Малангена *[в районе нынешнего Тромсё. – **Е. М.**]* с условием, чтобы они приняли христианство, что они и сделали»[1]. Упомянутая сага была опубликована К.Х. Рафном[2] в середине XIX века: «Король Хакон приложил большее, чем кто-либо из владетелей после короля Олафа Святого, старание к тому, чтобы утвердить христианскую веру в Норвегии; он озаботился выстроить храм в Тромзе и ввел христианство в этом приходе».[3]

Первая церковь в честь Девы Марии в этом крайне-северном поселении Норвегии – Тромсё, была построена в 1252 году именно как следствие этого пришествия биармийцев. «К нему пришли многие из биармонцев, которые бежали с востока, прогнанные набегами татар; король повелел обратить их в христианство и уступил им для жительства так называемый Малангерский залив *[Маланген (Malangen) – ныне крупный рыболовный центр на севере Норвегии. – **Е. М.**]*»[4].

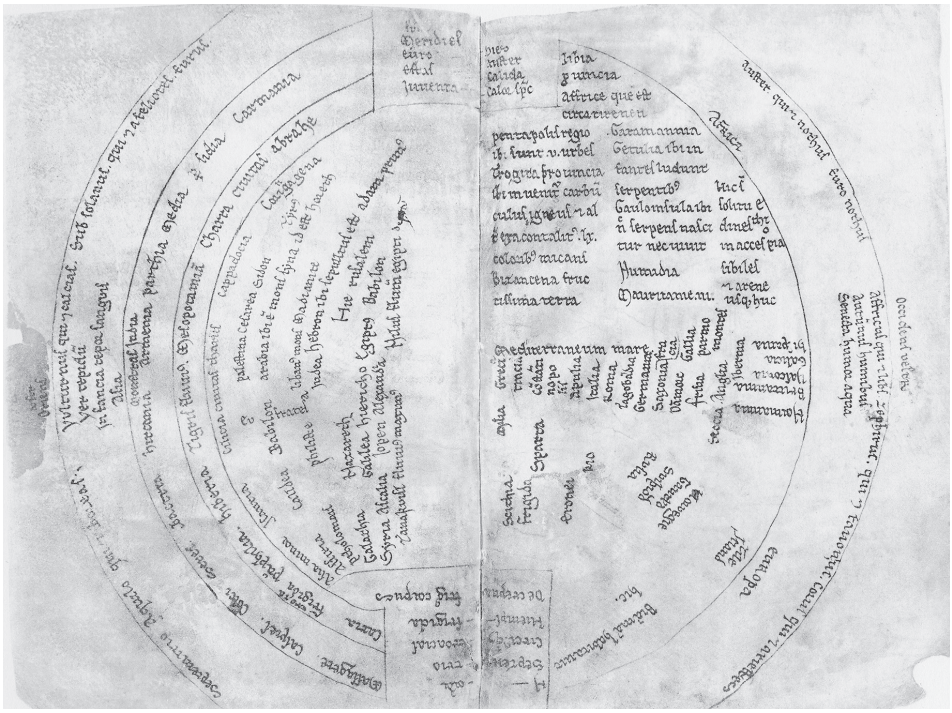
---

[1] «Эти переселенцы на новом месте поселения в пустынных Лапландии и Финнмаркене встретились с более дикими племенами, квенами, лопарями и другими, и, чтобы утвердиться здесь, должны были, в свою очередь, подчинить их себе и вступить с ними во враждебные столкновения. Норвежские саги сообщают немало случаев подобных столкновений». Haakon Haakonssons Saga (последняя глава). Цит. по: *Кааран А.* К истории Русского Севера: Русско-норвежские отношения // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1910. № 11. С. 25. (Далее: *Кааран А.* К истории русского Севера).

[2] Рафн Карл Христиан – датский археолог (1795–1864), основатель Королевского Общества северных антикваров.

[3] Saga Hakonar konungs Haakonarsonar. *Rafn C.C.* Antiquités russes d'aprés les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhague, 1852. R. II. P. 83.

[4] *Rafn C.C.* Antiquités russes d'aprés les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Copenhague, 1852. R. II. P. 84.



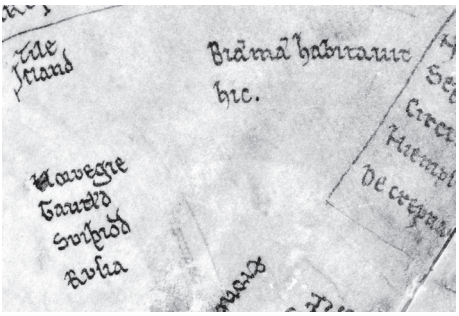
Скандинавская карта «Круг земной». После 1252 г. Mappemondes trouvees dans des manuscrits attribues au XIII e siècle. P. 175

Еще раз подчеркнем, что приведенная выше информация ясно свидетельствует о нахождении земель Биармии в относительной близости от Норвегии, но никак не в районе Северной Двины или Перми.

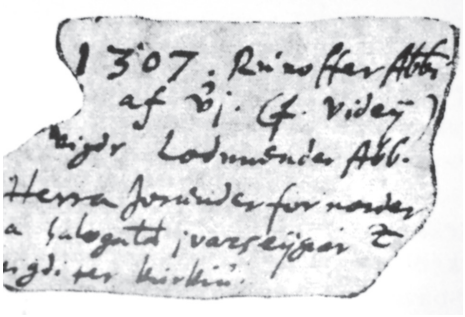
Переселение биармийцев на север Скандинавского полуострова, где до них земля оставалась еще пустынной, зафиксировано одной из первых ныне известных географических карт Средневековья. Карта, датируемая приблизительно 1250 годом, представляет собой схематичное изображение «круга земного» с информационными подписями в соответствующих частях «земной сферы»[1]. По ряду признаков можно заключить, что место ее происхождения – Скандинавия.

На этой карте в районе Европейского Севера имеется важное указание: «Biarmar habitauit hic», что в переводе с латыни означает: «Здесь жили бьярмы». Прошедшее время глагола – «жили» – подвигло исследователей заподозрить описку и желание подправить текст: «Во фразе

[1] Miscellanea. Copenhague, Biblioteque Royale, cod. Gl. Kgl. Sml. 1812.



В наружном круге – сообщение о бьярмах: «Biarmar habitauit hie» – «Бьярмы жили здесь». Далее к западу (слева) упомянуты: Tile, Island; затем перечень скандинавских стран (Норвегия, Гаутланд, Свитьод), который завершает надпись «Rusia»



Фрагмент указа нидароского архиепископа 1307 года об освящении первого храма в Вардё. Из книги: P. Simonsen. Vardohus Museum Arbok. 1959

"Bjarmar habitauit hic", Равн *[К.Х. Рафн. –* ***Е. М.****]* исправляет на habitant – "живут"»[1]. На самом деле ничего исправлять не следует: автор подписей к карте уже знал, что биармийцы покинули Кольский полуостров и переселились на север Скандинавии. Таким образом, время составления карты теперь можно уточнить – «после 1252 года».

На крайнем севере Скандинавии «после 1252 года» был образован центр христианизации биармийцев в норвежском Тромсё. Расселение биармийцев по всему северу Норвегии сопровождалось и строительством церквей. Самая крайняя точка их поселения – нынешний норвежский городок Вардё – вскоре также обрела свое церковное здание. Сохранился указ Нидароского (Тронхейм) архиепископа 1307 года об освящении здесь первого храма.

Интересно, что аналогичные шаги были предприняты и на российском Кольском полуострове, где в начале XIV века в селении Варзуга (в прошлом национальном центре Биармии) была построена первая церковь для христианизации корел, пришедших на место биармийцев.

Это зафиксированное в норвежских источниках масштабное перемещение народов, массовое бегство биармийцев, с давних времен населявших земли Кольского полуострова, на самый север Скандинавии историки связывали с монголо-татарским нашествием. «Часть населения Биармии в средине XIII столетия добралась < … > до северо-западного берега Норвегии, где они и поселились. Это было во время нашествия монголов,

[1] *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986. С. 102.

когда жители Севера, объятые ужасом, покинули свои места и массами бежали выше на Север, в нынешнюю Лапландию и даже Финнмаркен»[1].

Подчас подобные утверждения вызывали законное недоумение историков, поскольку, как известно, войска монголо-татар в своем движении на север не доходили даже до Новгорода[2]. Тем не менее, упомянутая связь с Ордой вполне очевидна, поскольку, как замечает Далин, «князь Александр по праву татарскому» осуществлял эти походы и опирался «на всю татарскую силу»[3]. Кроме того, такое уподобление русских татарам вполне соответствует имевшей место в те времена традиции называть народ по принципу зависимости или подчиненности. Так, например, войско Биргера в битве 1240 года называют не «свеями», а «римлянами»: при описании Ледового побоища Симеоновская летопись сообщает: «Натече он на корабли и погуби три корабля римлян».

Об этих важных событиях также пишет шведский историк Стриннгольм Андерс в своей истории российского Крайнего Севера: «О бьярмийском государстве известно, что оно пало после 1236 года во время вторжения Чингисхана и его монгольских орд в Северную Европу, а потом было окончательно покорено царем России Иваном Васильевичем в конце XV века».[4] Однако надо заметить, что речь идет о временах Батыя, поскольку Чингисхан скончался в 1227 году. Приблизительно в это время монгольские орды продвигались на Север, в район южного Урала. Плано Карпини свидетельствует: «Они пошли дальше к северу и < … > пришли к Самогедам[5], а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки и платье их также сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ … »[6]

---

[1] *Кааран А.* К истории Русского Севера. С. 23–24.

[2] В 1238 году после взятия Торжка основные силы монголов, не дойдя 100 верст до Новгорода, из-за весенней распутицы и высоких потерь повернули назад в степи.

[3] *Далин О.* История Шведского государства. Т. 2. С. 269. С. 264.

[4] *Стриннгольм Андерс Магнус.* Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов. М., 2002. Перевод с нем. яз. А. Шемякина. С. 36. (Далее: *Стриннгольм А.* Походы викингов).

[5] «Самоеды – урало-алтайское племя, близкое к финнам-лопарям. Имя их произошло, вероятно, от названия «Самееднам», страны, где некогда жили лопари. Первоначальная родина их была в области Саянского нагорья, но, оттесненные к северу, самоеды спустились по Оби». Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. СПб., 1890–1907.

[6] *Плано Карпини И.* История монголов. СПб, 1911. С. 47. (Далее: *Карпини П.* История монголов).

Русские лопари на гравюре Я. Линсхоттена

Действительно, «лапландцы, принадлежащие к народам Финского племени, называют свою землю Самеядна»[1]. «Самаядна сначала означала землю лопарей, поскольку Россияне некогда лопарей и самоедов за один народ признавали и потому переменили наименование Лопарской земли на имя Самоедов»[2]. Археологические находки, обнаруженные на территории самого северного поселения норвежцев, г. Вардё, подтверждают, что изначально здесь обитали аборигены края – саамы (лопари).

События, произошедшие на Крайнем Севере и приведшие к изгнанию биармийцев с Кольского Севера, происходили несколько позже. Это времена похода на Русь «Неврюевой рати», посланной Батыем в 1252 году, что привело к великому княжению на Руси Александра Невского, которому противились иные князья – потомки Ярослава Всеволодовича.

Надо сказать, со временем эти события стали забываться и даже весьма известные знатоки Крайнего Севера искренне недоумевали по поводу

[1] *Кеппен П.И.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 350.

[2] Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. М., 1789. Ч. V. С. 15.

Бронзовые лопарские украшения с магическими символами, обнаруженные в женском захоронении начала XI века близ г. Вардё (Норвегия). Из книги: P. Simonsen. Vardohus Museum Arbok. 1959

«исчезновения» Биармии и ее жителей. Так, например, Йоханес Шефферус, немецкий исследователь XVII века, пытаясь решить эту «загадку», предполагает: «Уменьшаясь в числе от многочисленных войн, жалкие их остатки слились с лапонцами, а потом забылось и само имя биармийцев»[1].

В то же время, народное творчество аборигенов в плане исторической памяти оказалось более устойчивым. Лопарские предания, сохранив недобрые воспоминания о чуди, «где ей приписывается беспощадность, жестокость и даже пожирание людей», имеет и «группу преданий более многочисленную, о чуди, побежденной новгородцами, когда последние подчиняют и даже уничтожают ее»[2].

§ 6. Союз с Ордой как условие успешности северной политики князя

Великий князь новгородский Александр Ярославович, сумев расположить к себе ордынского хана, в полной мере смог реализовать удивительные возможности нынешней своей практически абсолютной власти, опиравшейся на страшную силу Орды. Он понял, что покорность этой, пока что неодолимой, силе может принести Руси такие выгоды, о каких ни один из правителей прежде и не мечтал. При этом, что важно подчеркнуть, благоверный князь всегда оставался христианином и патриотом своей земли.[3]

Союз с Золотой Ордой завещал Александру крепить его отец, князь Ярослав, как условие предотвращения нового разгрома Руси. Сам же ве-

[1] *Иоанн Шеффер из Страсбурга.* Лапландия. Франкфурт, 1674 / Перевод с латинского языка В.С. Золотилова, Апатиты, 1930-е гг. С. 51. (Рукопись). (Далее: *Шеффер И.* Лапландия).

[2] *Керт Г.М.* Фольклор // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 139.

[3] В 1250 году князю пришлось ехать в Монголию к великому хану. Зная языческие обряды Орды, князь молился перед отъездом, обещая: «Аще и кровь свою пролию Христа ради от безбожного царя, якоже и сродники мои, кусту же и огню и идолам не поклонюся». И свое слово князь сдержал.

Монах-путешественник Плано де Карпини (ок. 1182–1252), первый европеец, посетивший Монгольскую империю и оставивший подробное описание своего путешествия

ликий князь Ярослав Всеволодович добился особого к себе расположения со стороны Золотой Орды. Об особом почете, выказываемом князю, что было вовсе нехарактерно для татарских нравов, царивших при дворе великого хана Гуюка, пишет очевидец, посланник Папы Римского Инокентия IV: «Там было несколько вождей, … более десяти других султанов, более четырех тысяч послов в числе тех, кто приносил дань, и тех, кто шел с дарами султанов, других вождей, которые являлись покориться им, и тех, кто были наместниками земель. Всех их вместе поставили за оградой. Нам же и князю Ярославу они всегда давали высшее место. Мы там пребывали в довольстве четыре недели»[1].

После кончины князя Ярослава Александр твердо держался отцовской линии, следуя путем укрепления единовластия в стране с опорой на силу Золотой Орды. Сын хана Батыя Сартак, заведующий русским направлением Орды, принял христианство и стал другом и побратимом Александра. Обещав свою поддержку, святой Александр обеспечил хану Батыю возможность выступить в поход против Монголии и стать главным повелителем всей Великой Степи. Более того, на престол Монголии был возведен вождь татар-христиан, хан Мункэ. Позже, в 1261 году, при содействии великого князя Александра в Сарае была образована православная епархия.

Именно стоящая за великим князем сила Золотой Орды и позволила устранить владычество биармийцев на Крайнем Севере и присоединить богатейшие земли терфиннов Кольского полуострова и норвежского Финнмаркена к Новгородской Руси. И более того – с властию войти в Галогаландские пределы Норвежского королевства, тем самым обеспечив успешное заключение крайне необходимого для Руси договора 1251 года.

Важность этого деяния благоверного князя велика, ибо та дань, которую Русь теперь могла беспрепятственно взимать с богатой мехами Лапландии, спасала русский народ от рабства. К этому времени и народ севера Руси должен был оказаться под этим гнетом. Именно тогда Александр

[1] *Карпини П.* История монголов. С. 75.

Заготовка пушнины. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

«сведал намерение татар обложить северную Россию, подобно Киевскому и Черниговскому княжению, определенною данию по числу людей»[1].

При всей тяжести и многообразии налогов, которые Русь платила Золотой Орде, сборщиков «салыги» – самой главной годовой дани или подушной подати, интересовала исключительно пушнина («мягкая рухлядь»). Упомянутый нами выше монах-францисканец Плано Карпини, оказавшийся на Руси в эти годы, оставил воспоминания о тех порядках: «Каждый, как малый, так и большой, бедный или богатый, платил монголам дань: одну шкуру медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру дохорь (ильтиса) *[черный лесной хорек. – **Е. М.**]* и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть обращен в их раба».[2]

Такое иго было крайне тяжело для русского человека – как физически, так и морально. Дело в том, что «поголовная подать была татарским нововведением. На Руси личность всегда оставалась в стороне от финансовых требований государства, которое знало единственные единицы для раскладки своих сборов – дворы или выти, сохи, обжи и луки»[3].

---

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. Т. IV. С. 22.

[2] *Карпини П.* История монголов. С. 33–34.

[3] *Знаменский П.* Приходское духовенство на Руси // Православное обозрение. 1867. Т. XXII. С. 183.

Решительные действия мудрого правителя Руси святого князя Александра спасли великое множество русского народа от страшного рабства в Золотой Орде и заложили принципиальные основы для дальнейшего прирастания территорий Руси землями Крайнего Севера, формирования новых границ страны как государства Северной Европы.

Рассмотрим подробнее историю государства Биармия, столь решительно упраздненного Александром Невским, да так, что даже достоверные сведения о нем практически утрачены.

§ 7. Свидетельства древних источников о Биармии

Римский географ Помпоний Мела (I в.) в своем трехтомном труде «О положении Земли» рассказывает о землях, расположенных к северу от Скифии. «На территории между Сарматией и Азией, за исключением тех областей, где царит вечная зима и невыносимый холод, живут скифские племена. Почти все эти племена объединены одним общим названием – берги»[1]. В ученом сообществе высказывались предположения, что слово «берги» и несколько более позднее «биармы» этимологически схожи.

Сочинение известного античного писателя Гая Плиния Секунда Старшего (22–79 годы по Р. Х.) «Естественная история. 6-я книга» мы знаем лишь в пересказе В.Н. Татищева. Известный римский писатель-эрудит повествует о возникновении слова «биармы», сообщаяя «о пермах, вогуличах, вотяках, лопах и самоядах, живущих по берегам Северного моря, что прежде бярмами имянованы».[2]

Олаф Магнус в своей «Истории северных народов», описывая Биармию, обращается к текстам «Деяний датчан» Саксона Грамматика (Saxo Grammaticus) (ок. 1140 – ок. 1216 гг.) дабы найти самое раннее упоминание этой страны. Таким древнейшим свидетельством существования этой северной страны является строчка из песни могучего воина древности Старкада, полубога знаменитого эпоса германских народов: «Quattuor hinc Leri natos pugilesque subegi Biarmenses»[3]. Здесь Стракад, рассказывая о своих воинских подвигах на службе у датского короля

---

[1] Помпоний Мела // Античная география / Сост. М.С. Бондарский. М. 1953. С. 225.

[2] *Татищев В.Н.* История Российская с древнейших времен. Т. 1. С. 174.

[3] *Olaus Magnus,* Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus. Romae, 1555. P. 167.

Герой древности исполин Стракард жил ради сражений. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

Фродо, упоминает и сражения в Биармии: «Убил я четырех сыновей Лера и лучших воинов-единоборцев Биармии»[1].

Хроника Саксона Грамматика, излагая древнейшие саги, достаточно часто упоминает факты биармийской истории. Так, например, сообщается о древнем властителе финнов и биармов князе Кузо (Finnorum Byarmorumque princeps Cuso) и его дочери Торе (Thora). Среди сохранившихся в истории имен, связанных с Европейским Севером, упоминается биармийский герцог Эктер (Biarmiae dux Egtherus)[2].

Можно привести и описание местоположения Биармии в давние времена, при правлении некоего царя Хиалмара (regis Hialmari), «который выдавался природными своими дарованиями и геройскими добродетелями. Он сам приобрел власть над царством Биармией (Biarmlandiae), которое расположено между Тулемаркией и Гандвикой, за восточным склоном горного хребта».[3] Мы видим, что Биармия находилась между Белым морем (Гандвиком) и некоей Тулемаркией (Thulemarkiae). При этом,

[1] The first nine books of Danish history of Saxo Grammaticus. London, 1894. P. 328. (Перевод Ф. Алексеева по просьбе автора).

[2] Saxo Grammaticus. Danmark Historie. Lib. III, V. Цит. по: *Савельев П.* Пермская губерния в археологическом отношении // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1852. Ч. 39. Кн. 7. С. 115.

[3] *Johannis Peringskioldii.* Historia Hialmari, regis Biarmlandiae atque Thulemarkiae, ex fragment runici Ms-ti literis recentioribus descripta. Stockholm, 1722. Цит. по: *Кузнецов С.Н.* К вопросу о Биармии. С. 33.

«Предания северных народов сохранили память о великих сражениях, что разворачивались в древности на просторах Лапландии. На гравюре О. Магнуса 1555 года король Лапландии Тенгиллус ведет свои войска в бой, восседая на олене». Из книги: С. Цеттерберг, А. Тиитта. Финляндия сквозь века Хельсинки. 1992. С. 29

учитывая, что рассказ записан рунами на пергаменте и идет от лица скандинава, можно считать упомянутый «восточный склон горного хребта» хорошо известными Скандинавскими горами. Именно за ними, за «восточным их склоном», простираются пространства Финнмарка и русской Лапландии на Кольском полуострове.

В таком случае упомянутая Тулемаркия ограничивает территорию Биармии с севера. Название этой местности, как видим, состоит из двух частей: «маркия» (merkum, marken), что означает пределы, поле, и «туле» – это название легендарного острова на самом севере Европы, описанного еще древнегреческим путешественником Пифеем в IV веке до Р. Х., но так до сего дня окончательно не опознанного. В то же время, Прокопий Кесарийский, византийский писатель VI века, считал Туле частью Скандинавского полуострова. Надо полагать, топонимическое название так и не идентифицированного «Туле» использовалось как некое обобщающее понятие крайне-северных островов, островов на крайних пределах земли. В таком случае загадочная Тулемаркия вполне может располагаться на землях нынешних полуостровов Рыбачий или Варангер, которые в те достопамятные времена, учитывая интенсивность подъема суши на территории Фенноскандии, были полноценными островами.

В древних российских источниках упоминание о Биармии сохранилось в так называемой Иоакимовой летописи. В ней повествуется о некоем князе Буревом[1], который «обладал всею Бярмию до реки Кумени. Последи при оной реке побежден бысть, вся свои вои погуби, едва сам спасеся, иде во град Бармы, иже на острове сый крепце устроенный, иде же князи подвластии пребываху, и тамо, пребывая, умре» [2]. Известная река Кеми[3] (Kemijoki) – историческая водная артерия, ведущая от Ботнического залива (Каяно-моря) через полярное озеро Инари (Inari-jarvi) в залив Варангер-фьорд. Думается, именно по этому водному пути ушел, «едва спасшись», князь Буревой на Север «во град Бармы».

Что касается острова, на котором сей град был «крепко устроен», то упомянутые выше полуострова Варангер или Рыбачий – вполне достойные места размещения биармийского града. Позже именно здесь корельские валиты ставили свои легендарные городища.

§ 8. Путешествие Оттара в Биармию в IX веке

Наиболее ранее и обстоятельное географическое описание местонахождения Биармии сохранилось в документе «Путешествие Отхера», записанном по повелению английского короля Альфреда Великого и помещенном в виде вставки в «Историю против язычников» (Historia adversus paganos) Павла Орозия (V в. по Р. Х.)[4]. Время этого путешествия датируется периодом от 870 до 891 года.

Рассказ начинается словами: «Оттар (Other) сказал своему господину, королю Альфреду, что он бывал у самых северных из всех людей Севера, когда как-то раз захотел он выяснить, как далеко эта земля простирается на север и живет ли кто к северу от той пустыни»[5].

О себе Оттар сообщает, что «живет он в земле к северу по Западному морю *[Норвежское море. – **Е. М.**]*, однако вся она пустынна, кроме немно-

---

[1] По времени «новгородского княжения» (начало IX века) может быть отождествлен с русским князем Бравлином, совершившим набег на Крым на рубеже VIII–IX веков.

[2] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.–Л.: АН СССР, 1962. С. 109.

[3] Также есть мнение, что упомянутая река Кумень – это впадающая в Финский залив река Кюмийоки.

[4] Манускрипты Lauderdale MS в Хемингхэм Холле и Cotton MS., Tiberius B.I. в Британской библиотеке.

[5] «Орозий короля Альфреда» (IX век) // *Матузова В.И.* Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 24.

Рассказ путешественника королю о северных землях. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

гих мест, где то там, то здесь живут финны». В норвежских источниках высказывается мнение, что Оттар жил в районе Малангена (Malangen) на юге Тромса[1], то есть на самом севере Галогаланда. Это утверждение, однако, вступает в противоречие со словами самого Оттара, приведенными в рассказе: «Он сказал, что ту местность называют Халголанд и что **он там бывал**». Так что, по мнению авторитетного скандинависта К.Ф. Тиандера, норманны в IX веке жили никак не севернее 65°N.[2]

Попутно заметим, что вскоре под давлением жестокой политики первого короля Норвегии Харальда I (870–933 гг.) и после великой битвы при Хаврсфьорде наступило массовое перемещение населения, связанное с уходом на север местных мелких правителей – хёвдингов. Как верно предчувствовал еще Оттар: «вскоре действительно норвежская колонизация активно двинулась много севернее»[3].

Таким образом, свое плавание Оттар начал от побережья провинции Галогаланд и вначале шел на судне три дня на север вдоль берега. Вскоре

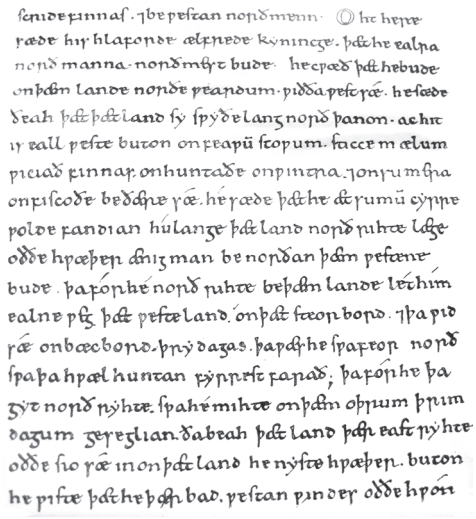
---

[1] *Helle Knut.* Grunntrekk i norsk historie // Universitetsforlaget. Oslo, 1991. P. 19–21. «Родина Оттара вблизи Тромсё, 68°5'N». *Tallgren A.M.* Biarmia, Eurasia Septentrionalia Antiqua, Helsinki, 1931. Vol. 16. P. 101.

[2] *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906. С. 53. (Далее: *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море).

[3] *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. С. 58.

«он оказался так далеко на севере, куда не заходили дальше него и охотники на китов». То есть Оттар достиг предела китобойных промыслов, район которых, по мнению К. Тиандера, располагался около 69°N, или на полпути к крайней точке севера Европы.



Фрагмент рукописной записи: рассказ Оттара на древне-датском языке. Из источника: Norges historie fremstillet for det norske folk. Vol. I–II. / af A. Bugge ... Kristiania, 1910. S. 146

После чего еще три дня путешественники подымались на север, оставляя по правому борту берег, а слева имея «Северный Внутренний океан» (так по Г. Меркатору). Таким образом, проплыв около 600 км за 6 дней, они поднялись до самой крайней северной точки Скандинавского полуострова – мыса Нордкап. «При свежем ветре суда викингов под парусом проходили Норд-Кап со скоростью до десяти узлов»[1]. Здесь Оттар повернул на восток и в течение четырех дней шел вдоль нынешнего Мурманского берега. Вскоре им снова пришлось ожидать попутного, но теперь уже северного, ветра, так как берег явно поворачивал на юг.

Надо полагать, Оттар достиг мыса Святой Нос и рубежа Лумбовских островов, после чего стал спускаться на юг, огибая восточную оконечность Кольского полуострова. Вдоль побережья Терского берега они шли еще пять дней, пока не достигли устья большой реки.

Здесь мнения исследователей о том, до какой реки добрался Оттар, разделяются. Большинство ученых склонны считать, что он дошел до крупнейшей реки Кольского полуострова – Варзуги, которая впадает в Белое море. В то же время, было высказано утверждение, что Оттар пришел в Северную Двину. Оценим аргументацию сторон.

Известный полярный путешественник и исследователь Ф. Нансен прямо называет местом окончания путешествия Оттара в Биармию (Biarmaland) реку Варзугу на Терском берегу[2]. Этой же точки зрения придержи-

[1] *Acerbi C.* Voyage au Cap-Nord par la Suede, la Finlande et la Laponie. Paris. 1804. T. 1. P. 12.

[2] *Nansen F.* Nebelheim, Bd. 1, Leipzig, 1911.

вались в XIX столетии ученые А.М. Тальгрен, К. Алениус, К. Malone, а в XX веке исследователи М.И. Белов, В.И. Матузова и др[1]. Финский историк профессор А. М. Тальгрен, анализируя рассказ Оттара, приходит к выводу, что «река, у устья которой закончилось его путешествие… должна быть где-то на Кольском полуострове – он не пересекал открытое море»[2].

К. Алениус, также указывая, что на протяжении всего путешествия Оттар «никогда не удалялся от побережья в открытое морское пространство», справедливо утверждает, что «он не мог достичь Двины, но прибыл к Кандалакшскому заливу Белого моря, к некоей впадающей в него реке, вытекающей из внутренней части Кольского полуострова»[3]. Эти выводы подтверждаются самим маршрутом путешествия.

Справедливо замечает и норвежский историк А. Бугге: «Оттар, следуя вокруг Кольского полуострова, обнаружил большую реку, которая разделяла терфиннов и биармийцев. Мы знаем, что терфинны жили и живут в земле Тре, или Турья, в Лапландии. На правом берегу реки Двины они никогда не жили. Поэтому разумным будет считать тот большой водный поток, который отделял земли терфиннов и Биармии, рекой Варзугой, которая, собственно, являлась в дальнейшем границей с терфиннами и для карельского поселения в XVI веке».[4]

«Перед ними лежала большая река, уходящая дальше вглубь по той земле. Тогда они свернули прямо в ту реку, поскольку не осмелились идти дальше реки той по морю». То есть, по описанию Оттара, им открылась река, вытекающая с того же берега, вдоль которого они все время плыли и который все время «был справа». Они свернули в эту реку, не решившись продолжать дальше свое движение по морю. Учитывая географическое положение Северной Двины, все указанное Оттаром к реке Двине никак не подходит.

---

[1] *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. М., 1956. Т. 1. С. 30; *Malone K.* King Alfred's North: A Study in Medieval Geography. «Speculum», Cambridge, Mass., 1930. Vol. V. S. 166; *Binns A.L.* Ohthere's Northern Voyage // English and German Studies. Cambridge, 1961. Vol.7. P. 49.

[2] *Tallgren A. M.* Bjarmienmaa / *Kirjoittanut A. M.* Tallgren. Helsinki, WSOY. 1930. S. 58–83.

[3] *Ahlenius K.* Die älteste geographische Kenntnis von Skandinavien // Eranos, Uppsala. 1898/1899. Vol. 3. P. 46–47. (Перевод автора).

[4] «Derfra seilede Ottar videre rundt Kolahalvøen til en stor aa, som skilte mellem terfinnes og bjarmernes land. Terfinner er de finner som bor i Ter eller Turja, Lappland. Helt ned til Dvina har finner aldrig bodd. Den elv, som skiller finner og bjarmer, er derfor rimeligvis Warsuga, som i 16. aarh». Norges historie fremstillet for det norske folk. Vol. I–II / af A. Bugge ... [et al.], Kristiania, 1910–1917. S. 149. (Перевод автора).

Безусловно, наиболее подходит под это описание река Варзуга. Это первая очень крупная водная артерия Кольского полуострова, устье которой широко открывается каждому, кто идет вдоль Терского берега с востока.

Оттар описывает, что сразу же за этой рекой, на ее другой стороне открылись поселения биармийцев: «Земля та была вся заселена по другому берегу реки». Поселения эти были столь обширны, что дальнейшее продвижение вдоль берега показалось Оттару опасным, ибо могло быть расценено биармийцами как вторжение и «вызвать вражду».

Заметим, что археологические исследования, проведенные в устье Варзуги в XX веке, позволили сделать вывод о наличии здесь в раннем Средневековье «финноязычного населения, близкого приладожскому»[1].

[1] *Гурина Н.Н.* Памятники эпохи раннего металла и раннего Средневековья на Кольском полуострове // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 14.

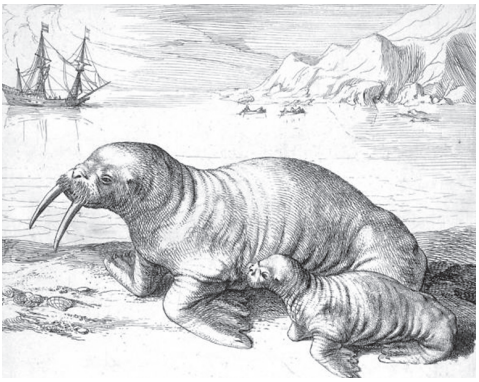
Оттар еще раз подчеркивает, что до этой реки он «не встречал ни одной населенной земли с тех самых пор, как отправился он из своего дома. На всем пути была у них справа по борту земля пустынная», при этом Оттар оговаривается, что пустынными он называет пройденные им земли лишь по сравнению с открытой им территорией биармийцев. «Беармы столь густо населяли землю свою, что они *(Оттар и его спутники)* не осмелились дальше туда пойти», тогда как землю терских финнов-лопарей (Terfinna land) они проходили не опасаясь, наблюдая там «рыбаков, охотников и птицеловов, которые все были финны. Слева же по борту было открытое море». Кстати, с древности и вплоть до середины XX века Терским так и считался берег от Святого Носа (точнее Лумбовского рубежа) до реки Варзуги.

Таким образом, утверждение ряда историков о том, что Оттар пришел к Северной Двине, противоречит словам самого мореплавателя: «Справа по борту земля пустынная… Слева же по борту было открытое море».

Оттару удалось немного побеседовать с биармийцами, при этом он отметил, что их язык практически един с финским (лопарским). Еще он выторговал «рыбий зуб» – клыки моржей («прекрасные кости»), и несколько штук привез королю. Так же и шкура моржей была «весьма хороша для корабельных канатов».

Среди сторонников иного расположения конечной точки путешествия Оттара был ученый конца XIX века Г. Геббель, который утверждал: «Отер, пройдя Святой Нос, брал курс на юг и обязательно должен был попасть в устье Северной Двины… Причем Отер вовсе не считает нужным рассказать, почему он пересек горло Белого моря: следуя ли указаниям терфиннов или потому, что он сам усмотрел высокий противоположный Терскому Зимний берег»[1]. Уважаемый ученый, как мы видим, не вполне понимает, чем отличается плавание каботажное (то есть вблизи берега) от плавания в открытом море. Оттар все время оговаривает, что идет только вблизи берега, и ведет себя очень осторожно. Плавание на Крайнем Севере сопряжено с большим риском по причине непредсказуемо резкой смены погоды, и спасти морехода в этом случае может лишь укрытие в шхерах, бухтах, губах, устьях рек и т. п. Кроме того, «увидеть» на той стороне Белого моря ничего невозможно, поскольку даже в самой

[1] Цит. по: *Леонтьев А.И., Леонтьева М.В.* Походы норманнов на Русь. М., 2009. С. 26.



Моржи. Гравюра голландского картографа Гесселя Герритса. 1613

узкой его части, в горле, ширина Белого моря порядка сорока миль[1]. О том, что он ничего с левого борта не наблюдал, свидетельствуют его слова: «По левой же их руке было открытое море». Если бы Оттар решился (правда, непонятно зачем) идти в открытое море, он бы непременно об этом упомянул.

Отстаивая «двинское» нахождение Биармии, открытой Оттаром, другой исследователь, немецкий ученый Г. Вебер, полагал, что устье Двины – «это единственное место, которое обладало огромной притягательной силой для заморских купцов».[2] Нет никаких сомнений в том, что со временем устье Северной Двины станет «местом огромной притягательной силы для заморских купцов» и что в XVI веке, с началом английской торговли на Севере, именно это место станет широко известным в мире как «порт святого Николая». Но мы-то говорим о временах около 880 года, когда о заморских купцах речи и быть не могло, что и подтверждает отважный Оттар в своем рассказе: «Ни один человек не бывал севернее, чем он». Все ставшие в дальнейшем знаменитыми «пути из варяг в греки»[3] только-только еще сложились к началу IX века[4] и вели они лишь к Варяжскому (Балтийскому) морю.

---

[1] «В Белом море почти повсеместно преобладает видимость 5–10 миль». Лоция Белого моря. Управление Гидрографической службы ВМФ, 1964.

[2] *Weber Georg.* Geschichtsbilder aus verschiedenen Zeitaltern und Nationen. Leipzig, 1883. P. 317. (Перевод К.Ф. Тиандера). «Двинского» нахождения Биармии, открытой Оттаром, придерживались: российский скандинавист К.Ф. Тиандер, историки С.Ф. Платонов, А.И. Андреев, М.Б. Свердлов.

[3] «Путь из варяг в греки и из греков по Днепру». Повесть временных лет. Перевод Д.С. Лихачева.

[4] Это произошло не позднее 825–830 гг., о чем свидетельствуют находки кладов арабских серебряных монет – «дирхемов» чеканки первой четверти IX века.

Столь же сомнительным видится утверждение Вебера о том, что земли устья Двины в то время «были самые доступные для мореходов ворота в страну, богатую драгоценным северным пушным зверем»[1]. Вряд ли столь протяженный и опасный путь из Европы вокруг всей Скандинавии и Кольского полуострова можно назвать «самым доступным для мореходов». Даже шесть столетий спустя, в середине XVI века, норвежские, голландские и датские корабли предпочитали торговать рядом с Варангерфьордом в районе Печенги, на мысе Кегор или, в крайнем случае, в Коле. И лишь благодаря волевому усилию царя Иоанна Грозного и большим льготам, дарованным английским купцам, удалось организовать большой торг на Двине, создав «порт святого Николая»[2].

§ 9. Биармия накануне похода князя Александра

Много позже последователи Оттара будут неоднократно повторять его путь, и, несомненно, дойдут дальше, до Усть-Двинских земель, где также встретят биармийцев. Надо думать, такими открывателями Двинской Биармии, пошедшими дальше Оттара, были норвежские конунги Эйрик Кровавая Секира (ок. 915 г.) и Харальд Серая Шкура (ок. 965г.). Но это будет позже. Биармийскому народу на Руси будет соответствовать этноним «чудь заволочская»[3]. «Страна сия, там, где Архангельская губерния, еще прежде владения Рюрика известна была под именем Биармия, и что Биармяне одного роду с теми Югграми *[угры, венгры. – **Е. М.**]*, которые вошли в Европу в IX веке и поселились потом на хребтах Дуная»[4]. «Известная под именем Северного Помория, или Биармии, страна сия до Рюрика, праотца Царей Российских, имела своих владетелей»[5]. Но вскоре внуки Рюрика вошли в силу, и «жители Биармии покорены новгородцами в XI веке, при Владимире и Ярославе»[6].

---

[1] Цит. по: *Леонтьев А.И., Леонтьева М.В.* Походы норманнов на Русь. М., 2009. С. 27.

[2] В наше время это район города Северодвинска, где расположен Российский центр атомного подводного судостроения.

[3] «Не подвержено никакому сомнению, что бьярмийцы принадлежали к обширному чудскому племени». Стриннгольм А. Походы викингов. С. 36.

[4] *Levesque P.C.* Histoire de Russie, et des principales nations de l'empire russe. Paris, 1812. Tome Premier. P. 77. (Перевод автора).

[5] *Мальгин Т.С.* Зерцало российских государей по Р. Х. с 862 г. по 1791 г., изображающее их родословие, союзы, потомство, царствование, кончину, место погребения и вкратце деяния с достопамятными происшествиями. СПб., 1791. С. 32.

[6] «Двинской летописец и Карамзин». *Богуслав И.А.* Исторический взгляд на Варангерское Поморье // Морской сборник. СПб., 1862. Т. LXII, № 10. С. 279.

Жертвоприношения верховному богу биармийцев – Юмалле. Рис. Bernard Picart из книги: Ceremonies et coutumes religieuses des peuples idolatres. Amsterdam, 1728. T. 2. P. 1. P. 373. С любезного разрешения Амвросианской библиотеки г. Милана

В древней хронике «История Норвегии»[1] повествуется, что «на северо-восток за Норвегию простираются многочисленные племена», среди которых упоминаются «те и другие бьярмоны». То есть жители Биармии селились в неких двух частях этой страны. Эта двухчастность Биармии упоминается и в «Деяниях датчан» Саксона Грамматика (XII в.). Объясняя эти сведения с привлечением других источников, можно прийти к выводу, что два Биармаланда были разделены Белым морем и Кандалакшским заливом, суммарно охватывая всю западную половину Беломорья между реками Онега и Варзуга».[2]

Как замечают исследователи, после этого похода «конунги к путешествиям в Бьярмию охладели». Думается, что норвежцев «охладили» союзные новгородцам корелы, решительно утверждавшие российскую власть на этих северных берегах.

Норвежские саги упоминают, что в 1217 году в Биармию прибыли два судна из Норвегии, однако экипаж одного из этих судов был уничтожен

[1] История норвежских конунгов с древнейших времен до 1115 г. Автор неизвестен. Датируется 1170 годом.

[2] *Джаксон Т.Н., Мачинский Д.А.* Связи Северной Руси и Беломорья в IX–XIII вв. (по данным письменных источников) // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 24–25.

Король Норвегии Хакон IV Старый повелевает отомстить биармийцам.
Рис. из книги: Olaus Magnus, Gothus. Historia de gentibus septentrionalibus. Romae, 1555

местными жителями. Воины другого судна проследовали далее через Русь в Святую Землю, чтобы участвовать в Пятом Крестовом походе.

Этот эпизод показывает, что государство биармийцев совсем незадолго до вторжения войск князя Александра Невского достаточно твердо стояло на ногах, уверенно управляя обширными северными территориями. Биармы, как видим, не слишком церемонились с самочинными визитерами из соседних стран. Богатство Биармии во многом зиждилось на жесточайшей эксплуатации аборигенов края – терфиннов (лопарей). В лопарских преданиях биармийцы (чудь, чудины) неизменно выступали как самые злейшие враги, против которых лопари в полной мере старались, и не без успеха, применять известные приемы своей «боевой магии», несмотря на то, что биармицы также знали толк в этом бесовском искусстве. «Чудь в лопарских преданиях рисуется племенем сильным, могучим, преисполненным богатырями и чародеями»[1].

Спустя пять лет король Норвегии Хакон IV Старый (хотя в это время ему было всего 18 лет) для отмщения за погибших рыцарей-крестоносцев в 1222 году направил четыре больших судна с дружиной с повелени-

[1] *Ефименко П.С.* Заволочская чудь. Архангельск, 1869. С. 33. (Далее: *Ефименко П.С.* Заволочская чудь).

ем покарать язычников. Покарать удалось на славу. «Мечом и огнем опустошили они Бьярмию и сделали богатую добычу, состоявшую особенно из серебряных монет и дорогих мехов»[1]. Надо сказать, что «на обратном пути все корабли викингов потерпели крушение и большая часть экипажей утонула»[2]. Видимо, языческие волхвования по-прежнему были сильны, а опыт героя «Саги об Одде Стреле», для своего спасения срочно выкинувшего в море все награбленное имущество биармийцев, не был использован.

Шведский историк А.М. Стриннгольм пишет, что «после этого Бьярмия перестала упоминаться в скандинавских источниках», но, заметим, это произошло вовсе не по причине визита «четырех больших судов» короля Хакона Хоконссона. Новгородская Русь была вынуждена внимательно взглянуть на богатства Кольского края, ибо на геополитическое пространство Европы вышла иная страшная сила. В 1236 году на Русскую землю вступило невиданное по тем временам войско хана Батыя.

§ 10. Колопермь как новгородская волость XIII века

Новгородский князь Александр Ярославович скончался в 1263 году в одной из своих новгородских волостей – в Городце. Через год, в 1264 году, был заключен договор между Новгородом Великим и тверским князем, где были перечислены новгородские владения, оставшиеся после кончины Александра Невского: «А се волости новгородьскые: Бежиче, Городець, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера»[3] В этом списке, исключая Заволочье (земли бассейнов Северной Двины и Онеги, за «волоками»), к Крайнему Северу относятся: Колаперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера – крайне северо-западные территории Великого Новгорода. «Колперемь» – это земли как бассейна реки Колы, так и территории на запад от «великой реки Колы» (исторического водного пути), территория, по-норвежски называемая Финнмаркен. Далее перечень земель движется на восток и указана волость Тре – это Терский наволок, Кольский полуостров, и в наибольшей степе-

[1] *Стриннгольм А.* Походы викингов. С. 36.

[2] *Blom G.A.* The Participation of the Kings in the Early Norwegian Sailing to Bjarmeland … // Arctic. 1984. December. P. 385. (Перевод автора).

[3] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. С. 9. № 1. (1264 г.). (Далее: Грамоты Великого Новгорода и Пскова).

ни его восточная часть и южное побережье, так называемый Терский берег. Указанные далее на восток земли Крайнего Севера – волости «Перемь, Югра, Печера» – это уже за Белым морем, к Уральским горам[1].

Понятие «волость» изменялось во времени. Если в XI – начале XII века «волость выступает как крупная территориальная единица, имеющая центром город, причем "стольный" (с княжеским столом)», то «с XIV века им обозначались небольшие административные округа, объединявшие несколько сельских поселений и городов на своей территории не имевшие»[2], что соответствует нашему случаю.

Упомянутое в грамоте название «Колаперемь» подвергалось скептическим замечаниям историков как не могущее служить основанием для признания 1264 года временем основания Колы. При этом порой активно отрицали и саму возможность существования в то время территори-

[1] *Вершинин Е.В.* Пермь Великая. Как Москва пришла на Урал // Журнал «Родина». 2001. № 11. С. 8.

[2] *Горский А.А.* Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // Русь в IX–XII веках. М.–Вологда. 2014. Ч. 1. С. 32.

ального понятия «Колаперемь»[1] как новгородской волости. Хотя не подлежит сомнению, что эти земли находились в нашей сфере влияния и, согласно «Разграничительной грамоте» 1257 года, «данники конунга Александра *[Невского. – **Е. М.**]* из Хольмгарда *[Новгорода. – **Е. М.**]*» собирали дань не только в районе Кольского залива, но и во всем норвежском Финнмаркене.[2]

Появление этой новгородской территории в статусе волости с названием Колоперемь (правда, на незначительное время) есть следствие тех самых полярных походов князя Александра, когда он «тревожил пределы Норвегии». Этим и объясняется вызывающий недоумение у историков известный факт бегства жителей Перми и просьбы о принятии их норвежским королем под свою защиту на территории Норвегии. Это те события середины XIII века, когда «норвежский король Гокан принимал дружески бежавших пермян»[3] (хотя конечно, речь идет не о собственно пермяках, а о биармийцах).

Если не принять этого факта, будет непонятно, откуда, собственно, могли бежать в Норвегию «пермяне»-«бирмийцы». Уж точно не из тех мест Перми, вдали от Кольского Севера и Финнмаркена, где традиционно селились «пермяки». Именно этим вторжением новгородских дружин окончательно завершилась история древней Биармии (или легендарной заполярной чуди). Земли Кольского полуострова на запад от реки Варзуги и далее через Кольский залив до Варангер-фьорда были освобождены от биармийцев. Дань терфиннов-лопарей стала через корельских даньщиков поступать непосредственно в Новгород.

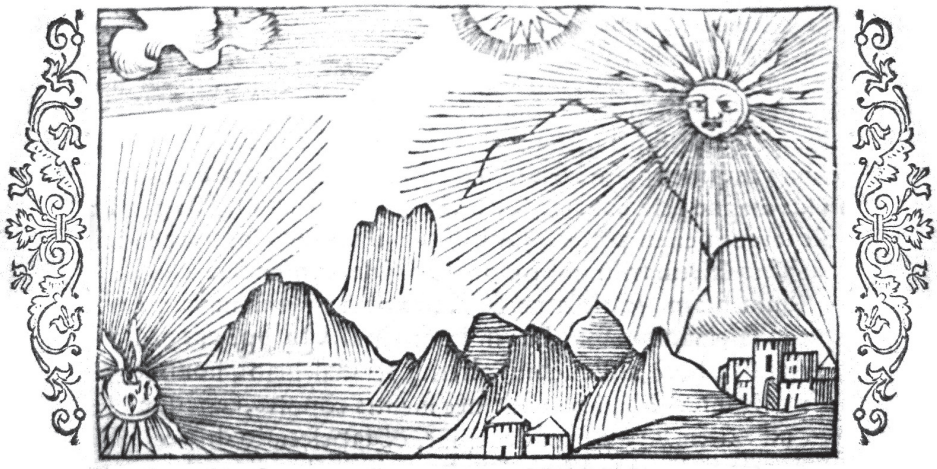
Сага о Хаконе Хаконссоне также повествует об этой истории, о по-

---

[1] В «Кольской энциклопедии» на с. 30 утверждается: «Ушаков И.Ф. и Шаскольский И.П. доказали, что "Колоперемь" означает ближнюю, или малую, вычегодскую Пермь». Следует сразу заметить, что каких-либо доказательств приведено не было. Было лишь высказано следующее предположение: «первая часть слова "Колоперемь" означало, по-видимому, ближнюю, или малую, вычегодскую Пермь в отличие от Перми Великой, но была понята как Кола». *Ушаков И.Ф.* Кольский острог (1583–1854). Военно-исторический очерк. Мурманск, 1960. Прим. 1. Однако возразим: в древнеславянском языке не было прецедента произношения слово «коло» вместо «около». См. «Окольный» – близкий, «окольничий» – близкий к особе великого князя и т. п. Приводимые отдельными авторами топонимические примеры, такие как «Кологрив», «Колояр» с объяснениями «около гривы», «около яра», научно несостоятельны. Кологрив – жеребец с густой, косматой гривой, что и отражено в гербе города; Колояр – древнеславянское имя, означающее Колесо Ярилы, или иносказательно – весеннее солнце.

[2] *Кааран А.* К истории русского Севера. С. 28.

[3] *Далин О.* История Шведского государства. С. 263. Прим. Ш.



Горы Биармии. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

корении земли биармов «татарами» в середине XIII века: «К нему пришло также много бьярмов, которые бежали с востока от немирья татар, и крестил он их тогда, и дал им фьорд, который зовется Малангр… »[1]

О том, что Александр Ярославич действовал необычайно масштабно и посещал Кольский полуостров не только для лова кречетов, ясно свидетельствуют грамоты того времени. «Александр нападал на шведов, проходя через северную и даже полярную часть Финляндии. Ходил на чудь через такие места, где вечная тьма царствует»[2]. При этом, согласно летописи, «проидоша горы непроходимые и воева Поморие все»[3]. «Горы непроходимые» – «Северные горы, простирающиеся между Балтийским и Белым морями, и есть продолжение Скандинавского хребта»[4]. Также это может быть и горный массив Кандалакшских тундр, закрывающих путь на Терский берег Кольского полуострова (на Поморье), или Хибинские горы, преграждающие путь к Кольскому заливу.

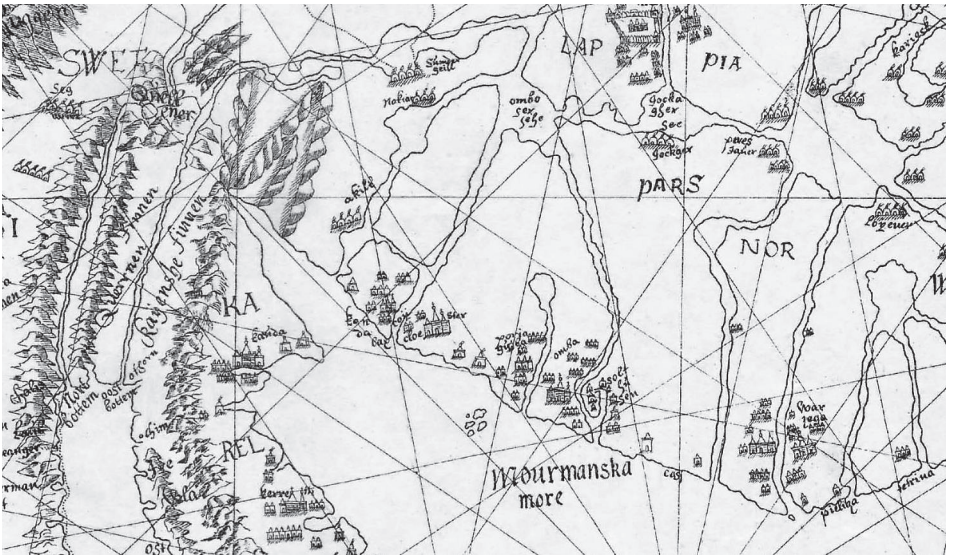
О том, что князь Александр смело выходил в походы «на чудь» даже зимой, свидетельствует летопись 1256 года: «В то же лето, на зиму, приеха князь Олександр, и митрополит с ним; и поиде князь на путь, и ми-

[1] Hakonar saga Hakonarsonar (Fornmanna sogur X). Kaupmannahovn, 1835. Bl. 152. Цит. по: *Матузова В.И.* Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 32.

[2] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1816–1829. Т. IV. С. 74. Прим. 93.

[3] Полное собрание русских летописей. СПб., 1863. Т. I. С. 203; т. VII. С. 161.

[4] Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. М., 1788. Ч. V. С. 194–195.



«Горы непроходимые» и Мурманское море на карте Симона ван Салингена XVI в. Кандалакшские тундры запирают дорогу на Терский берег, к Варзуге, на «Поморье все». При таком наступлении русских дружин вдоль береговой черты биармийцам оставалась одна возможность – принять предложение короля Хакона и отплыть на север Норвегии

трополит с ним; и новгородцы не ведяху, где князь идет; друзии говоряху, яко на Чюдь идет»[1]. Исключительная трудность таких «полярных» походов упоминается и в летописях: «И поиде с своими полки князь и с новгородцы; и бысть зол путь, аки же не видали ни дни, ни ночи; и многим шестником бысть пагуба, а новгородцев Бог соблюде»[2]. В иной редакции этот поход описывается с дополнительными «заполярными» подробностями: «Иде с новгородцы в Свейскую землю и **на чудь**, и идоша непроходными местами, яко не видяше ни дня ни ночи, **но всегда тьма,** и тако шедше повоеваша **все Поморие**»[3].

При этом еще раз заметим, что не стоит удивляться тому, что исторические документы говорят о нашествии татар на земли биармов. Запад воспринимал Русь времен великого княжения Александра Невского, сумевшего установить прочный военно-политический союз с татарскими ханами, как единое целое. Неоспоримое могущество Золотой Орды рас-

[1] Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред., предисловие А.Н. Насонова. М.–Л., 1950. С. 81.

[2] Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С. 232.

[3] Летописный лицевой свод XVI века. М.: «Актеон», 2008. Кн. 6. С. 184.

Покорение Биармии. «Пошел на чудь … и повоевали все Поморие и со многим полоном и богатством бесчисленным возвратились восвояси». Летописный лицевой свод XVI века. М.: «Актеон», 2008. Кн. 6. С. 184

пространялось на все внешнеполитические акции русских князей. Именно так трактуются завоевательные походы на прибалтийские земли времен ярла Биргера по шведским источникам: «Финляндия, невзирая на **Александра Невского и всю татарскую силу,** вскоре была опять покорена»[1].

Что же касается новгородской волости Пермь, то, еще раз подчеркнем, ее территории к Кольскому полуострову отношения не имеют. Где именно находилась Пермь и пермяне, можно узнать, прочитав в грамоте: «А что Важка[2] – то исконное место великого князя Вычегодское – пермяки»[3].

О том, что древняя Биармия существовала не где-нибудь, а именно на Кольском полуострове, там, где она и нанесена на древних картах, писали многие ученые: «Под Биармией всегда понимался весьма обширный район Севера»[4]. Или: «На основании достоверных саг и пяти географических свидетельств необходимо поместить ее (Биармию) близко от Ва-

[1] *Далин О.* История Шведского государства. С. 264.

[2] Река Вашка – приток реки Мезени, река Вычегда – приток Северной Двины.

[3] Волости великого князя Двинские (1563 г.) // Архангельский Север в документах истории. Архангельск, 2004. С. 51.

[4] *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. XIV. С. 39.

Фьорд Маланген в конце XIX в.
Из статьи: Ross A.S.C. Ohthere's «Cwenas and Lakes» // The Geographical Journal. 1954. V. 120. P. 345

рангерского залива, может быть близь нашей теперешней Колы или немного западнее»[1]. Или: «Тщательное исследование карт XVI века, при составлении которых использовались более старые источники, показало, что Биармией чаще всего называли Кольский полуостров»[2]. Или: «Славу о былом богатстве Северо-Двинского края в Средневековье нужно признать чистым недоразумением, здесь, на Северной Двине, не было никакой Биармии, ни биармийской культуры»[3].

§ 11. Волость Тре – земля особого статуса

Надо заметить, что новгородцы, при всех военно-политических перипетиях истории, в одном вопросе проявляли несгибаемую твердость. Богатейшие земли Терского наволока – «волость Тре» – обязаны платить дань непосредственно Новгороду, минуя князей: «Волость Тре подчинялась только новгородскому посаднику». Речь идет о сборе дани с богатейших лопарских погостов Кольского полуострова в целом, о береге на северо-восток от реки Варзуги и далее через горло Белого моря в Пермь и Югру, куда князьям вступать запрещалось. «Новгородцы до того дорожили этою страною, что, хотя сами платили за нее дань, так называемую "печерскую",[4] не дозволяли великим князьям входить с туземцами

---

[1] *Кузнецов С.К.* К вопросу о Биармии. С. 61.

[2] *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 4.

[3] *Кузнецов С.К.* К вопросу о Биармии. С. 62.

[4] Новгород со времен Владимира Святославича платил дань со своих доходов «от обладания Югрими и до Печеры».

в непосредственные сношения»[1]. Монополия Новгорода в торговле пушниной была практически абсолютной, начиная с XV века, «по всем вопросам, связанным с условиями торговли пушниной, ганзейские купцы обращались исключительно к Новгороду»[2].

Об особом статусе богатств Лапландии сообщают историки XIX века, ссылаясь на новгородскую грамоту 1264 года, «по которой новгородцы признавали своим начальником великого князя Ярослава Тверского, и в 1264 году между прочими условиями выговаривают, что ни сам князь, ни княгиня и никто из бояр его не имеют права владеть волостями в Лапландии»[3]. Историк В.П. Верещагин, кроме того, перечисляет дословно, в каких землях князьям не владеть «селами – в Заволочье, Коле, Угре и Перми»[4].

В то же время, по договору с Новгородом, «ходити на Терскую сторону, куда новгородцы не ходят», то есть на запад от Варзуги, было преимущественным правом великих князей в XIII и XIV веках. «Князь Александр Невский и его сын Андрей направляли на «Терскую сторону» людей для ловли кречетов»[5], при этом имели право «посылать три ватаги помытчиков *[царские охотники, «ловившие и помыкавшие» ястребов, челигов, соколов и кречетов. – **Е. М.**]*»[6]. Великий князь Андрей Александрович писал «к посадникам и к старостам: как договаривался с Новгородом ходить трем ватагам моим на море, а с моря пойдут с потками *[в северных говорах «потка» – птичка, пташка. – **Е. М.**]* с данными по данничу пути *[по пути сборщиков дани. – **Е. М.**]*, а как пошло при моем отце не ходить на Терскую сторону новгородцам, так и ныне не ходят»[7].

Это великокняжеское право дожило до времен московских царей, «присылавших сюда помытчиков, которые были обязаны ежегодно до-

---

[1] Лопари, корелы и поморцы Архангельской губернии // Северное обозрение. СПб., 1849. Т. 1. С. 150.

[2] *Хорошкевич А.Л.* Торговля великого Новгорода с Прибалтикой и западной Европой. М., 1963. С. 361.

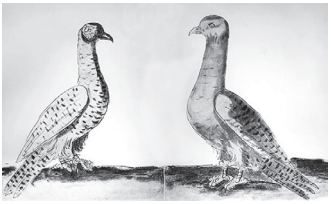
[3] *Козмин К.В.* Исторический обзор Мурманского берега // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1915. №. 1. С. 1. (Далее: *Козмин К.В.* Исторический обзор Мурманского берега).

[4] *Верещагин В.П.* Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. С. 21.

[5] *Яковенко Н.Г.* Терский берег. Мурманск, 1985. С. 17. «Кречетов пускали бить журавлей и лебедей. Те по тонкому своему чутью открывали, где летят любимые ими птицы»; *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания. М., 1880. С. 268.

[6] *Дергачев Н.* Подробное описание Лопской земли // Архангельские губернские ведомости. 1869. № 70. (Далее: *Дергачев Н.* Подробное описание Лопской земли).

[7] Акты Археографической экспедиции, СПб., 1836–1838. Т. 1. № 1. С. 157–158.



Кречеты. Рис. из «Альбома Мейерберга: Бытовые картины России XVII века». СПб., 1903

ставлять в Москву определенное количество птиц для царской охоты»[1].

Интересно, что в 1471 году, накануне падения новгородской самостоятельности, новгородцы, вновь явив свой врожденный космополитизм и пытаясь уйти под власть польского короля Казимира IV, призывают его «быть главою Новгородской державы по древним уставам гражданской свободы». При этом своих кровных интересов в этой важнейшей волости на Крайнем Севере они не забывают, оговаривая, что в «волости Тир» «сел не ставити, ни закупати, ни даром не примати, ни твоей королевой, ни твоим детям, ни твоим князем, ни твоим паном, ни твоим слугам»[2]. Справедливости ради надо признать, что, призывая к правлению «ляхов», ярых католиков, Новгород православной вере не изменил: «А тебе, честный король, веры греческой нашей православной не отымати. И римских церквей тебе в Великом Новгороде не ставити, ни по пригородам, ни по всей земле Новгородской»[3].

В 1471 году Новгород утратил самостоятельность, и волость Тре (весь юг и восток Кольского полуострова) отошла Московскому княжеству – к Ивану III. К этому времени Варзужский и Умбские погосты вышли из волости Тре и обрели отдельный статус подчинения – двинскому посаднику. Весь остальной Кольский Север в 1582 году отошел ко вновь образованному Кольскому уезду. Это «двинское пленение» волости Тре продолжалось до конца XVIII века.

§ 12. Дипломатические и военные противостояния на Кольском Севере в XIII веке

Будучи дипломатом и имея давние добрые связи с норвежскими конунгами, князь Александр Ярославович вовсе не желал еще одного района военного противостояния на севере Руси – достаточно было немецких и литовских притязаний и шведских амбиций на балтийских берегах. Потому одновременно с покорением биармийских земель Александр

[1] *Дергачев Н.* Подробное описание Лопской земли. 1869. № 87.
[2] Там же. 1869. № 65.
[3] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 132.

предпринимает учтивые дипломатические шаги в отношении Королевства Норвегия. «Той зимой, когда конунг Хакон сидел в Трандхейме, прибыли с востока из Гардарики *[«Страна городов», Северная Русь. – **Е. М.**]* послы конунга Александра *[Невского. – **Е. М.**]* из Хольмгарда *[Новгорода. – **Е. М.**]*. Жаловались они на то, что нападают друг на друга сборщики дани на севере в Финнмаркене и что они постоянно ведут войну с грабежами и убийствами»[1].

В результате «установили они тогда мир между собой и своими даннических землями», то есть в Новгороде был заключен русско-норвежский мирный договор, урегулировавший на короткое время положение в Финнмарке. Частью этого древнейшего договора явилась так называемая «Разграничительная грамота». Ситуация, описанная в «Разграничительной грамоте», абсолютно точно скопирована семьдесят лет спустя в договоре между Россией и Швецией, заключенном в Ореховце в 1323 году, что позволяет утверждать: «Данный документ < … > является частью первого договора между Новгородом и Норвегией, заключенного в 1251 году».[2]

События, произошедшие на Крайнем Севере, привели к принятию важнейших договоренностей между Россией и Норвегией, зафиксированных в «Разграничительной грамоте» и договоре. В частности, в последнем оговаривалось, что старые границы «должны быть восстановлены». Договор, однако, оставлял норвежскому королю право устанавливать рубежи по его совести, пока не приедут русские послы; после чего они вместе зафиксируют границы: «Также, когда послы из Новгорода прибудут к королю Норвегии, они должны разделить земли соответственно старым границам и размежеваниям земель, по крестному целованию, так, чтобы каждый владел своей землей. Но это размежевание земли передаем Богу и королю Норвегии, чтобы он его провел по своей совести»[3].

При всех этих учтивых формулировках, после того как Александр Невский объявил земли Финнмаркена новгородской волостью Колопермь, территория эта стала местом активного российского доминирования.

---

[1] *Тордарсон Стурла.* «Сага о Хаконе, сыне Хакона». 1265 г. (Flateyjarbok / S. Nordal. Akranes, 1944–1945. B. III. Bl. 537).

[2] *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 82.

[3] *Шаскольский И.П.* Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 45.

Корабли в норвежских фьордах. Рис. из книги:
O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

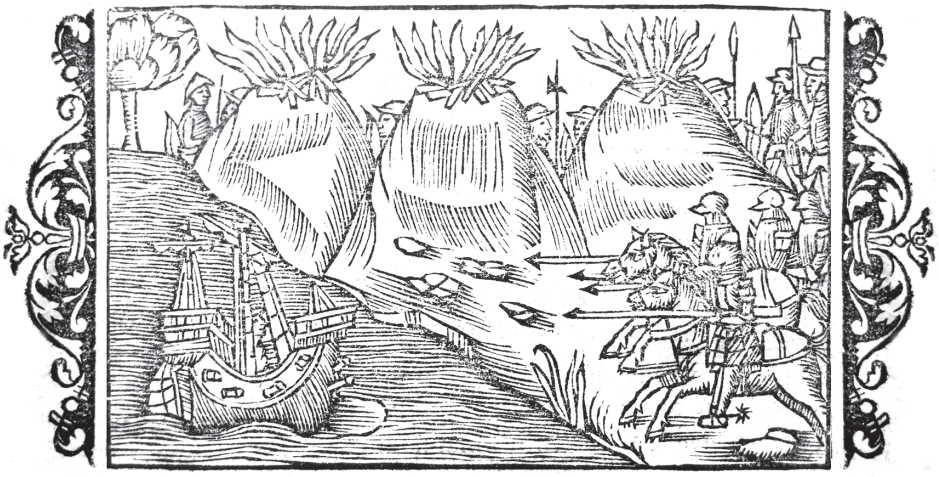
Подвластные Новгороду корелы вели непрерывную деятельность, вытесняя норвежских сборщиков дани из Финнмаркена, который отныне назывался Колопермью. Летописи сохранили ясные свидетельства этой активности, регулярно захлестывавшей даже северные окраины норвежского Галогаланда. Так, например, «в 1271 году корелы сделали нападение на Гологоланд … в 1278 году карелы напали на норвежских сборщиков дани в Финнмаркене и убили 35 человек … в 1316 году карелы уже вместе с новгородцами вторглись в Норвегию»[1]. Обстановка была столь напряженной, что «жители Галогаланда стали впервые держать в гаванях постоянно снаряженные суда «для охраны с востока»»[2]. Этот северонорвежский флот, или «Лейданг»[3], был создан в XIII веке и состоял из тринадцати судов, одно из которых (головное) базировалось наиболее близко от российской территории, на острове Карлсёй в 60 километрах к северу от нынешнего г. Тромсё.[4] Северным флотом – Лейдангом – руководили наиболее авторитетные хёвдинги и знатные вожди,

[1] *Кааран А.* К истории русского Севера. С. 27.

[2] Там же. С. 27.

[3] Форма организации иррегулярного флота в средневековой Скандинавии, применявшаяся в регулярных военных экспедициях и рейдах, а также для защиты земель от внешних угроз.

[4] *Bratrein H.D.* Karlsøy og Helgøy Bygdebok. Bind I Fra steinalder til år 1700. (Karlsøy Kommune, Hansnes), 1989. S. 235–238. (Перевод профессора Й.П. Нильсена).



Сигнальные огни при нападении с моря.
Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus … 1555

проживающие на острове Бьяркёй, недалеко от нынешнего города Харстада[1].

Можно привести и иное косвенное норвежское свидетельство военной активности россиян уже в XII веке на севере Норвегии. В знаменитой «Гулатингской Правде», основанной на древних установлениях хёвдингов, содержится инструкция о порядке извещения о нападении с моря с использованием сигнальных маяков. «Если ожидается военное вторжение в нашу страну, люди должны нести вахтенную службу на маяке. Вахтенные должны засветить маяк, когда увидят три военных корабля и более. Служба на самом северном маяке оценивается в тринадцать марок серебром, а также на ближайшем к нему маяке, **если войско ожидается с севера**, и так повсюду, где вероятнее всего может появиться войско»[2]. Естественно полагать, что войско, идущее с севера на кораблях к берегам Норвегии, имело российское происхождение.

Столь активное утверждение российской даннической власти на северных территориях вблизи одной из католических стран не могло не вызвать беспокойства Папского престола. Папа Иоанн XXIII в 1323 году

[1] Там же.

[2] О защите страны / Законы Гулатинга в редакции короля Магнуса Исправителя Законов 1274 г. Перевод и примечания М.В. Панкратова. Институт Всеобщей Истории РАН.

в очередном послании писал о своей «скорби от того, что русские и карелы опустошают Норвегию, грабят и убивают», и что эти «язычники, называемые финнами, совершают насилие в норвежском государстве»[1]. Из приведенных слов можно видеть, во-первых, что коренное население края, лопари-терфины, порой занимали в этих спорах российскую сторону. Во-вторых, следует возразить по сути папского утверждения и заметить, что «норвежское государство» упомянуто здесь не правомочно, поскольку речь идет о территориях, никогда Норвегии не принадлежавших и отвоеванных князем Александром Ярославовичем у биармийцев в 1251 году.

§ 13. Последние упоминания Колоперми и причины их исчезновения

Так или иначе, мы ясно видим, что со второй половины XIII века и до начала XIV века территория Колоперми (Финнмаркена) считалась российской и уверенно контролировалась новгородцами и корелами, как и положено в отношении новгородской волости.

Последний раз территория Колоперьмь («Голоперьмь») упоминается в 1304 году в грамоте, данной Новгородом тверскому великому князю Михаилу Ярославичу. И вновь перечень новгородских северных волостей следует строго с запада на восток: «Голоперьмь, Тьре, Перьмь, Печера, Югра»[2]. После этого года волость Колопермь исчезает из перечня земель, принадлежащих Великому Новгороду.

Причина утраты Новгородом этой территории как своей волости и исчезновение из летописного лексикона названия «Колопермь», надо полагать, состоит в том «размене», который был проведен с Новгородом малолетним «королем Норвегии, Швеции и Готов» Магнусом VII при заключении договора 1326 года «о вечном мире сроком на 10 лет». В этом договоре – «Разграничительной грамоте» – оговаривалось: «Новгородцы не должны переходить за древний рубеж или за пределы земель, по крестному целованию; а если перешли, должны равномерно возвратить норвежцам их землю»[3].

---

[1] *Suhm P.F.* Udtog af Danmarks, Norges og Holsteins historie. Copenhagen, V. XII, 1776. P. 82.

[2] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 17.

[3] *Бутков П.* Три древних договора // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1837. Ч. 23–24. № 1–6. С. 337. (Далее: *Бутков*. Три древних договора).

Военно-политическая ситуация и ход войны со Швецией не благоприятствовали Руси. Иметь еще один конфликт на Крайнем Севере, на границе с Норвегией, было крайне нежелательно. Скандинавия готовила большой Крестовый поход. Папа Иоанн XXII обещал малолетнему королю Магнусу VII Смеке предоставить для этой кампании половину всех средств, собранных для освобождения Святой Земли. Однако послание Папы пришло с большим опозданием: стороны уже подписали мирный договор 1326 года. Удивительно для тех времен, но этот договор соблюдался значительно дольше оговоренного срока действия. Возмужав и войдя в силу, король Магнус бросился «наверстывать упущенное» и развил военную активность против Руси. Однако походы его закончились бесславно, равно как и судьба его была печальна, о чем мы расскажем в главе «Рукописание Магнуша».

После заключения мира в 1326 году Новгород возвращал землям, захваченным Александром Невским в районе Кольского залива (Колаперемь), статус двоеданных территорий при условии возвращения Норвегии к своим прежним границам («древним означениям и рубежам»), то есть в район реки Паз. О том свидетельствует текст договора в переводе с латыни: «Если норвежцы в течение последних лет перешли древнее означение или рубеж земель, то должны оставить и отдать русским их землю, по крестному целованию»[1].

Соответственно, и собственные границы новгородских земель на Кольском полуострове «не должны переходить древнее означение и рубеж земель» и вновь возвращались на рубеж реки Вялы, что протекает близ Умбы. Таким образом, болезненная проблема так называемого общего Северного дистрикта была разрешена, он вновь был открыт для мирного совместного сбора дани с саамов и простирался от Белого моря до города Тромсё, занимая всю русскую Лапландию, шведский Лапмаркен и весь Норвежский Финнмарк.[2] В то же время, земли Тре (восточная часть Кольского полуострова) от Умбы до Святого Носа стали безусловными российскими вотчинами в составе Новгородской республики.

---

[1] «Item si Norici transgressi sunt antiquam terrarium signationem vel divisionem istis annis, debent dimittere ac reddere Rutenis terram suam per osculationem cruces» (лат.). Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 69.

[2] Об этих рубежах см.: Norges gamle Love III. Christiania, 1849. S. 152–153; Sverges traktater. I. Stockholm, 1877. S. 506–507.

Крестовый камень (Ristikivi), сохранившийся памятник «древним означениям и рубежам» в Карелии. XIV в. Название таких знаков происходит от «крестного целования»

Но эти решения окончательно были сформулированы лишь к 1323 году при заключении Ореховского мирного договора со шведами и 1326 года с норвежцами. Таким образом, можно утверждать, что в период с 1251 по 1326 годы земли в районе Кольского залива от древнего саамского Муномашского погоста на Коле и далее на запад числились российскими владениями в составе Новгородской республики под названием Колоперемь.

§ 14. Система сбора северной дани князя Александра

Освободив земли Кольского Севера от всевластия биармийцев, паразитировавших на саамах-лопарях, великий князь Александр Невский должен был теперь установить систему сбора дани на этих территориях. «Дикая лопь», населявшая бескрайние просторы Великой Лапландии, имела одну очень важную особенность отношений со своими оленьими стадами. В отличие от иных малых северных народов, живущих оленеводством, то есть выпасом оленьих стад, лопари стада не пасли. Они жили вместе со стадом. То есть лопарский сийт, как некая территориальная община, перемещалась вместе со стадом оленей в соответствии с его природными сезонными миграциями и невзирая на государственные границы. Потому требовалось выработать строгий временной и территориальный порядок сбора дани, в противном случае кочующие с оленями лопарские семьи нужно было бы искать очень долго и далеко.

В результате, вместо определения территориальных рубежей, Норвегия и Русь на протяжении долгих столетий «мирились с существованием огромных общих владений, где право государства на налогообложение было привязано не к конкретной территории, а к конкретным группам

Олени Лапландии. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus … 1555

саамов»[1]. Дань с кочующих саамов взимали непосредственно там, где они находились в зависимости от времени года. «Привязка фискальной юрисдикции к этносу, а не к определенному физическому пространству, являлась сутью пограничного договора, заключенного между норвежским королем и великим новгородским князем в 1251 и 1326 годах»[2]. В этом утверждении мы, безусловно, согласны с трактовкой сути договора 1326 года и возражаем по 1251 году.

Надо полагать, князь Александр Невский устанавливал систему сбора дани с лопарских погостов не «с чистого листа». Государство биармийцев, будучи данником Руси, должно было уже иметь сложившуюся систему сбора дани. И, безусловно, на пограничной реке Варзуге такой центр сбора уже существовал и маршруты сбора дани – пути движения ее сборщиков – были проторены основательно. Об этих путях упоминает сын Александра Невского, князь Андрей Александрович, в 1294 году, договариваясь о походе трех ватаг на Терскую сторону и указывая, что пойдут они «с данниками, по данничьему пути»[3].

---

[1] Об этом см.: *Hansen L.I.* Interaction between Northern European Sub-Arctic Societies during the Middle Ages. Indigenous Peoples, Peasants and State Builders // Rindal M. (ed.) Two Studies on the Middle Ages. KULTs Skriftserie No. 66. 1996. P. 31–95.

[2] *Нильсен Й.П., Зайков К.С.* Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне // Арктика и Север. 2012. № 5 (январь). С. 5.

[3] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 142.

Надпись «Biamzar» на карте Московии голландца Г. Герритса 1613 года (по автографу царевича Феодора Годунова)

Надпись «Biamzar» на английской карте Адриана Вина (Adrianus Veno Aurelius) 1600 года

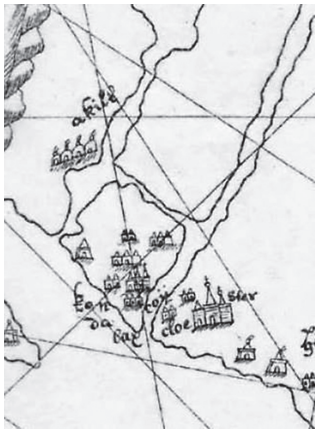
Если мы присмотримся к названиям, сохранившимся на старинных картах в районе нынешней Варзуги, то увидим рядом с надписью «Warziga» селение «Biamzar». Что значит это слово, можно лишь предположить. Может, «царь Биармии»? Несомненно одно: у биармийской страны должна была быть столица.

Равно и западный пункт сбора дани можно определить как устье реки Кандалакши (см. «Атлас А.Ф. Маркса» 1905 года), которое к нынешнему месту расположения города Кандалакша на реке Ниве отношения не имеет. Ныне Кандалакша – болотистая речушка, впадающая в губу Канда, сохранившая при этом свою древнюю водную связь с Вадозером и далее с Бабинской Имандрой. Это подтверждает и карта Симона ван Салингена (XVI в.), на которой мы видим реку, вытекающую из озера с названием «Akill» – западной части озера Имандра, которая «называлась лопарями Аккельайверь»[1]. На первый взгляд, более удобный и прямой маршрут по реке Ниве, при устье которой расположилась современная Кандалакша, для коммерческого водного пути оказался абсолютно непригоден из-за бурности и порожистости этой реки.

В устье же речки Кандалакши, на берегу залива Канда, на древних картах[2] размещают административный центр сбора дани с западной территории края, упоминаемый как Nordenborgh (Nordenberg). Название

[1] История изучения озера Имандра // Апатиты: Природа. Экология. Туризм. http://eco-apatity.jimdo.com.

[2] В последний раз обозначен в 1613 году на карте «Nativus Sueciae adiacentiumque regnorum typus» картографа Judocus Hondius, Amsterdam.

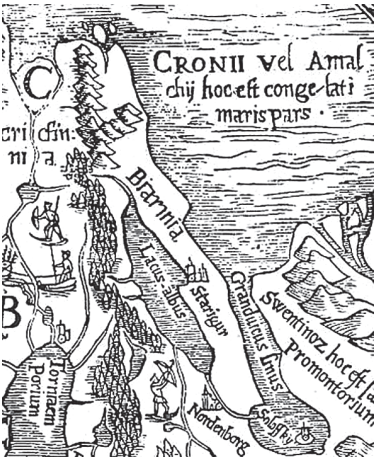


На карте Симона ван Салингена из озера с названием Akill (западная часть озера Имандра) вытекает река, завершающая великий водный путь

«Nordenborgh» очевидным образом вызывает ассоциации с Тевтонским орденом и их крепостью Норденбург (ныне п. Крылово Калининградской области). Дословно это название упоминается лишь однажды: в 1254 году, в известном труде по истории Восточной Пруссии, и звучит как «ecclesiam parochialem Nordenborgh» – «приходская церковь Норденборха»[1].

В числе неразгаданных названий на старых картах стоит упомянуть некий Starigur (Старый город?) на восточном берегу Lacus Albus (система озер Имандры). Возможно, здесь было какое-то древнее поселение биармийцев в районе нынешнего г. Апатиты либо в районе лопарских погостов Ловозера-Ревды.

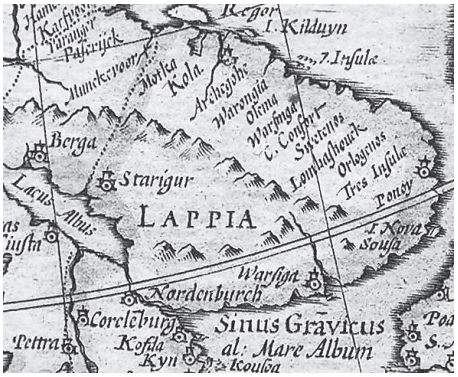
Норденборг на карте 1595 года



Биармия и Норденборг на карте Олафа Магнуса 1567 года, г. Базель

Задача успешности сбора дани со столь огромных территорий диктовала и места выбора пунктов, куда свозилось и где временно хранилось такое количество пушнины. Вопрос организации сбора дани для князей

[1] *Saage J.M., Woelky C.P.* Scriptores rerum Warmiensium oder Quellenschriften zur Geschichte Ermlands, Braunsberg, 1866. 2 Vol. S. 381.



На карте Г. Меркатора 1598 года город Норденборг по-прежнему находится в устье Кандалакшской губы и от него идет водный путь во внутренние большие озера (нынешние Имандры), на всех картах того времени обозначенные как Lacus Albus

На восточном берегу Lacus Albus всегда обозначается Starigur (Старый город). Возможно, здесь было некое древнее поселение биармийцев (район нынешнего г. Апатиты либо в районе нынешних лопарских погостов Ловозера-Ревды)

того времени, да и для любой формы государственной власти, всегда был наиважнейшим. Успешность его решения напрямую определяла военную мощь и иные возможности государства.

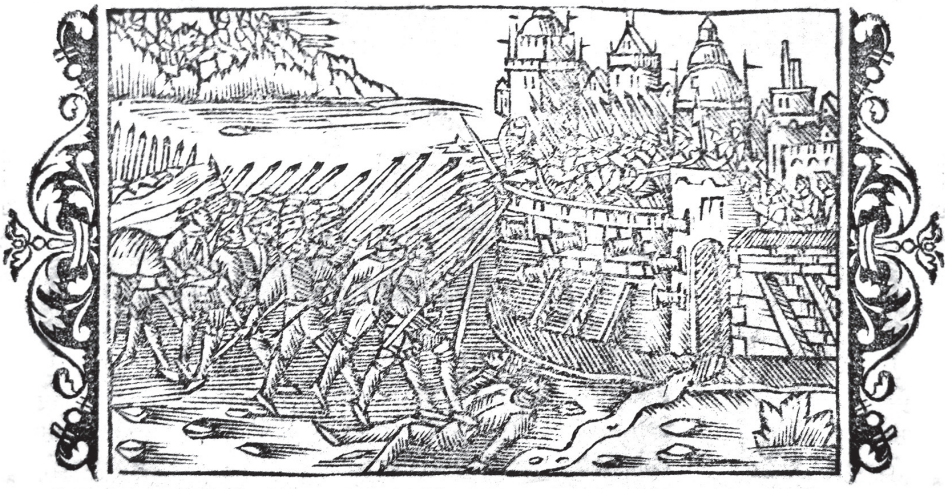
Так, например, в 947 году княгиня Ольга, входя во власть, после известной расправы с древлянами, в первую очередь побывала на Севере Руси, в новгородских и псковских землях, где назначила там «уроки» (оброк, подать), установив систему «погостов». Мы не знаем, до каких пределов простирались тогда на север новгородские погосты, но эти административные единицы стали центрами торговли и обмена, в которых упорядоченно происходил сбор податей: «и оустави погосты и дань, и по лузе погосты и дань и оброкы». Впоследствии именно по этим погостам в первую очередь стали строить храмы.

«По летописям XII столетия, лопари имели старшин, а для управления краем посылались посадники от Великого Новгорода, осуществлявшие властные функции и собиравшие подати. В XIII веке управляли страной и собирали дань выборные новгородские мужи, называемые даньщиками, или данниками»[1].

Летописи 1216 года донесли до нас имя такого сборщика дани с земли Тре – некоего «Сьмьюна Петриловиця, тьрьского даньника»[2] *[Терского*

[1] *Дергачев Н.* Подробное описание Лопской земли. 1869. № 70.

[2] ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Издание 1-е. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 126.



Приступ к северной крепости. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

*даньщика Симеона Петриловича. – **Е. М.**]*. Можно уверенно говорить, что на Терском берегу такая система сбора в те времена уже существовала и был обозначен какой-то центр сбора дани. Сам факт, что в летописном рассказе о масштабном сражении на берегу реки Липицы близ Юрьева-Польского особо упоминается сборщик дани, да еще по имени-отчеству, свидетельствует о его исключительно высоком статусе.

Земли терфиннов, как мы помним, в те времена начинались с левого, восточного, берега реки Варзуги (изначально – Варзиги)[1]. С этого рубежа и начиналось движение данников по всему Кольскому полуострову. Особый статус поселения на Варзуге можно отметить по многим историческим признакам. Об этом свидетельствует, например, известный поход «мурманов» 1419 года, когда «500 человек на бусах и шнеках» проделали путь в 2000 километров, чтобы «повоевать в Варзуги погост Корильский»[2]. Очевидно, этот «погост» интересовал «мурманов» именно как особо богатое поселение, как место сбора дани.

[1] «Варзуга, Варзига – это Варси-йоки, или стебель-река, ствол-река, т. е. река как ось, по обеим сторонам которой и селились люди… Во многих названиях древних рек севера, которые уже и не считаются финно-угорскими, сохранился суффикс «-га», восходящий к финскому «joki» – река: Мга, Печенга, Йоканьга и др.». *Миловидова О.В.* «Вначале был север… Этимология топонимики Кольского полуострова» // «Север и История». Четвертые Феодоритовские чтения. Мурманск – СПб., 2012. С. 148.

[2] Первый Новгородский летописный свод за 1419 год // ПСРЛ. Т. 3. С. 108.

Об этом свидетельствуют данные последних археологических исследований, показавших, что в Варзуге существовало средневековое городище, уничтоженное именно в 1419 году, а также что первая Никольская церковь на восточном берегу реки уже была построена около 1325 года.

В начале XV века противостояние с королевством Кальмарской унии[1] значительно возросло. Так, в 1411 году шведы особо интенсивно совершали вылазки в новгородские земли, уничтожив, например, крепость Тиверский городок в Карелии (фин. Tiurinlinna).

Ответ не замедлил себя ждать. Шведское поселение Выборг было разорено и сожжено, хотя сама крепость устояла. Еще один удар, одновременно с действием главных сил у Выборга, был нанесен на севере – «ходиша из Заволочья войною на Мурмане новгородским повелением, а воевода Яков Степанович, посадник Двинский. И повоеваши их»[2].

§ 15. Северное наследие князя Александра

В дальнейшем, также в русле «северной политики» святого Александра Невского и договора 1251 года, как мы уже упоминали, в 1323 году, был подписан необычайно важный для истории Крайнего Севера договор о мире, границе и торговле в Заволочье и Лапландии. В этом Ореховецком договоре (Юрьевой грамоте) были особо подробно оговорены пограничные рубежи на финно-карельских прибалтийских спорных со Швецией территориях. Это была уступка Швеции части русской Карелии, ближайшие к Выборгу округа по берегу Финского залива по Сестререке и далее вглубь страны на Север.

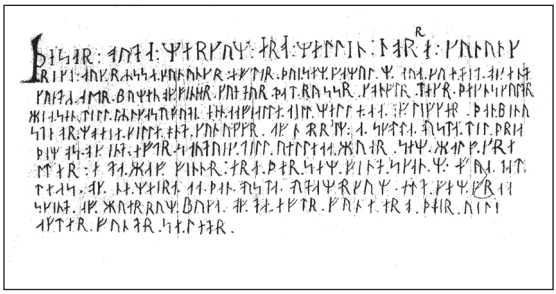
Приближаясь в тексте к территориям Крайнего Севера, договор упоминает приметные рубежные географические пункты: «оттуда в Каскиярви *[Kaskijärvi, фин. – «Круглое озеро». –* ***Е. М.****]*, Рауикоски *[Раякоски, фин. Rajakoski – «пограничный порог» на Паз-реке]*, и на Келлон – Тайпала *[Taipale, фин. – «путь, волок»]*. Оттуда границы предлежащей земли содержатся в других местах и проч.»[3]. К сожалению, на этом описание

---

[1] В 1397 году Швеция, Дания и Норвегия объединились в так называемую Кальмарскую унию, в результате которой был коронован единый король трех скандинавских стран – Эрик Померанский (правил до 1442 года).

[2] Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л.: АН СССР, 1950. С. 399. Надо сказать, вскоре, в 1415 году, еще один серьезный поход в шведские земли новгородцы совершили в северной части Ботнического залива.

[3] *Бутков.* Три древних договора. С. 337.



Фрагмент скандинавской рунной грамоты IX–X веков, утверждающей северные рубежи сбора дани «короля Норвегии и государя Руссов». Из книги: Biörner, Eric Julius. Cogitationes critico philologicæ de orthographia linguæ Svio gothicæ, … præfixis prolegomenis de initiis et migrationibus gentium Scandogothicarum / auctore Erico Julio Björner. Stockholmiæ: typis Laurentii Salvii, 1742. P. 60

рубежей на Крайнем Севере, как мы видим, прерывается с оговоркой про «другие места». То есть в тот момент существовали другие договоры, которые участникам той встречи были известны лучше, чем нам сейчас. Так, например, есть свидетельство, что далее рубежи шли «по хребту Мансельну, по озеру Энаре до Ледовитого океана в Варангере и Неогдеме *[нынешний Нейден. – **Е. М.**]*»[1].

В то же время, согласно «древним означениям и рубежам», так называемый общий Северный дистрикт, территория сбора дани с саамов, по-прежнему простирался от Белого моря до нынешнего города Тромсё, занимая всю русскую Лапландию, шведский Лапмаркен и весь норвежский Финнмарк.

«Реалии, описываемые в древней “Разграничительной (рунной) грамоте”», в дальнейшем будут «в полной мере совпадать с ситуацией, отраженной в договоре между Россией и Швецией, заключенном в Ореховце *[в крепости Орешек. – **Е. М.**]* в 1323 году»[2]. Таким образом, этот договор можно считать «частью первого договора между Новгородом и Норвегией, заключенного в 1251 году»[3].

При этом следует подчеркнуть, что «Разграничительная грамота» 1326 года вообще не упоминала и не вносила никаких новых «порубежных» географических признаков[4], она лишь подтвердила прежние договоренности 1251 года, «как бывало прежде между предшественниками

[1] Из неопубликованной записки П.Г. Буткова «О старой Финляндии». Цит. по: *Ордин К.* Покорение Финляндии. С. 30.

[2] *Линд Дж.Х.* «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 134.

[3] *Янин В.Л.* Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991. С. 82.

[4] *Hansen Lars Ivar.* The overlapping taxation areas of the North and the nature of the Russian-Norwegian border in Medieval and Early Modern times // Russia – Norway: Physical and Symbolic Borders. Moscow, 2005. P. 41.

Крепость Орешек (Шлиссельбург) и ее план. Гравюра 1656 года из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию… ». СПб., 1906

нашими». То есть были подтверждены древние договоренности: «Таковы границы между владениями конунга Норвегии и конунга руссов»[1].

Приведем еще один вариант перевода этих договоренностей: «Русские взимают дань вдоль моря *[берега нынешнего Баренцева и Норвежского морей. – **Е. М.**]* до Lungstuen *[местечко в 45 км на восток от г. Тромсё. – **Е. М.**]*, а на фиельдах *[«полях», то есть на материке. – **Е. М.**]* вдоль Moele-реки *[сейчас река Муониэльвен. – **Е. М.**]*, лежащей несколько выше[2] Lungstuen, к востоку от Киелена *[Kjolen – цепь горных хребтов вдоль побережья Норвегии к северу от Тронхейма. – **Е. М.**]*. Норвежский же король берет дань на востоке от начала Trjanema *[Кольского полуострова. – **Е. М.**]* до Gandvik *[Белого моря. – **Е. М.**]*, там, где течет Vela-река *[река Вяла (Vælijoki] на Белом море (Vilgesáhpi], приток реки Умба. – **Е. М.**]*. Везде, где живут полукарелы или полуфинны *[полусаамы. – **Е. М.**]*, происходящие от финской матери»[3].

Упомянутые «полукарелы», или «полуфинны» – следствие специфики торговых контактов корелов и лопарей в условиях перманентных столкновений и конфликтов в то время. Необходимое «торговое перемирие» сопровождалось обменом заложниками, а также приходом саамских женщин в стан к корельским купцам с целью забеременеть.[4] «Таким

[1] Из «Разграничительной грамоты» 1326 года. См.: *Шаскольский И.П.* Русско-норвежский договор 1326 года // Скандинавский сб. Таллин: Ээсти Раамат, 1970. Т. 15. С. 69.

[2] Здесь мы вновь видим противоположное нынешнему восприятие направления движения: к югу – это вверх («на Русь»), на север – это вниз («в Норвегу»).

[3] Norges gamle Love III. Christiania, 1849. S. 152–153; Sverges traktater. I. Stockholm, 1877. S. 506–507. (Перевод А.К. Каарана).

[4] История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н.А. Кораблев и др. Петрозаводск, 2001. С. 63–64.

образом, с помощью обычая гостеприимного гетеризма саами обновляли свой генофонд».[1]

«Судя по этому сообщению "Разграничительной грамоты", первоначальное торгово-промысловое проникновение корелы в Беломорье, предшествовавшее заселению его "пятью родами корельских детей" (известных по актам XV века), следует относить ко времени не позднее начала XIII столетия»[2]. Упомянутые пять родов – это «курольцы, ровкольцы, вымольцы, тиврульцы и валдолейцы, или наволоч-род».[3] Изначально именно эти «пять родов корельских детей» и владели всей Корелией от Каяно-моря (Ботнического залива) до Гандвика (Белого моря), а позже

[1] *Жуков А.* Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментарий) // Антропологический форум. СПб., 2004. № 1. С. 299.

[2] *Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н.* Письменные известия о карелах (X–XVI вв.). Петрозаводск, 1996.

[3] *Макарий (Миролюбов), епископ.* Христианство в пределах Архангельской епархии // ЧОИДР. 1878. С. 52. (Далее: *Макарий.* Христианство в пределах Архангельской епархии).

и южным побережьем Кольского полуострова (Терским берегом). Им принадлежали промысловые угодья, сельскохозяйственные земли, празга (право откупа, аренды) и право торговать с лопарями. С приходом новгородцев, как мы видим из летописных свидетельств, ситуация с «владением отчинами родов корельских» стала значительно меняться.

О том, насколько далеко на север распространились эти «роды корельских детей», свидетельствует название одного из становищ на западном берегу полуострова Рыбачий – Тиврульское[1]. Тиврульцы, как мы упомянули выше, – один из этих корельских родов.

Центрами сбора дани с населения Великой Лапландии для ее дальнейшей отправки на Большую землю со времен Александра Невского были определены поселение Варзуга и район нынешней Кандалакши (в устье речки Кандалакши, залива Канда). Варзуга отвечала за дань с корелы и лопарей Кольского полуострова, Кандалакша – с земель на запад от Кольского залива и в Финнмаркене. «В Лапландии не было бояр, а страной управляли сборщики податей».[2]

С падением новгородской самостоятельности, как мы показали ранее, великие князья Московские оставили древнюю схему сбора дани без изменений[3]. Право владения торговыми точками, исторически сложившимися на границах лопарских территорий, долгое время составляло одну из важнейших привилегий корелов и особую статью дохода. Постепенно, с заселением земель Терского берега новгородцами и с появлением монастырей, эти торговые места («торговые козицы») переходили в ведение новых владельцев. «Се даст Полага Шаншина в дом Святого Спаса <…> на Лопи торговую козицу игумену и всем старцам Соловецким» (1484); «Се даст Нестер Иванович на Лопи торговую козицу в дом святому Спасу» (1479). Странное для этих мест слово «козица», оставшееся в употреблении, – одно из свидетельств пребывания на Кольском полуострове жителей «Биармии». На пермяцком языке: «кӧзічја» – торба для торговли, козица[4]. Так же называлась упаковка для хранения и перевозки меховых шкурок: «Судя по таможенным книгам, в XVII веке

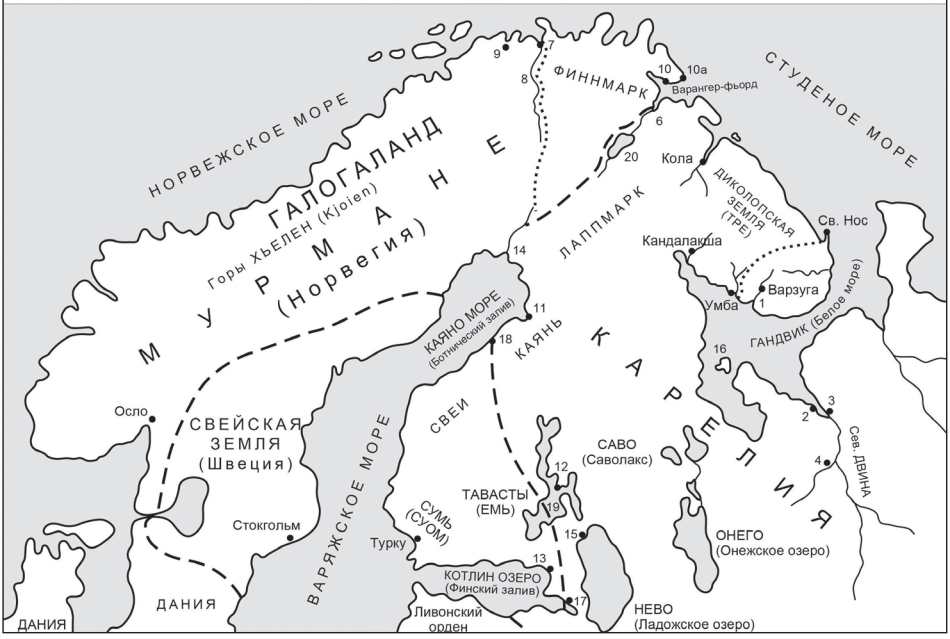
[1] Писцовые книги дьяка Василья 1608–1610 гг. Цит. по: *Козмин К.В.* Исторический обзор Мурманского берега. С. 2.

[2] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии в XVI веке // Литературный вестник. СПб., Т. I. Кн. III. 1901. С. 305. (Далее: *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии).

[3] См.: *Kirkinen H.* Karjala Taistelukenttänä. Karjala idän ja lännen välissä. S. 70.

[4] Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь, составленный Николаем Роговым. СПб., 1869.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРА ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ XV ВЕКА
(с границами владения согласно Ореховецкому миру 1323 года)



ЦИФРОВЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

1 — **Корельский погост Варзуги** *(нынешнее село Варзуга).*

2 — **Корельский Никольский монастырь** *(будущий Северодвинск).*

3 — **Михайлов монастырь** *(будущий Архангельск). Основан в XII веке.*

4 — **Городище Орлец** *(ныне дер. Орлецы на Двине). Основан в 1342 году.*

5 — **Приток р. Умбы — р. Вяла (Vela)** — *граница сбора дани Норвегии.*

6 — **Река Паз** — *северная граница русских территорий.*

7 — **Норвежское селение Lungsturen** — *крайний населенный пункт сбора дани русскими.*

8 — **Река Moele, сейчас Муониэльвен** — *естественная граница сбора дани русскими.*

9 — **Селение Тромсе.** *Первое упоминание в 1242 году. Центр самого северного, в то время, района Норвегии — Галогаланда.*

10 — **с. Вадсё** *(по-поморски Васин).*

10а — **Селение Варде (1307 год) и крепость Vardohus** *(по-поморски Варгав) на западном берегу залива Варангер-фьорд (по-поморски Варенг).*

11 — **Шведская крепость Оулу (по русски — Овлуй)** *в Восточной Ботнии (Остерботнии). Поставлена в 1375 году в нарушении договора 1323 года.*

12 — **Место шведской крепости Нишлот (Olofsborg).** *Будет поставлена в 1475 году.*

13 — **Шведская крепость Выборг** *(осн. 1293 год).*

14 — **Река Турнеэльвен (Торнео, фин. Torniojoki)** *историческая граница Норвегии в Норботнии.*

15 — **Русская крепость Кексгольм** *(осн. шведами в 1293 год) в древнем корельском поселении Корела Приозерск).*

16 — **Соловецкие острова** *(первое упоминание о монастыре будет в 1449 году).*

17 — **Место впадения реки Сестры (Siestarjoki)** *в Финский злив — начальная точка границы со Швецией.*

18 — **Место впадения реки Пюхайоки (Pihajoki)** *в Ботнический залив — конечная точка границы со Швецией.*

19 — **Озеро Сайма (Saimaa)** — *один из ориентиров грницы со Швецией.*

20 — **Озеро Энаре (Inari, Enare)** — *пограничный рубеж Норвегии и Новгорода.*

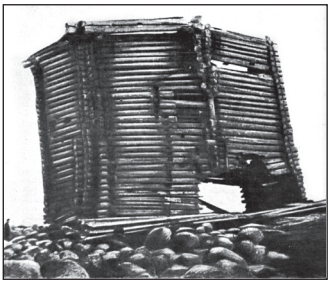
пушнину упаковывали в “козки”, “козицы” – мешки, сделанные из шкуры, снятой чулком»[1].

[1] *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой. М., 1963. С. 360.

§ 16. Продолжение борьбы за Кольский Север в последующие столетия

В XIV веке русское поморское население продвигается еще дальше на восток Терского берега, осваивая новые тоневые участки[1], и вскоре восточной границей саамского этноса на Беломорском побережье становится новый «лопский рубеж», проходящий по реке Пялице. «Речка Пялица, а в ней заборишко, половину тое речки ведают Варзужаня, а другую половину тое речки ведают Терские лопари, то им межа»[2].

Уже в 1469 году «посадница Марфа» отписывает новгородские владения, «по морскому берегу рыбные ловища, земли, и воду, и пожни, и лешей лес» Терского берега Соловецкому монастырю. Марфа Борецкая жертвовала «игумену Зосиме и священникам и старцем» промысловые угодья «от Умские межи *[граница владений между Умбой и Варзугой проходила по реке Оленица. – **Е. М.**]*, от Кашкаранского Ручья *[речка, не доезжая 3 км до Кашкаранцев. – **Е. М.**]* и до Красныя Щелейки[3] *[граница между владениями Варзуги и терскими лопарями на востоке. – **Е. М.**]*»[4].



Руины бастиона Беломорской Кеми еще можно было видеть в 1880-е гг. Фото из архива Института языка, литературы и истории Карелии (г. Петрозаводск)

Надо сказать, Марфа Борецкая была весьма щедрым жертвователем в пользу Соловецкого монастыря: «Она подарила обители нынешний посад Суму, село Сороку и город Кемь»[5].

Статус общей территории сбора дани в Финнмарке (Северный дистрикт) сохранялся в течение 350 лет. В 1602 году, вследствие ослабления Русского государства в Смутное время возник прецедент: датский король приказал не пропускать русских дань-

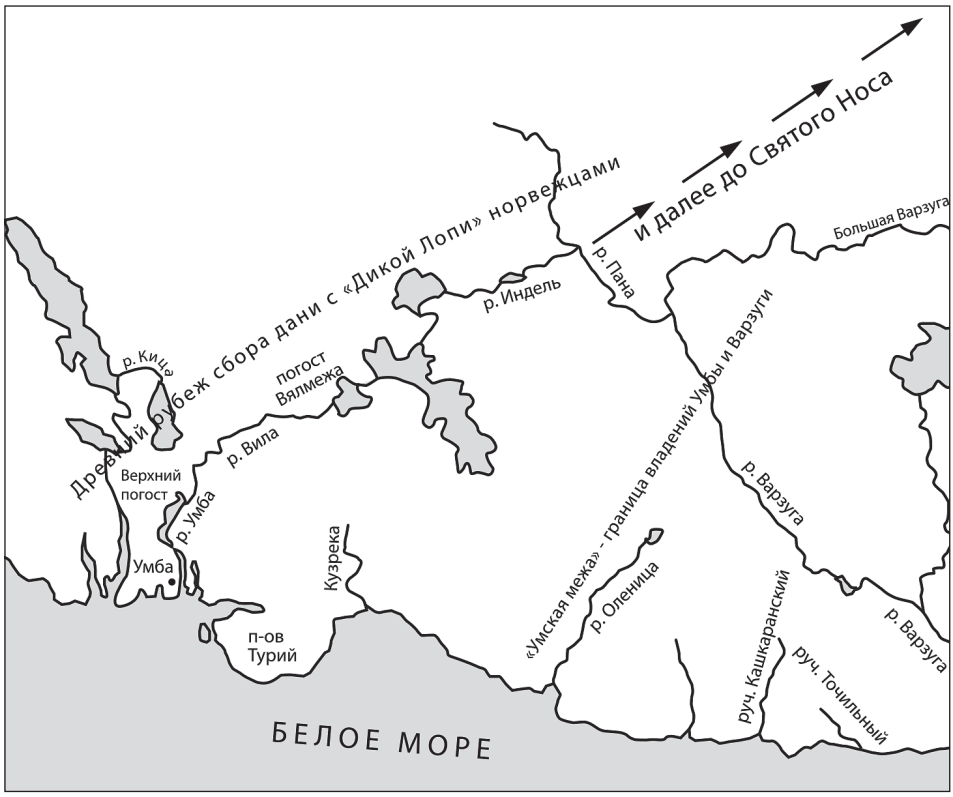
[1] Тоневой участок, тоня – место рыбного промысла, участок, на котором стояла жилая изба с амбаром и иными необходимыми постройками для длительного проживания при сезонном лове рыбы.

[2] Сотная из писцовых книг Василия Агалина и подьячего Степана Федорова на Варзужскую волость // Сб. материалов по истории Кольского полуострова / Подг. текста А.И. Андреева. Л., 1930. С. 37. (Далее: Сотная из писцовых книг Василия Агалина).

[3] «Красная Щелейка» – сегодня брошенная тоня при губе Красная Щелья. Находится в 8 км на восток от селения Сосновка.

[4] Северные грамоты XV века // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы. Л., 1929. Т. XXXV. С. 129.

[5] *Энгельгард А.П.* Русский Север. Путевые заметки. СПб., 1897. С. 42.



щиков в «Норвежский конец» за Печенгу и Паз-реку. Ответными мерами на столь недружественный выпад стал запрет кольского воеводы Федора Хлопова на пропуск датских (норвежских) фогтов за данью на Мурман, куда они ходили до «Умбской межи».

«А коли ты, Варгавской державец *[правитель г. Вардё. – **Е. М.**]*, Великаго Государя нашего данщиков в Кончанскую Лопь *[«в конце», к северо-западу от Кольского залива, далее г. Вардё. – **Е. М.**]* пропускати не похочешь, то ты и своих данщиков вперед в Терскую и на Верхную Лопь *[восточная половина Кольского полуострова и район Имандры и Нотозера соответственно. – **Е. М.**]* не посылай»[1].

Однако датский король Кристиан IV своего указа не отменил, и началась активная дипломатическая война.

[1] 1614 г., декабря 18. Грамота кольского воеводы Г.И. Волынцова к варгавскому державцу Клаусу Гагге // Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым. СПб., 1897. Т. 16. С. 501. (Далее: Русские акты Копенгагенского архива).

Вид на Варгав (г. Вардё) с горы Домен («Лысой горы»). Издревле считалось, что вход в ад находится в пещере под этой горой

Уже с конца XVI века Дания затевает переговоры с целью принудить Россию к окончательному разделу упомянутой общей территории, дабы провести государственную границу в районе города Колы (!). «Московские цари отняли у Дании Лапландию, – так оценивает ситуацию король Кристиан IV в своей грамоте царю Михаилу Федоровичу, напоминая ему: – в Смутное время Дания могла отобрать Лапландию у России силою»[1]. Однако препятствием оставались наши церкви, стоящие в районе Варангер-фьорда, и, конечно, Печенгский монастырь. «Царь дивится тому, что король требует разграничения, – пишет в ответной грамоте Михаил Феодорович, – замок Варгав стоит на русской земле, свидетельством тому служит церковь Бориса и Глеба, построенная в той местности»[2].

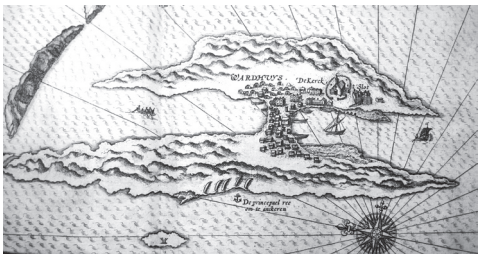
Однако датчане продолжают всемерно укреплять свою крепость Вардехуз на полуострове Варангер: «Замок Вардехус. Король датский укрепляет его военным гарнизоном, и русские не смеют ходить на запад от этого замка»[3].

---

[1] *Щербачев Ю.Н.* Датский архив: Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей России при Московском университете. 1893. Кн. 1. (164). Отд. 1. № 702. С. 186. (Далее: *Щербачев Ю.Н.* Датский архив).

[2] *Щербачев Ю.Н.* Датский архив. С. 187.

[3] *Бэрроу Стифэн.* Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз. 1937. С. 33.



Крепость Вардехуз (Vardøhus – «дружинный дом», по-поморски Варгав). В 1307 году на острове Вардё (древнеисл. Волчий остров) при западном берегу Варангер-фьорда король Хакон V Магнуссон построил и всячески укреплял крепость Вардехус. Гравюра из книги: Voyagie ofte Schip-vaert van J.H. van Linschoten van by Noorden om langes Noorwegen, de Noortcaep, Laplant, Vinlant, Ruslandt, de Witte Zee. Anno 1595

Интересно, что в царской грамоте 1585 года впервые ставится вопрос о существовании «старого Варгава», который стоял на подлинном рубеже датской земли. «Только надо сыскати старых рубежей, потому как и Варгав город поставлен в нашей же отчине на Лопской земле. А Старой Варгав есть в вашей Дацкой земле на рубеже Норвецкие земли. А тот Новой Варгав поставили люди твои, вступаючися напрасно в нашу отчину в Лопскую землю»[1]. О местоположении того «старого Варгава» можно лишь строить предположения. Скорее всего, речь идет о замке на острове Бьяркёй, основанном викингами в глубокой древности, рядом с политическим центром норвежцев Тронденес, достигшего своего расцвета в период Средневековья. «Старый» и «новый» Варгав разделяют 600 километров пути морем.

В последующие годы претензии Дании не ослабевают, а, как ни странно, становятся даже масштабнее: «необходимо потребовать удаления русских из Колы, Варзуги, Кандалакши и других мест в Лапландии, впрочем, за возведенные в Лапландии постройки король готов заплатить известную сумму»[2].

В таких взаимных удивлениях и претензиях проходили годы дипломатической переписки.

Временами русские цари теряли терпение, забывая европейский дипломатический политес. Так, в 1603 году царь Борис Федорович, выведенный из себя этой дипломатической казуистикой, отрезал: «Лопарская земля – искони вечная вотчина Государей русских. Граница между Россией и Норвегией – река Ивгей *[норвежская река Skibotnelva, впадающая в залив Lyngenfjorden рядом с г. Тромсё, раньше на саамском называлась* ***Ivgoj****ohka. –* ***Е. М.****]*. Замок Варгав *[нынешний г. Вардё. –* ***Е. М.****]* должен

[1] Русские акты Копенгагенского архива. С. 505.

[2] *Щербачев Ю.Н.* Датский архив. № 662.

МЕСТО «СТАРОГО ВАРГАВА» НА СОВРЕМЕННОЙ КАРТЕ

быть срыт, так как поставлен на Царской земле. За Варгавом Царской вотчины больше 1000 верст! *[Если точно, то не более пятисот. – **Е. М.**]*»[1].

Надо заметить, еще раньше, в 1591 году, английский путешественник Д. Флетчер, не сомневаясь, указывал то же преувеличенное количество миль: «Русский Царь имеет много владений к северу, далеко за Колу, до реки Tromshua *[нынешний г. Тромсё на острове. – **Е. М.**]*, которая протекает 1000 верст гораздо за Печенгу, к Вардегузу»[2].

Радикально изменить ситуацию шведские и датские короли не могли. И со временем эти обстоятельства породили интересную традицию обязательной, раз в год, поездки норвежского чиновника-фохта (по-местному – «шульца»)[3] из Вардё к кольскому воеводе с целью заявить

---

[1] Там же. *Щербачев Ю.Н.* Датский архив. № 533.

[2] *Флетчер Джильс.* О государстве российском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 17. (Далее: *Флетчер Дж.* О государстве российском). Можно усомниться, в каких верстах мерялось то расстояние. Автор поясняет: «русская верста четвертью менее английской мили». Английская миля наследовала в себе «1000 двойных шагов римского легионера», по 1,6 м, итого – 1600 метров, а русская верста XVI века – порядка 1200 метров.

[3] Кто из норвежских чиновников по имени Шульц стал прототипом этого прозвища – история не сохранила, однако в Печенгском районе на подъезде к п. Спутник крайне извилистый участок дороги в народе все еще зовется «галстук Шульца».

ему протест по поводу того, что он не пускает датских сборщиков дани в общий дистрикт взимать десятину с «подданных его королевского величества». Эти поездки в Колу, совершавшиеся в декабре, начиная с 1614 до 1814 года, вошли в некий обычай со своими интересными церемониями и ритуалами, «получив название «Proetentionen til Malmis» – претензия на Колу»[1].

С 1779 года резиденция фогта была перенесена в весьма отдаленный г. Альту, и визиты в Колу стали совершаться лишь один раз в три года. Дорога по Крайнему Северу была непростой. «В 1791 году во время долгого и изнурительного пути в Колу даже погиб один из фогтов – Кристиан Крейдал».[2] Последнее путешествие такого рода было совершено в 1813 году.

В 1826 году была окончательно проведена демаркация российско-норвежской государственной границы – рубеж прошел по реке Ворьеме (Якобсельв). Вплоть до этого времени общий дистрикт, территория России и Норвегии, сохранялся как некий исторический рудимент, ограничиваясь с запада Варангер-фьордом, а с востока Сонгельским лопарским погостом.

Таким образом, подводя итоги описанию этой важнейшей страницы истории Кольского края, можно сказать, что Россия в XIII–XIV веках еще не могла удержать за собой всю обширную область Кольского Севера – Колопермь. Слишком раздробленной была Русь, не было единого властного центра, центростремительной силы, способной собрать Российскую державу воедино. Князь Александр Невский, опираясь на силу стоявшей за ним Орды, сделал решительный шаг в этом направлении. Земли волости Тре были освобождены от биармийцев (заполярной чуди), лопарские погосты Кольского полуострова стали данниками Новгородской Руси. Область Nordfield (Финнмаркен) была переименована в новгородскую волость Колаперемь, и союзная Новгороду корела активно доказывала приоритет российской власти на этих северных берегах.

Но, увы, жизнь князя оказалась весьма недолгой – всего 42 года отвел Господь пожить ему на этой земле. Да и само Ордынское царство, раздираемое распрями и противоречиями, не могло служить надежным осно-

---

[1] *Кааран А.* К истории Русского Севера. С. 27. Весь порядок и подробности этого действа см.: *Brock-Utne M.* Solberg i Finnmark omkring 1700: Aktstykker og oversikter, Hft. I: to jordeboeker fra 1694 // Nordnorske samlinger utgitt av Etnografisk Museum Universitet i Oslo. Oslo, 1932. Vol. I.

[2] *Nielsen J.P.* Altas historie, b.1. Alta, 1990. S. 52. (Перевод автора).

ванием и гарантом для столь великого дела – централизации государственной власти в стране, необходимой для дальнейшего прирастания Руси новыми землями.

Лишь в XVI веке, при великих князьях и царях Московских, ценой огромных усилий, через кровь и разорения монастырей и селений, земли Великой Лапландии отошли к Российской державе. Великое деяние благоверного князя Александра Невского не пропало втуне – князья и цари Московские навечно закрепили за Россией древние «новгородские волости Колопермь и Тре», ставшие впоследствии русским Кольским Севером, а ныне Мурманской областью Российской Федерации.

РАЗДЕЛ VI

Аборигены Кольского края – русские лопари и их языческая духовность

§ 1. Терфинны – русские лопари

Русские лопари. Рис. из книги: Gustaf von Dueben. Om Lappland och Lapparne. Stockholm, 1868

Древнегреческий купец, путешественник и географ Пифей еще в 325 году до Р. Х. упоминает аборигенов Кольского края, когда пишет о живущем далеко на севере народе – финнах (finoi, pinnai). Его свидетельства для нас особо примечательны, поскольку он был первым, кто увидел и описал полярный день, северное сияние и вечные льды.

Спустя несколько столетий, в 98 году от Р. Х., древнеримский историк Публий (Гай) Корнелий Тацит вновь описывает народ финнов (finni): «Финны отличаются удивительной дикостью и ужасной бедностью; у них нет оружия, нет лошадей, нет пенатов *[богихранители и покровители домашнего очага. – **Е. М.**]*.[1] Пищей им служит трава, одеждой – шкура, ложем – земля. Вся надежда их на стрелы, которые они за неимением железа снабжают костяным наконечником. Одна и та же охота кормит и мужчин, и женщин, которые повсюду их сопровождают и участвуют в добыче. Их дети не имеют иного убежища от диких зверей и непогоды, кроме шалашей. Сюда возвращается молодежь, здесь пристанище и стариков. Все это они считают большим счастьем. Для них это лучше, чем изнывать в поле, трудиться в доме, рисковать своим и чужим добром, находясь между надеждой и страхом. Не опасаясь ни людей, ни богов, они достигли самого трудного – им нечего желать»[2].

[1] Это суждение поверхностно. «Сейды были пенатами лопарей». Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях … 1838–1844 гг. // Этнографический сб., изд. Имп. Русским Географическим обществом. СПб.,1858. Вып. 4. С. 211. (Далее: Этнографические замечания и наблюдения Кастрена).

[2] *Публий Корнелий Тацит.* Германия: Сб. документов / Сост. Б.Н. Граков, С.П. Моравский. М., 1937. Гл. XLVI.

«Одна и та же охота кормит и мужчин, и женщин, которые повсюду их сопровождают и участвуют в добыче». Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

Невольно возникает параллель с описанием северной страны Гипербореи, сделанной современником Тацита, римским ученым Плинием Старшим: «Счастливый народ, который называется гиперборейцы… домами для них являются рощи, леса. Смерть приходит там только от пресыщения жизнью. После вкушения пищи и легких наслаждений старости с какой-нибудь скалы они бросаются в море»[1].

В IX веке норвежский мореход Оттар упоминает о терфиннах (terjinns), живущих на Кольском полуострове (Trjanema): «Эта земля находится далеко к северу отсюда; но вся она пустынна, кроме немногих мест, где то там, то здесь живут финны, охотясь зимой, а летом занимаясь рыбною ловлей у моря»[2]. Как известно, самоназвание аборигенов Кольского Севера – саамы (sámit, sampelaš). Этноним «лопь», или «лопари», появился в начале XIII века в труде датского летописца Саксона Грамматика «Деяния данов». Он сообщил европейцам, что аборигены Крайнего Севера, эти непревзойденные стрелки из лука, для своего передвижения по бескрайним снежным пустыням используют лыжи и сани, а также обладают удивительными способностями к колдовству и даром предви-

[1] *Плиний Старший.* Естественная история (фрагменты) / Сост. проф. М.С. Боднарский. М.,1953. Абз. 89–90.

[2] *Матузова В.И.* Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 15.

«Рогатые финны». Саамы Скандинавии в характерных головных уборах

дения. Именно в труде Саксона Грамматика впервые прозвучало название страны – Лаппия (Lappia), которая занимает территорию между Белым и Норвежским морями и населена народом «лаппи». Позже, в 1555 году, шведский дипломат и писатель Олаус Магнус в своем «Описании северных народов» укажет земли «Lappia» на своей карте как место обитания лопарей.

То, что этнонимы «лопари» и «финны» в отношении саамского населения изначально были тождественны, подтверждает факт равноценного употребления этих слов – «lapp» и «finn» – в современных Швеции и Норвегии. При этом слово «lapp» носит более пренебрежительный оттенок. Надо заметить, что, собственно, самих финнов в Северной Норвегии называют квенами. Жители Скандинавии средневековых лопарей называли еще «рогатыми финнами», что может быть связано с использованием оленьих рогов в саамских ритуальных танцах либо с традиционным головным убором лопарей[1].

Как данники Руси лопари (саамы) впервые косвенно упоминаются еще при Владимире Святославовиче, в рунической харатейной грамоте «времен Свена I Вилобородого, датского короля, жившего в конце X века. В ней сказано, что Государь Российский может брать дань с жителей приморских, горных и лесных до самых северо-восточных пределов Норвегии»[2].

В дальнейшем в русских летописных документах аборигены Севера упоминаются под общим названием «лопь дикая»[3]. По месту расселения лопари могли именоваться так: «лопь лешая» (лесная) «лопь тер-

[1] Исходя из тех же ассоциаций «рогатыми» старообрядцы называли греческие монашеские клобуки (расширенные кверху): «рогатый клобук, его же носят наши отступники греки с никониями» (протопоп Аввакум).

[2] *Карамзин Н.М.* История. Т. I. С. 35 и Т. II. Прим. 61.

[3] «Приехаше к Москве лопляне с моря Окияна, ис Кандолакжской губы, усть Нивы-реки, из дикой лопи» Софийская летопись // ПСРЛ. Л., М., 1929. Т. 4. Ч. 1. С. 542. О народе лопарском: «Язык глубоких варваров, Лопарей диких». *Устрялов Н.* Сказание Князя А. Курбского. СПб., 1842, Изд. 2. С. 128.

Лопарь в одежде из шкур зверей. Рис. из книги: Olf Rudbecks. Atlands eller Manheims, Atlantica sive Manheim, vera Japheti posterorum sedes et partia. Upsalæ, 1679

Лопари из Энаре. Рис. Ф.Х. Паули из книги: Description ethnographique des peuples de la Russie. St.-Petersbourg, 1862

ская» (земли Тре Кольского полуострова), «лопь кончанская» (Норвежского конца).

Все, кто описывал внешний вид лопарей во времена древности, особо отмечали, что народ этот одет исключительно в шкуры животных. Это вполне объяснимо, поскольку иных возможностей для производства одежды у аборигенов Крайнего Севера не существовало. Австрийский дипломат в середине XVI века писал об увиденных им лопарях: «Они носят самодельное платье, сшитое из шкур разных зверей, и в таком виде иногда являются в Московию»[1].

Мало что изменилось и спустя столетия. Весьма подробное описание одежды лопарей в начале XIX века давали А.М. Шёгрен и М.А. Кастрен: «как мужчины, так в женщины зимой носят верхнюю одежду из оленьей шкуры, которая весьма плотно обтягивает тело и снабжена только одним и столь малым отверстием, что с непривычки и надевать и снимать это платье можно только с величайшим трудом»[2].

Надо указать на особую индивидуальность антропологии саамов: «В генетическом отношении саамы являются уникальной группой населения Европы». Этот небольшой народ представляет собой особую «лапоноидную расу» – одну из пяти расовых групп населения Европы. Шведский антрополог Б. Лундман провел ряд исследований по вопросам расовой принадлежности лопарей. Исследовав группы крови, он пришел к выводу, что лапландцы – западноевропейского происхождения. Он по-

[1] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах / Перевод А.И. Малеина. СПб., 1908. С. 43. (Далее: *Герберштейн.* Записки о московитских делах).

[2] Anteckningar om församlingarna i Kemi Lappmark» С. 244. Цит. по: Этнографические замечания и наблюдения Кастрена. С. 232.

лагает, что лапландский народ является «в заметной степени автономным; его отличия можно отнести к особенностям окружающей среды». Другими словами, «лапландцы – другие; условия их жизни на дальнем севере невообразимо далеки от наших собственных, и их внешний вид напоминает о более древнем мире. Но при всем этом они укоренены в более великой ветви европеоидных народов»[1]. Несомненным является то, что представители лапландской расы сохранили в себе комплекс черт чрезвычайно древнего и весьма специфичного пранарода Северо-Восточной Европы.

Антропология саамов «характеризуется очень своеобразным комплексом черт – лапоноидным типом, который имеет все основания быть признанным автохонным *[принадлежащим по происхождению данной территории. – **Е. М.**]* в Европе носителем черт древней антропологической формации… Проблема происхождения лапоноидного типа остается одной из самых интригующих научных загадок»[2].

О той же обособленности лопарей говорят и языковеды, утверждая, что язык саамский представляет собой совершенно отдельную подгруппу финно-угорской группы и распадается на ряд сильно разошедшихся диалектов.

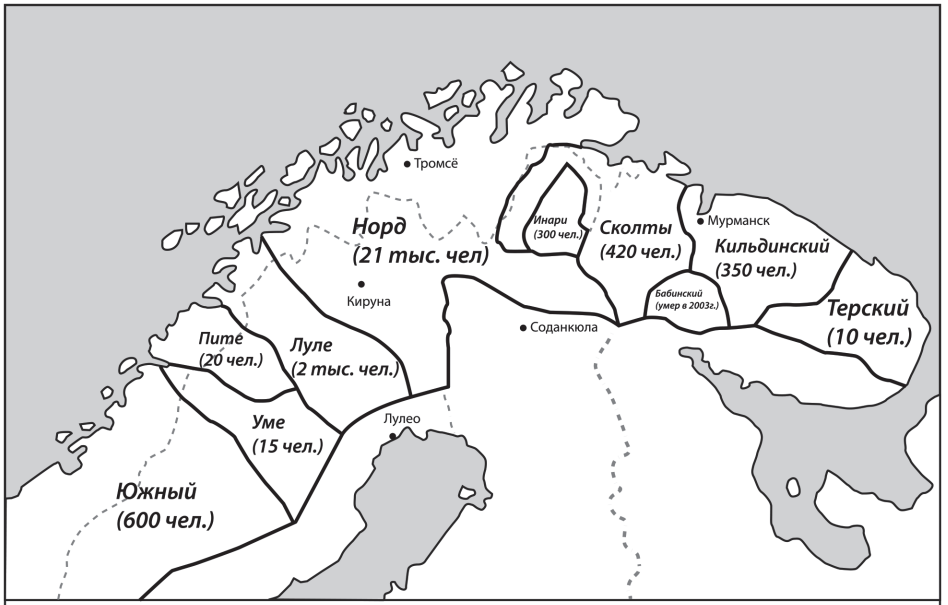
Восприятие саамов как «потомков самого древнего коренного населения Северной Европы» нарушалось разве что весьма оригинальными замечаниями об их возможной связи с семитами. При этом упоминалось малообъяснимое почитание «дня субботнего», имевшее место у лопарей. Рассуждения об этом и об иных аналогиях с иудеями можно встретить у исследователей Лапландии[3].

Что касается духовной оставляющей жизни в Лапландии, то источники вплоть до начала XVI века называют российских лопарей «дикой лопью», то есть некрещеной. Их южные соседи, карелы, номинально считались крещеными с 1227 года, но тоже в большинстве своем оставались язычниками. Кольский полуостров, на котором жило около двух тысяч человек лопи, входил в состав новгородских владений с середины

[1] *Боси Роберто.* Лапландцы. Охотники за северными оленями. М., 2004. С. 94. (Далее: *Боси Р.* Лапландцы).

[2] *Аксиянова Г.А.* Соматология // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 25.

[3] Новые и достоверные известия о лапландцах в Финмархии, об их языке, обрядах, нравах и о прежде бывшем языческом их законе // Любопытное и полезное чтение. Перевод с датского профессора лапландского языка Кнуд-Лемса. М., 1792. С. 3, 4. (Далее: Новые и достоверные известия о лапландцах Кнуд-Лемса).



ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ НОСИТЕЛЕЙ СААМСКИХ ЯЗЫКОВ

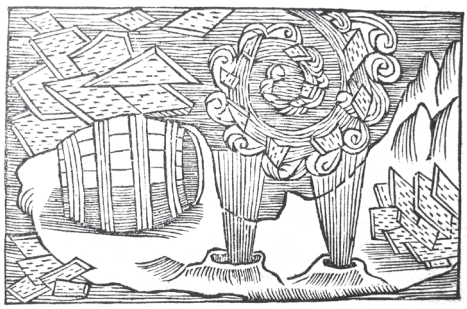
XIII века. Однако более трех столетий народ лопи пользовался полной свободой в отправлении языческого культа. Новгородские, а затем московские власти до начала XVI века терпимо относились к «поганским» верованиям народов Крайнего Севера. Русские правители, регулярно взимая с лопи дань пушниной, предоставляли этому народу неограниченную самостоятельность во внутренней жизни.

§ 2. Trinnaes – Trjanema – Терский Наволок – Кольский полуостров

Финский эпос «Калевала» называл страну лопарей (саамов) Похьёлой, или Турьей, а древнее пранаселение Кольского полуострова – турьянцами. Топонимический отголосок того времени – мыс Турий на Терском берегу в районе Умбы.

В отличие от саамов, живущих в той части Лапландии, что расположена в Норвегии, Финляндии и Швеции, которых называли финнами (лапландцами), саамы земли Тре[1] Кольского полуострова (Терского наволока) в исторических документах IX века называются терфиннами, или

[1] От слов норренского языка (праскандинавский язык) – trae, trae (лес).



«Огонь неугасающий» и лед на Севере. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

трефиннами. В новгородских грамотах это звучит как «трефени». В древнейших источниках, таких как финский эпос «Калевала», это разделение саамского населения Крайнего Севера прописано вполне определенно:

«Запоет тебя лапландец,
Заклянет тебя турьянец[1]… »

Что касается изначальной этимологии названия края, то надо подчеркнуть, что юго-восточное побережье Кольского полуострова с его густыми лесами (особенно в древности) значительно отличалось от береговых голых скал, расположенных за Святым Носом, побережья, названного впоследствии Мурманским берегом. Потому справедливо предположить, что название Терский (Тре) происходит от слов «деревья, лес» – trees (англ.), träd (швед.), träd (норв.), træer (дат.). Соответственно, полуостров, или «нос», – это nose (англ.), näsa (швед.), nese (норв.), næse (дат.). Потому скандинавы и именовали Кольский полуостров «Тренинес», или «Тернес», «Trjanema» по-норвежски и «Trinnaes» по-шведски.

Издревле названия Кольского полуострова (в древности острова) всегда трансформировались в русле этой исконной традиции: «Терский нос», «Терья», «Турья», «Тре» и «Тир». Попутно заметим, что известное магическое оружие лопарей – всепроникающий и разящий шар, носил название «тире», о чем мы расскажем ниже.

Кроме того, топоним «Турий» вполне может быть связан и с транскрипцией древнеримского названия знаменитого острова «Туле» и древнеарабского названия райской страны «Тулия». В завершение заметим, что, согласно кельтской мифологии, правителем упомянутых выше островов Блаженных на Севере был некто Трен.

[1] Турьянец – лопарь, живущий на Кольском полуострове.

Восприятие Кольского Севера в средневековой Руси понятно из описания этих мест: «Страна глубоких варваров, лопарей диких… где горы высокия, их же нарицает Святое Писание ребра Северовы»[1]. «Ребра Северовы» (Пс. 47, 3) – сила Севера, то есть сила диавола, «ибо демонская сила всегда подразумевалась под именем Севера»[2]. И такое определение Кольского полуострова и районов, к нему прилегающих, вовсе не является удачной метафорой. Многие серьезные историки и исследователи жизни на Кольском Севере вынуждены признать, что известия об этих краях всегда связывались с владениями «князя мира сего» (Ин. 14, 30), «с духами злобы поднебесной» (Еф. 6, 12).

В народных легендах об этих местах часто упоминается, что именно здесь, под вечными льдами земли, горит «огонь неугасающий»[3]. «Там пылает огнь вечный, уготованный Диаволу и аггелам его (Мф. 25, 41)»[4]. В последующих главах, касающихся истории просветительской деятельности в XVI веке, мы коснемся того противодействия «сил бесовских», с которым сталкивается любой христианин, попадающий на Кольский Север, а тем более подвижник веры и благочестия, пришедший просветить это царство мрака светом веры Христовой.

§ 3. Лапландия – «страна ужасов и злого чародейства»

Бесспорным утверждением в отношении лопарей является то, что они издревле в полной мере унаследовали тайные знания и всегда считались непревзойденными волшебниками: «Превосходят они все другие народы колдовством и чародейством»[5].

До середины XIII века в полной мере такими же служителями князя тьмы на Кольском Севере были и биармийцы (чудь или весь). «Жители Бьярмаланда подобны скифам, они перевозят свои жилища на повозках и, являясь язычниками, очень искусны в колдовстве. Одним своим взглядом, а также словами и некими злодейскими методами, они способны создать людям такие препятствия, что те умирают и гибнут, внезапно

---

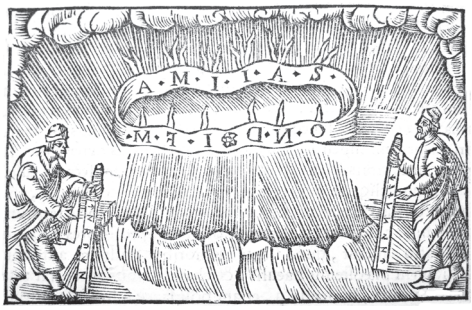
[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. О преподобном Феодорите священномученике // ПЛДР. М., 1986. С. 326. (Далее: *Курбский А.* История о великом князе Московском).

[2] Псалтырь в святоотеческом изъяснении / Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. 1997. С. 168.

[3] См.: *Карамзин Н.М.* История. Т. 7. С. 541–542.

[4] *Святитель Игнатий (Брянчанинов)*. Слово о человеке. СПб., 1995. С. 62.

[5] *Флетчер Дж.* О Государстве Русском. СПб., 1911. С. 124.



Вызывание сил земли с помощью магических жезлов. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

обессилевая и как бы лишаясь чувств. Когда местные народы отправляются в военные походы, то часто вместо действия оружием они обращаются к черной магии, когда своими колдовскими песнопениями вызывают ужасные ливни и превращают хорошую погоду в страшные и убийственные ураганы»[1].

Даже такие неустрашимые воины и отчаянные мореплаватели, как викинги, которых в Испании, например, называли «языческими чудовищами»[2], отзывались о землях Кольского Севера не иначе как об ужасном «Йотунгейме» – «земле колдунов».

Известная исландская «Сага об Одде Стреле» свидетельствует о той опасности, которой подвергались пришельцы, вступая в контакты с биармийским народом. Герой саги Одд, предполагая схватку с биармийцами, инструктирует товарищей; «Если кто из нас падет в бою, то немедленно бросайте его труп в реку, потому как если биармийцы добудут тело кого-либо из наших, то немедленно заколдуют и всех нас»[3].

В «Саге об Инглингах»[4] рассказывается об одном герое – конунге Ванланди, который рискнул отправиться в эту страну и даже женился там. Вскоре, однако, он надумал вернуться в родные края, пообещав своей избраннице вернуться через три зимы. Та честно прождала его целых десять лет, после чего решила прибегнуть к силе чародейства. Магическими рунами она «запела» его, так что он должен был теперь либо непременно вернуться, либо погибнуть. Вскоре Ванланди почувствовал

[1] *Олаус Магнус.* История и описание северных народов / Перевод с латинского и предисловие Жан-Мари Майефера. Париж, 2004. С. 17–18. (Перевод с французского М. Щербины по просьбе автора).

[2] *Фиркс, фон И.* Суда викингов. Л., 1982. С. 5.

[3] *Тиандер К.Ф.* Поездки норманов в Белое море. С. 11.

[4] *Петрухин В.* Мифы древней Скандинавии. М., 2002. С. 320.

Вызывание урагана. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

непреодолимое желание ехать в Лапландию, но дружинники удержали конунга, убедив, что здесь налицо явное действие колдовских чар, которым надо воспротивиться. Но тут несчастный стал впадать в тяжкий сон, говоря при этом, что во сне его «топчет мара» (праслав. mara – «призрак»), то есть давит и душит некая страшная темная сила. Несмотря на попытки слуг защитить господина, он вскоре во сне скончался.

В современном русском языке понятие о таком магическом воздействии трансформировалось в слово «кошмар».

§ 4. Свидетельства лопарских магических воздействий

Извечные соседи лопарей карелы и финны в своем знаменитом эпосе «Калевала» (VIII–IX вв.) представляют Лапландию не иначе как страной, населенной племенем колдунов. Жители Финляндии и сами были весьма известны своими способностями к колдовству, к «пению», но состязаться с людьми «мрачной Похьёлы» было равнозначно неминуемой гибели.

В XII руне Калевалы как раз рассказывается о том, как один из героев этого эпоса по имени Ати, уповая на свои колдовские способности, готовится одолеть лопарских нойдов:

«Не ходи ты, мой сыночек, на поля детей лопарских…» Рис. А. Галлен-Каллела. 1897

«Мать старушка дорогая,
Мой скорее мне рубашку
В гное черных змей ужасных,
Чтоб я мог идти на битву
К очагам детей Похьёлы,
На поля сынов лапландских».

Мать отговаривает сына отказаться от этой затеи – невозможно быть бóльшим колдуном, чем лапландец:

«Не ходи отсюда, милый,
В те холодные селенья,
В эту мрачную Похьёлу,
Там опасность угрожает,
Злополучному там страшно;
Там живет несчастье, Ати;
Хоть ты будешь стоязычным
(И тому поверить трудно),
Все же ты не бросишь пеньем
Сыновей Похьёлы в воду;
Ты не скажешь, как турьянец,
И не скажешь, как лапландец»[1].

И действительно, этот поход героя Ати заканчивается его гибелью в Лапландии.

Относительно умения «бросать пеньем в воду» у В.С. Соловьева находим воспоминания пастора Иоганна Торнея об этих способностях ло-

[1] Калевала: финская народная эпопея / Перевод Л.П. Бельского. СПб., 1889. С. 129–134.

Женщины из русских лопарей. Обязательный элемент одежды – многочисленные магические привесы. Из книги: Lilienskiolds Speculum boreale // Finnmark omkring 1700. Bind 2. Nordnorske samlinger utgitt av Etnografisk museum. Bd. IV. Oslo, 1945

парей. За подобные действия в отношении одного крестьянина, брошенного в воду с помощью пения и заклинаний под бубен и утонувшего на порогах реки, был привлечен к суду один старик-лопарь. Он сознался, что искусству магии еще ребенком его обучил отец. Его приговорили к смертной казни и в кандалах повезли к ближайшему городу в Ботнии *[финские земли у Ботнического залива. – **Е. М.**]*. По дороге он, сидя в телеге, попрощался со всеми и в один миг убил себя особым заклинанием[1].

Интересно в этой связи вспомнить, что и гиперборейцы сами решали, когда им прекратить жить. Хорошо известно, что подобным образом останавливать свое сердце умеют и индийские маги (йоги). Позже, в Смутное время, об убитом Лжедмитрии I говаривали, что он при жизни овладел тайнами лопарского колдовства. «В убогом доме *[покойницкая, скудельня. – **Е. М.**]* тело сие невидимою силою переносилось с места на место, и видели сидящую на нем птицу. Одни считали Лжедмитрия необыкновенным человеком, другие диаволом, по крайней мере, ведуном, наученным сему адскому искусству лапландскими волшебниками, которые могут убивать себя, а после оживают»[2]. У очевидца событий Смутного времени голландца Мартина Бера находим следующие свидетельства: «Когда везли его [Лжедмитрия] в Божий дом[3], за Серпуховские ворота, то поднялась ужасная буря, но не во всем городе, а только по дороге, и едва миновали ворота на Кулишке, с тремя башнями, вихрь сорвал

[1] *Соловьев В.С.* Первобытное язычество, его живые и мертвые остатки // Русское обозрение. СПб., 1890. Т. 5. С. 488. (Далее: *Соловьев В.С.* Первобытное язычество).

[2] *Карамзин Н.М.* История. Т. 11. С. 574.

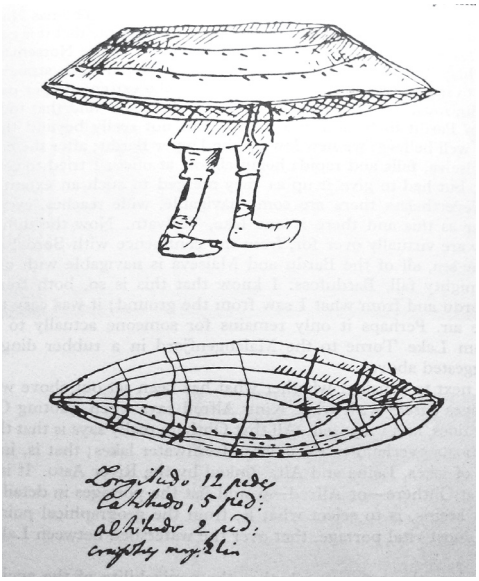
[3] «В зимнее время они (русские) не хоронят покойников, а ставят их в доме, выстроенном за городом, который называют Божедом, до наступления весны»; *Флетчер Дж.* О государстве российском. С. 137.

Три узла. Лопарь продает ветер нужного направления.
Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus … 1555

с одной башни кровлю и повалил деревянную стену до Кремлевских ворот»[1].

В воспоминаниях французского путешественника нормандца Пьера Мартина де Ламартиньера о встречах с лопарями в 1653 году в районах Варангер-фьорда и Колы есть свидетельства удивительных способностей лопарей к чародейству, которое давало им столь безусловную власть над погодой, что местные нойды продавали капитанам парусных судов ветры нужных направлений: «Через два дня … на широте северного полярного круга, около берега, мы заштилели. Зная, что жители этих мест, равно как и обитатели финских шхер, все колдуны и умеют распоряжаться ветрами по своему усмотрению, мы послали шлюпку к ближайшей деревне, чтобы "купить" ветер. Мы обратились к главному колдуну и, сказав, куда нам надо идти, спросили, не может ли он нам дать ветер до Мурманского берега. Он ответил, что не может, так как его могущество распространяется только до мыса Рукселла, до которого нам еще очень далеко, а оттуда мы можем свободно идти до Нордкапа. Ему предложили отправиться на судно, чтобы с ним сторговаться. Он вместе с тремя своими товарищами сел на рыбачий челнок и прибыл на корабль, где и сторговался дать нам ветер за 10 крон и фунт табаку. После чего он привязал к концу паруса

[1] Сказания современников о самозванце // Мартин Бер. СПб., 1859. С. 72.



«Благодаря своему волшебству они безопасно плавают по морю в самую сильную бурю в небольших челноках». Размеры и способ переноски лопарской лодки. Рис. из книги: Linnaeus. Lachetsis Lapponica. London, 1811

фок-мачты лоскут полотна, длиной в треть локтя, шириной в 4 пальца, на котором было три узла, после чего уехал в своей лодке.

Только что он отвалил от борта, капитан развязал первый узел, и этого было достаточно, чтобы подул самый благоприятный западно-северо-западный ветер, который понес нас и остальные корабли нашей Компании миль на 30 за Мальштрем, и нам не пришлось развязывать других узлов»[1].

Аналогичное сообщение находим и у епископа из Швеции писателя и ученого Иоганна Шеффера в его обстоятельной книге «История Лапонии». Интересно упомянуть историю появления этого знаменитого труда. Профессор Иоганн Шеффер был откомандирован правительством Королевства Швеция в 1670 году в Лапландию для создания всестороннего трактата о жизни и культуре лопарского народа и, в частности, особо обращалось внимание на правдивое «описание возможностей боевой магии и колдовства лапландцев». Впоследствии книга Шеффера была издана на большинстве европейских языков, но на русский переведена лишь частично. Шеффер, в частности, пишет: «Историки удостоверяют,

[1] *Ламартиньер П.М.* Путешествие в северные страны, в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килопов … // Из Записок Московского Археологического института за 1911 г. М., 1911. XIV. С. 39. (Далее: *Ламартиньер П.М.* Путешествие в северные страны).

что лапландцы – очень знающие и опасные чародеи, настолько опытные в магии, что, к удивлению всего мира, они могут останавливать корабли на всем ходу. Никогда не было и теперь нет на свете более удивительных чародеев, чем лапландцы»[1].

Мореплаватели Европы, общаясь с лопарями, отмечали и иные очевидные сверхспособности этого малого народца. Так, голландские путешественники, ожидая посланного в Колу лопаря, отметили его невероятно скорое возвращение с подлинным письмом, написанным их другом: «Не могу не отметить нашего удивления по поводу быстрого возвращения лапландца. По словам нашего товарища, на их совместное путешествие в Колу, притом быстрым шагом, они потратили два дня и столько же ночей, в то же время обратный путь лапландец проделал в один день, что привело нас в изумление. Таким образом, получалась разница в целый день, и мы говорили друг другу, что дело, должно быть, в его знании каких-то заговорных чар»[2].

«Что касается до лапонцев, – пишет другой иностранец, – то они часто бывают в Риге, куда привозят свои товары: сухую рыбу, звериные шкуры и т. п. и меняют их на берегу моря. Благодаря своему волшебству они безопасно плавают по морю в самую сильную бурю в небольших челноках. Зная это, купцы покупают у лапонцев парус с тремя или четырьмя узлами, с наставлением, что в первом узле при развязывании его обнаружится попутный, но тихий ветер, во втором крепкий ветер, но тоже попутный, в третьем попутный бурный ветер. В четвертом находится кораблекрушение, и развязывающие из любопытства гибли вместе с кораблем»[3].

Надо сказать, эта «торговля ветрами» представляла собой весьма доходное дело с устойчивыми расценками. Помимо денег рассчитывались с лопарями обычно спиртным и табаком. И, нельзя не признать, мореплаватели активно пользовались этой магической услугой. Ее действенность не вызывала сомнений, поскольку подтверждалась опытом.

---

[1] *Scheffer Jean.* Histore de la Laponie. Paris, 1678. P. 102.

[2] *Геррит Де-Фер.* Плавания Баренца. De Veer (Diarium nauticum) 1594–1597. Amstolredami MDXCVIII. Перевод с латинского профессора А.И. Малеина. Полярная библиотека. Л., 1930.

[3] *Wunderers J.D.* Reisen nach Dännemarck, Russland und Schweden (1589–1590). Frankfurtischen Archiv. Frankfurt, a. M. 1812, Th. II, S. 203. Цит. по: *Аделунг Ф.* Древнейшие путешествия иностранцев по России // ЧОИДР. М., 1863. Т. II. С. 227. (Далее: *Аделунг Ф.* Древнейшие путешествия иностранцев по России).

Поклонение богу Вирку Акха (Wirku Accha). У терских лопарей это богиня-покровительница лестных пастбищ. Рис. Bernard Picart из книги: Ceremonies et coutumes religieuses des peuples idolatres. Amsterdam, 1728. T. 2. P. 1. P. 373. С любезного разрешения Амвросианской библиотеки г. Милана

Авторитет лопарей как могущественных волшебников признавали на всех уровнях власти. Князь Курбский в своей «Истории о великом князе Московском» пишет, что царь Василий III, стремившийся излечиться от бесплодия, посылал за волхвами «аж до Корелы, еже есть Финляндия, и аж до дикия Ляпунии, яже тои язык сидит на великих горах, подле Студеного моря».

Так же и сын его, царь Иоанн Грозный, неоднократно пользовался услугами лопарских колдунов. Когда же в 1583 году стал чувствовать серьезную болезнь, то «приказал доставить немедленно с Севера множество кудесников и колдуний, привести их из того места, где их больше всего между Холмогорами и Лапландией. Шестьдесят из них были доставлены в Москву и размещены под стражей»[1]. От них потребовали отвести болезнь и снять чары («его много раз околдовывали, но каждый раз чары спадали, однако на этот раз диавол не помог»[2]). Чародеи единодушно отвечали, что самые «сильные созвездия» и «могущественные

[1] *Горсей Джером.* Записки о России XVI–XVII века. М., 1990. С. 84–85. (Далее: *Горсей Дж.* Записки о России).

[2] *Горсей Дж.* Записки о России. С. 86.

Смерть Иоанна Грозного.
Картина К.Е. Маковского. 1888

планеты» все против царя, и «предсказали ему неминуемую смерть именно 18 марта, но что Иоанн велел им молчать с угрозою сжечь на костре»[1]. К сроку, 17 марта, царю стало лучше и он возобновил государственные дела. На другой день Грозный велел Бельскому идти к колдунам и объявить им, «что по их басням мне сегодня надлежит умереть, а я чувствую себя гораздо бодрее»[2] и «что я велю их зарыть или сжечь живьем за их ложные предсказания. На что лопари отвечали: "Господин, не гневайся. Ты знаешь, день окончится только когда сядет солнце". Царь тем временем сходил в баню, после которой чувствовал себя посвежевшим, и пожелал развлечься игрой в шахматы с Бельским. Расставляя фигуры, почему-то все ронял фигуру короля… Вдруг он ослабел, повалился навзничь и скончался»[3].

Даже в конце просвещенного XIX века, века торжествующей науки и естествознания, любой образованный скептик, сталкиваясь вплотную с сокровенной жизнью лопарей, был вынужден признать, что Крайний Север по-прежнему оставался заповедником самого невероятного колдовства, районом сосредоточения мощных темных сил и местом обитания людей, чуть ли не генетически связанных с этими силами.

Например, трезвомыслящий английский путешественник и критик Вильям Диксон (1821–1873) в своих путевых очерках вынужден был признать: «На севере везде боятся лапландских женщин как ведьм, в распоряжении которых всегда стоит сам злой дух, обязанный, велениями мрачных сил, повиноваться ее воле. Ведьма может прозревать будущее,

[1] *Карамзин Н.М.* История. Т. 9. С. 221.
[2] Там же. С. 222.
[3] *Горсей Дж.* Записки о России. С. 87.

«На севере везде боятся лапландских женщин… ». Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

может принести человеку несчастье. Она может уноситься в пространство и направлять по своему произволу движение кораблей, плывущих мимо ее»[1].

Похоже, что именно с таким воздействием на свой знаменитый корабль «Фрам» столкнулся Ф. Нансен осенью 1893 года. В известном труде «Во льдах и во мраке полярной ночи» Нансен описал так никем и не объясненное удивительное явление, которому присвоил название «мертвая вода». «При полном ходе машины по чистой воде безо льда и ледяной каши “Фрам” практически не двигался вперед. При этом не было ни ветра, ни течения»[2]. Как ученый-исследователь, Нансен считал абсолютно необходимым дать научное, рациональное объяснение этому факту: «Мы почти не двигались с места из-за этой “мертвой воды” и будто тащили всю воду за собой». Однако все, сказанное им о причинах наблюдаемого явления, вполне справедливо было отнесено к «объяснениям малопонятным и неудовлетворительным»[3].

Таким образом, мы видим, что лопарская языческая духовность, магическое искусство, доведенное до совершенства путем исключительно тесного повседневного контакта с миром падших духов, не имели аналогов во всей средневековой Европе. При этом очевидно и то, что многое

[1] *Вильям Диксон.* Швейцария. С приложением 6 глав // Свободная Россия. СПб., 1872. С. 355.

[2] *Нансен Ф.* «Фрам» в Полярном море. М.: Географгиз, 1956. Т. 1. С. 122.

[3] *Морозов Н.* Руководство для плавания во льдах Белого моря. Пг., 1921. С. 17.

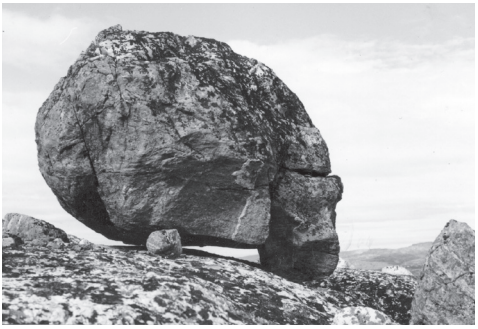
Лопарские промыслы.
Гравюра Н. Каразина. 1886

из той информации, что сохранили описания очевидцев и предания Севера о лопарской сакральной жизни, просвещенному человеку стало со временем казаться выдумкой, пустыми фантазиями. Столкновение с такими фактами у атеистически настроенного ученого порождает серьезный внутренний дискомфорт и решительное их неприятие. Такой подход парализует исследовательский потенциал человека и априори принижает его способности постичь глубинные тайны бытия, сакральные первопричины мирового устройства. Отрицание существования мира духовных сущностей лишает человека возможности верно оценивать исторические факты.

§ 5. «Дикая лопь» и ее языческие верования

Саамов (лопарей), проживавших на Кольском полуострове, именовали, как мы замечали выше, «дикой лопью». Изначально слово «дикий» подчеркивало принадлежность к язычеству, а с начала XVI века, с началом просвещения лопарского народа, стало относиться к той части саамов, которая не приняла христианства. Противопоставление «дикой» и «лешей» лопи как обитателей, соответственно, тундры и лесов – безосновательны. Со времен древнего северного мифа о «Дикой охоте Одина», слово «дикий» воспринимается как синоним языческого, бесовского, дьявольского. В то же время, понятие «лешая (лесная) лопь» есть калька со скандинавского «терфинны», «терские (лесные) лопари» – лопари земли Тре, Терского Носа, Кольского полуострова.

Миссионерские труды преподобных Трифона Печенгского и Феодорита Кольского дали достойные плоды и принесли Евангельский свет веры в эти лопарские тундры. Аборигены края отозвались на проповедь и, казалось бы, в полной мере приняли христианское учение, мораль



Сейд «Череп»

и нравственность. Но, в то же время, отойти от устоявшихся древних духовных традиций, решительно разорвать союз с родовыми духами-помощниками и отказаться от их услуг они не смогли. Для этого требовались время и пастырское терпение, но, увы, достойных продолжателей дела отцов-благовестников, первопроходцев XVI века, в веке XVII не оказалось.

Трифон и Феодорит имели некое условное разделение в направлении своих миссионерских усилий. Первый проповедовал в северо-западной, а второй в центральной и юго-восточной частях Кольского Севера. Если говорить об особенностях языческой духовности саамов, то наиболее устойчивые и сильные магические способности традиционно признавались за лопарями, «доставшимися» преподобному Трифону. Самыми сильными нойдами («суенйегас») считались лопари Сонгельского погоста. Ненамного отставали от них нотозерские жители. Лопари других погостов особо боялись сонгельчан: все знали про их способность вынимать из живых зверей сердце или печень. Эти лопари никогда не выходили к морскому берегу, жили в глубине тундры, «а угодья у них лешие речки и озера, а ловят они на всех тех речках бобры, а в озерах ловят белую рыбу»[1].

Письменные источники следующим образом рисуют верования финноязычного населения Севера: «Прелесть кумирская, – доносил в Москву в 1534 году новгородский архиепископ Макарий, – по всему поморию Варяжского моря до Лопи до Дикие, в Чуди и в Ижере и в Кореле удержася… Суть же скверные молбища их: лес и камения, и реки и блата,

[1] Из писцовой книги Василия Агалина 1574 года. Цит. по: *Ефименко П.С.* Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // Записки Императорского русского Географического общества по отделению этнографии. СПб., 1878. Т. 8. С. 66. (Далее: *Ефименко П.С.* Юридические обычаи лопарей).

Лопарские жертвоприношения богу Тору. Рис. из книги: Olf Rudbecks. Atlands eller Manheims, Atlantica sive Manheim, vera Japheti posterorum sedes et partia. Upsalæ, 1679

источники и горы, и холмы, солнце и месяц, и звезды, и озера. И проще сказать – всей твари покланяхуся яко богу, и чтяху и жертву приношаху кровную бесом… ». По словам Владыки Макария, такая ситуация сохранялась «до царства великого князя Василия Ивановича», то есть до 1505 года. Другой источник характеризует религию лопарей как «самое поганское идолобесие»: «Народ лопарский… почитаху бесов, а кланяхуся делу рук человеческих и боготворяху гады и нощные нятопыри… »[1].

В рудиментарной форме языческие верования сохранялись и в XIX веке. Обиталищами духов считались каменные кладки в местах промыслов и знаменитые менгиры Лапландии – сейды.

Крупнейший финно-угровед М.А. Кастрен, посетивший российскую Лапландию в феврале-марте 1842 года, писал: «Везде, где говорят лапландским языком, услышишь предания о сейдах, то есть каменных идолах, которым лапландцы поклонялись и приносили жертвы. Жертвы состояли по большей части из рогов и костей оленей, особливо диких… Отправляясь на охоту за оленями, лапландцы давали обещание отдать сейду голову и шею оленя, если охота будет удачна… Лапландцы, промышлявшие оленями, имели обыкновение кропить сейдов оленьей кровью, а лапландцы-рыбаки – обмазывать рыбьим жиром. Когда жир высыхал от солнечного жару, то простодушный рыбак радовался, что сейд съел его приношение»[2].

[1] Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей // Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 98. (Далее: Житие преподобного Трифона).

[2] *Кастрен М.А.* Воспоминание о путешествии 1838–1844 гг. СПб., Академия наук. 1853. С. 109.

Семья лопарей. Фото конца XIX века

Когда видишь, как весьма сложный мир языческой религии описывает атеистически настроенный человек, то возникает чувство обиды за человечество, поскольку прошедшая дохристианская история представляется не более чем легкомысленным фарсом. И более того, известные величественные магические цивилизации древности представляются созданными людьми, страдающими идиотизмом, а сакральная составляющая их духовной жизни выглядит порожденной шизофреническими расстройствами.

Так и мир религиозных представлений лопарей, конечно, был много богаче той «радости простодушного рыбака», что донесли до нас ученые-наблюдатели. Увы, от века просвещения повелось, что человек ученый – это априори атеист, который по определению видит лишь внешние проявления культа и не способен проникнуть в существо языческого мироустройства.

Надо понимать, сама система жизни в мире языческом неотделима от служения князю тьмы и его «легионам». Законы язычества и власть тьмы неодолимы для простого смертного, и он неумолимо будет подчинен им, от своего рождения войдя в тесный контакт с миром бесовским. Без Божественного вмешательства этот процесс не остановить и связь эту не разорвать. Именно *«для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола» (1 Ин. 3, 8)*.

Такое духовное рабство мы видим и в устройстве жизни лопарского народа, где все было подчинено законам повседневного взаимодействия с миром бесовским. Даже часто подчеркиваемая всеми исследователями лопарского быта обязательная неряшливость и страшный смрад, царивший вокруг их жилищ, имеет свое прикладное значение. Запах крови, нечистот, зловоние – это желанная питательная среда духов нечистых, равно как, подчас, и их порождение. Святитель Василий Великий подчеркивал: «Демоны, как преданные сластолюбию и страстям, в значи-

Знаменитая меткость стрельбы лопаря из лука воспитывается с детства. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus … 1555

тельной степени наслаждаются и питаются жертвами… Близ мясных лавок, куда выбрасывается испортившаяся и запекшаяся кровь, пребывают псы, лакомые до этого рода пищи, подобны этому и демоны»[1]. Священномученик Игнатий Антиохийский (Богоносец) также призывал паству остерегаться *«зловония (δυσωδίαν) князя века сего»* (*Послание к Ефесянам, глава 17*).

Григорий Богослов, описывая визит императора Юлиана Отступника в подземелье для мистериальных действий и совета с «богами», указывает, что причиной охватившего императора ужаса были «необыкновенные звуки, огненные явления и страшное зловоние»[2].

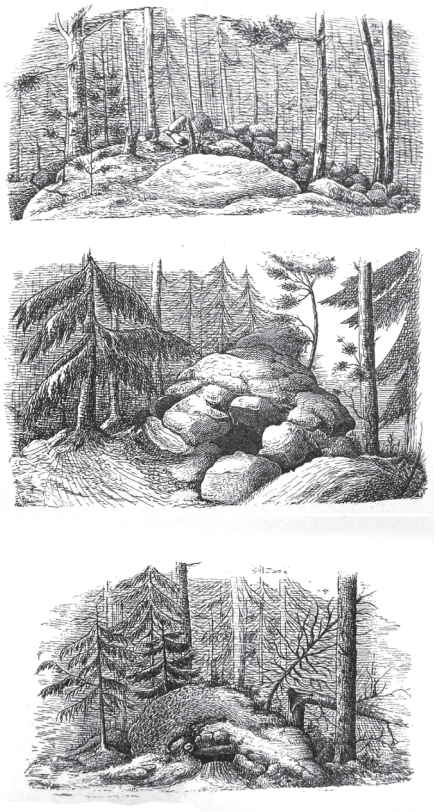
«Вид лопарской деревни, – пишет Кастрен, – нельзя назвать приятным. По земле повсюду валяются рыбьи кишки, кожа, протухлая рыба и всевозможная нечистота. Я не без отвращения вынес эту первую картину, как мне представилась другая еще ужаснее. Сквозь щель юрты проползает пара людей, столь покрытых грязью и всякими гадинами, что содрогаешься при одном взгляде на них»[3].

---

1 *Игнатий (Брянчанинов), святитель.* Прибавление к Слову о смерти. СПб., 1881. С. 208.

2 *Григорий Богослов, святитель.* Творения. Часть 1. С. 95.

3 Этнографические замечания и наблюдения Кастрена. С. 230.



Лопарские поляны. Рис. из статьи: Aspelin J.R. Jatulintarhat Suomen rantamailla // Suomen Muinaismuisto-Yhtiön Helsingissa,1874

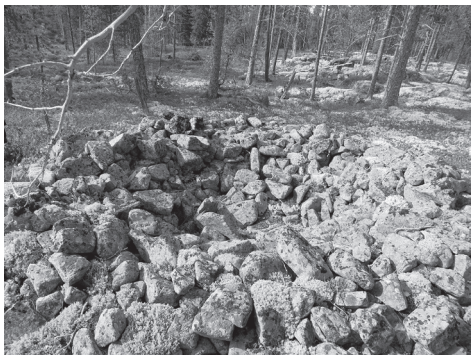
«Лопарские могилы» на реке Хлебной. Фото автора 2013 года

§ 6. Народ лопарский как избранники духов

Европа еще с раннего Средневековья была хорошо осведомлена о способностях жителей земель Лапландских. В XII веке Саксон Грамматик сообщает, что лопари «живут рыболовством и охотой и постоянно колдуют. Севернее их в Европе никто не жил, они умеют метко бить зверя из лука, быстро бегать на лыжах, колдовать и предвидеть»[1].

Как в России, так и в Западной Европе сложилось стойкое мнение, что вообще сосредоточение искусства колдовства находится на Крайнем Севере, у лопарей:

[1] *Золотарев Д., Левин М.* Саамы-лопари. (Рукопись). ГАМО. С. 3.



«Лопарские могилы» на реке Хлебной. Фото автора 2013 года

«Лапландские могилы» в Финляндии. Фото 1880-х годов из книги «La Finlande pittoresque», Helsingfors. 1886.

«…Не сомневаюсь я,
Что это все проделки чародейства,
Что много здесь лапландских колдунов…»
(У. Шекспир, «Комедия ошибок»)

При этом, как мы упоминали, среди лопарей были и особо прославившиеся своим колдовским искусством. Так, в конце XIX века финскому этнологу Л. Пяяккёнену (L. Pääkkönen) довелось услышать рассказы очевидцев и записать предания о живших в пределах Ребольской волости особых колдунах, так называемых «огненных лопарях»: «На берегу озера Туулиярви, там, где находятся знаменитые лопарские поляны, обитали особо могущественные нойды – "огненные лопари"»[1].

Эти лопари были выдающимися ведунами-нойдами, к ним шло множество народа, чтобы решить свои проблемы, вылечить болезнь или за другой помощью. Совершенно уникальной способностью этих лопарей было умение уходить в огонь, скрываться в пламени большого костра. Когда они хотели получить помощь сил потустороннего мира, то прыгали в большой костер и исчезали. Через определенное время такой «огненный лопарь» вновь выходили из костра, принося либо прямой ответ, либо какое-то решение проблемы.

Старики рассказали исследователю, что однажды, чтобы вылечить серьезную болезнь, лопарь-нойда вошел в огонь и исчез. Прошло много времени, но он так и не вернулся. Костер погас, и все недоумевали, как

[1] *Tidskrift.* Finska fornvinnesforeningens. Suomen muinaimuistoyhdistyksen. Aikakauskirja. Helsingissa, 1897. XVII. P. 173. (Перевод Я. Новиковой по просьбе автора).

Самоеды. Рис. из книги: A. Castren, Bd. 1: Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838–1844. St.-Petersburg, 1853

быть и почему это он решил не возвращаться. Прошло двое суток, и вот один очень старый дед-лопарь сказал: «Идите пошевелите золу в костре, он придет, пора уж ему возвращаться». Когда люди подошли к костру, зола кострища вдруг поднялась, и из нее появился пропавший. «Пришлось, братцы, очень потрудиться, – рассказал нойда, – ведь мне надо было пройти через девять сопок, да еще и пырт *[изба. – **Е. М.**]* в конце пути оказалась на крепком засове, так что только через дымовое отверстие еле-еле попал внутрь и изгнал недуг нашего болящего брата»[1].

Исследователь приводит описание множества сохранившихся «лопарских полян», где сложены особые овальные, круглые и другие мегалитические кладки – «руинные места». Иногда их называют «лопарскими могилами», но по существу это название ничего не объясняет. Такие же кладки обнаружены недавно на Терском берегу Белого моря, в лесу у реки Хлебной. Все эти сооружения имеют следы длительного воздействия огня.

Лопарь не состоялся как личность, если он не стал колдуном – нойдой. Можно смело утверждать, лопарь – это колдун по определению, и в этом принципиальное отличие этого удивительного народа от подобных ему. Института потомственного жречества как такового у лопарей нет, магией занимаются все и на повседневном уровне.

В этом смысле, в какой-то мере, к лопарям приближаются древние карелы и финны, но несравнимо в меньшей степени. Выше мы оценивали это «соотношение сил», разбирая текст «Калевалы». Да и соседствующие с лопарями народности признавали абсолютный «авторитет» лопарских колдунов: «Лопари славятся колдовством до такой степени, что

[1] Там же. *Tidskrift.* Finska fornvinnesforeningens …

к ним за предсказаниями обращаются и чухонцы, и савалаксы из Финляндии»[1].

Жившее в то же время и на той же широте, но восточнее, племя самоедов, казалось бы, весьма напоминает лопарей: те же чумы, кочевья, олени. Но при этом есть существенное отличие: вопросами колдовства, как и у всех подобных малых народностей Севера и Дальнего Востока, у самоедов занимается только «профессионал», потомственный шаман (самбадав)[2]. Только он приносит жертвы, к нему идут с вопросами и проблемами, и только он осуществляет контакт народа с «богами». И приемы вхождения в этот контакт («битье кудес»), тоже хорошо известны – это пляска до исступления, кружение под удары в бубен, впадение в транс и затем вещание – что велят духи[3].

Совсем иное дело – лопари. Уникальность и принципиальное отличие саамской языческой культуры от иных народов Севера отмечаются и в научных исследованиях. Большинство саамов вообще нойды от рождения[4]. Кроме того, самым привычным способом получения тайных знаний было «от старшего к младшему» либо наследование по смерти[5]. «Они именно "умеют колдовать", так же, как умеют хорошо стрелять, ловить рыбу. Колдовство их не удивляет остальных, так как колдовать способен каждый»[6]. Все лопари, по их скромному признанию, являются «маленько колдунами», но есть и такие, что «прославились на большие пространства, и к ним приходят издалека за советом и зовут их в отдаленные погосты для излечения больного или для гадания»[7].

---

[1] *Дергачев Н.* Русская Лапландия. Статистический, географический и этнографический очерки. Изд. Архангельского губернского Статистического комитета, Архангельск, 1877. С. 43.

[2] «Встретив его в лесу, не на шутку можно перепугаться и отвести взор подальше от его неприветливого и действительно странного взгляда … ». *Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 436. (Далее: *Максимов С.В.* Год на Севере).

[3] «Двое проводников наших – самоеда при первых звуках его голоса выползли из чума … Верных четверть часа он кричал и бесновался, вертясь на одной ноге … Один из наших вырвал у кудесника нож, примолвив: – Ногами ты дрыгай сколько хочешь, а уж руками баловать не дам воли! Знаете, пугает больно. В один бок его (нож) всунет, из другого вытащит … Вставай, брат самоедушко, вставай! Смерть боюсь кудес этих, а глядеть люблю! Жилы все тебе тянет, кровь носом просится … Все бы глядел!..» Там же. С. 438–439.

[4] *Харузин Н.Н.* Русские лопари // Записки Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и истории при Московском Университете. М., 1890. С. 218. (Далее: *Харузин Н.Н.* Русские лопари.).

[5] «Отец-нойда, умирая, благословлял сына колдовством». *Соловьев В.С.* Первобытное язычество. С. 498.

[6] *Волков Н.* Рукопись из архива МАЭ РАН. 1947 г. // Живая Арктика. Апатиты, 1999. С. 68.

[7] *Харузин Н.Н.* О нойдах у древних и современных лопарей // Этнографическое обозрение. М., 1889. С. 63. (Далее: *Харузин Н.Н.* О нойдах у древних и современных лопарей).

Это отличие лопарской магической духовности от иных малых народов вынуждены признавать и скептически настроенные ученые-этнографы. В иных языческих народах для простых смертных «мир духов совершенно закрыт; он не может, как шаман, вызывать их из мрака и призвать к себе. По этой причине самоеды, например, и многие другие народности считают бесполезным воссылать молитвы к известным могущественным богам, поскольку простой, слабый человек не может вступить с ним в духовное общение»[1].

Упомянутый народ самоедов, издревле занимавший северо-восточную часть Архангельской губернии и лишь в XIX веке переселившийся со своими стадами оленей на Кольский полуостров, имел и другие интересные особенности верований. Они всегда были твердо уверены в существовании высшего Бога «именем Нум, творца неба и земли и всех вещей бытие имеющих, от которого все зависит и который есть податель всякого блага. И ему не можно быть на земле, где всякое зло соделывается. Кроме него есть бесчисленное множество низших духов (тадебциев), которые не всегда подчиняются Нуму и причиняют людям множество бед, чего он им порой не повелевает. Но все же власть духам Нум дает только над теми людьми, которые промысла его не достойны»[2].

Интересно, что в начале XIX века христианское просвещение аборигенов края порой шло не только путем традиционного миссионерства, но и сверхестественным образом. Отмечаются явления неких «двух самоедов в белых одеждах и на белых оленях, едущие по воздуху, от коих слышат повеления, чтобы самоеды не делали больше жертвенных служений идолам, а отдавали бы все богопочитание только самому Нуму»[3].

Религиозные представления древних финнов (саамов) надо признать в ряде отношений гораздо более развитыми, чем у самоедов или иных народностей, ибо «они уверены, что способны в молитве приблизиться к своим богам. Лопарские боги примут самое живое участие в его печалях и с готовностью исполнят его желания»[4]. Но и среди этого народа «есть избранные любимцы этих духов, ценою души своей получившие особую силу и власть над людьми в различных обстоятельствах жизни»[5].

Шведский пастор и магистр XVII века Йоханес Торнеус сообщал подробности процесса получения лопарем особых магических способно-

[1] Этнографические замечания и наблюдения Кастрена. С. 212.
[2] *Молчанов К.* Описание Архангельской губернии. С. 39.
[3] Там же. С. 41.
[4] Этнографические замечания и наблюдения Кастрена. С. 213.
[5] *Дергачев Н.* Подробное описание Лопской земли. 1869. № 80.

стей: «Есть лопари, которые получают эти магические способности с раннего детства. По-видимому, диавол с самых юных лет уже чувствует в них своих верных и покорных слуг и поражает их странной болезнью, при которой возникают различные видения и образы, дающие избраннику тайные знания для дальнейшего успеха в чародействе.

Если эта болезнь приступит к лопарю повторно, то он как бы вводится в более высокую степень посвящения. Ему открываются новые видения и образы, из которых он почерпает более глубокие и опасные тайные познания.

Болезнь, наступившая в третий раз, часто бывает сопряжена с угрозой для жизни человека и может закончиться трагически. Выживший избранник духов возводится в высшую степень посвящения, постигая самые страшные тайны бесовских знаний, что дает ему особую силу для магических волхований»[1]. Надо заметить, народ лопарский вообще несет в себе некую болезненную «нервозность», повседневную внутреннюю готовность впасть в некое «особое состояние». Так, например, «лопарки часто приходят в исступление и не помнят, что делают, доходя до такого состояния от одного лишь вида незнакомого им народа»[2].

В дальнейшем эта связь с миром бесовским становится, по сути, проклятием для человека. Это тяжелейшая, изматывающая духовная болезнь, от которой практически невозможно освободиться. Мятущиеся и несчастные, проклятые Богом твари – падшие ангелы (бесы) втягивают человека в непосредственное и изматывающее общение. Не знающие покоя в своей пустой и злобной суете, они лишают своего несчастного «избранника» возможности обрести мир и покой, понуждая его к поиску все новых заданий для них – этих не усыпающих «духов-помощников». Вспомним характерный диалог Фауста и Мефистофеля:

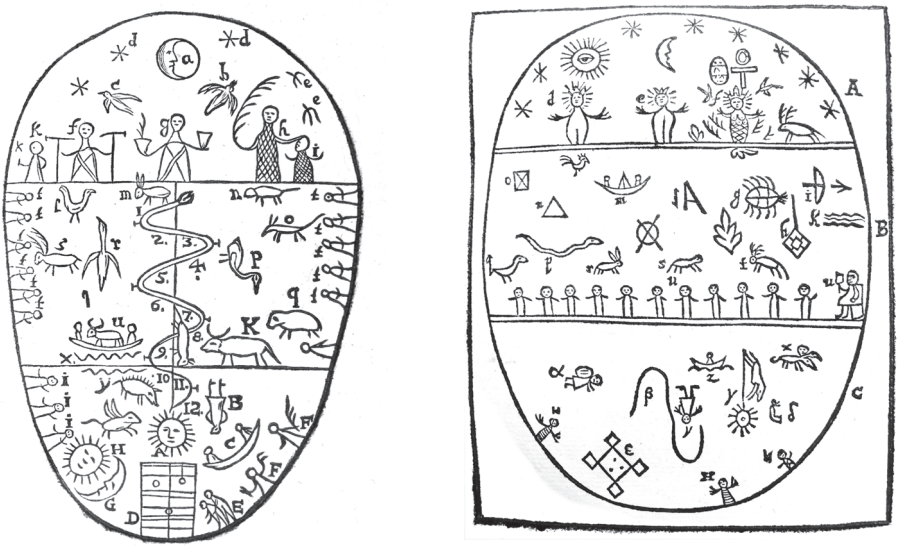
«*Фауст.* Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!
Мефистофель. Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я»[3].

---

[1] *Johannis J.* Tornæ Beskrifning, öfwer Torneå och Kemi lappmarker – författad år 1672. Stockholm, 1772. S. 13.

[2] *Дергачев Н.* Подробное описание Лопской земли. 1869. № 80.

[3] *Пушкин А.С.* Сцена из Фауста («Мне скучно, бес … »).



Магические символы на лопарских бубнах. Рис. из книги: Olf Rudbecks. Atlands eller Manheims, Atlantica sive Manheim, vera Japheti posterorum sedes et partia. Upsalæ, 1679

Именно в этой проблеме сокрыто столь неодолимое желание мага насылать порчу на людей. «Колдун, стараясь удалить от себя подвластных ему духов, беспокоящих его требованием работы, наводит порчу на людей, посылая духов мучить народ, часто тех, которые чем-то досадили ему. Так появляются кликуши или порченые»[1].

Обычно для решения серьезных вопросов лопарь берет в руки волшебный барабан или бубен. Однако посвященный высшей степени настолько безраздельно пребывает во власти темных сил, что уже не нуждается в использовании бубна или применении иных магических приемов, поскольку все время находится в зрении видений потустороннего мира, являясь своего рода «ретранслятором» обстоятельств жизни и информации из мира бесовского.

«Один лапландец, – рассказывал Й. Торней, – принес мне в подарок свой волшебный барабан, хотя раньше он с ним ни за что не хотел расстаться, пояснив, что теперь он и так все время видит события, происходящие с другими людьми и в других местах. В доказательство своих слов он подробно описал мне события, происходившие во время моей послед-

[1] *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания. М., 1880. С. 221.

Духи-помощники выполняют поручения своих хозяев. Рис. из книги из книги: O. Magnus. Historia de gentibus … 1555

ней поездки в Лапландию, чего он никак не мог знать. Также он признался, что тяжело мучается от этих видений, и наивно просил у меня совета, можно ли что-то сделать с его глазами, чтобы не видеть эти изнурительные чужие образы и видения»[1].

Такие нойды «умеют отвечать на любые вопросы и, как бы далеко ни отстояло заданное место, хотя бы и на сотни миль, ответ будет получен не позже чем через двадцать четыре часа. Иногда для того, чтобы не оставалось ни малейшего сомнения в истинности информации, по желанию, духи могут доставить из тех дальних мест какие-то хорошо известные вопрошающему предметы, как, например, кольцо, башмак, нож и т. п.»[2].

Перемещать материальные предметы по просьбе языческого волхвователя Севера силам тьмы не составляет никакого труда. Так, герой древней саги Одд, попытавшийся ограбить биармийцев, попадает в страшную бурю, уносящую его со спутниками в открытое море. Буря, длившаяся двадцать суток, утихла, как только они догадались, что эта беда – следствие магических действий биармийцев, и выбросили за борт

[1] *Tornaes Johannis.* Lapmarckerna och Deras Tillstand. Uppsala. 1900 // De svenska landsmalen ock svenskt folklif. Stockholm, 1901. S. 44. (Перевод автора).

[2] *Петри Олай (Olof Peterson).* Sver cronika. Крит. изд. Клемминга, 1860. Цит. по: *Шеффер И.* Лапландия. С. 127.

награбленное имущество. «Когда оно вылетело в море, то, проплыв по обоим бортам, собралось в одну кучу и удивительным образом двинулось против ветра назад, к финским берегам»[1].

§ 7. Материальные предметы как объект приложения лопарской магии

В той или иной степени каждый лопарь постоянно находится в состоянии общения с «бесами-помощниками», решая с их помощью все свои повседневные житейские проблемы. Однако есть и определенные предметы, составляющие некий магический арсенал для приложения лопарского оккультного искусства. Как мы уже говорили, одним из таких магических артефактов является волшебный барабан или бубен. К помощи этого предмета лопарь прибегает в исключительно важных случаях, как-то:

- чтобы воздать славу богам и выяснить, какого рода жертва им наиболее угодна;
- чтобы узнать будущее;
- чтобы пройти в «страну теней» к умершим предкам и выяснить волю богов;
- чтобы «запеть» человека насмерть;
- чтобы узнать, что делается в других краях, с другими людьми;
- чтобы обнаружить пропавшую вещь или животного.

Все остальные вопросы и повседневные проблемы лопарь решает, как говорится, в рабочем порядке, просто слыша голоса духов-«помощников».

Другой уровень общения с этими духами предполагает их материальное воплощение. Обычно «под рукой» у лопаря три духа чародейства. Они являются немедленно с началом волхвования (призывания): один в виде птицы (обычно это черный орел, лебедь или голубь), второй в виде рыбы и третий в образе оленя-самца[2].

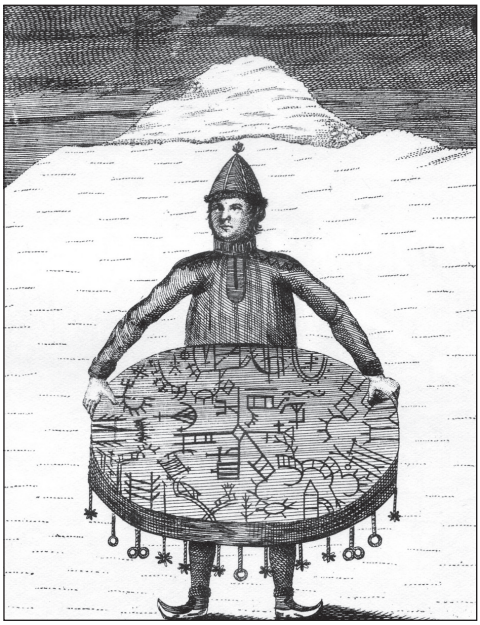
Кроме этих постоянных спутников из мира духов в семье лопаря всегда есть «домашний дьявол» в виде крупной черной кошки[3] («смирерак-

---

[1] *Тиандер К.Ф.* Поездки норманов в Белое море. С. 14.

[2] «Эти-то духи чародеев (noaidde-vuoinga) постоянно следуют за нойдой, когда он вызывает их пением, показывает ему дорогу, помогает в охоте, докладывает чужие речи и т. п.». *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 220.

[3] Вспомним известного персонажа романа Булгакова «Мастер и Маргарита» – черного кота Бегемота из свиты Сатаны-Воланда.



Саам с бубном. Гравюра на меди из книги: O.H. von Lode, Beskrivelse over Finnmarkens Lapper, deres Tungemaal, Levemaade og forrige Afgudsdyrkelse. Copenhagen, 1767

кату»). «Ей оказывают большой почет, разговаривают как с человеком и не делают ничего, не посоветовавшись с ней, для чего каждый раз выходят из хижины. Они берут ее с собой на рыбную ловлю и на охоту. Хотя по виду это обыкновенная кошка, только крупная и страшная, но я уверен, что это домашний дьявол»[1].

Известно, что по необходимости лопарь мог легко получить дополнительные темные силы, обратившись к более могущественному божеству. Для этого он приходил в известные с древности священные места (например, к источнику у подножия горы), где обитает нужное божество, и с соответствующими заклинаниями «выпивал пригоршней воды из источника, тогда на лопаря сходила сила, равная силе покровителя этого места»[2].

Все сказанное о лопарских магических способностях в полной мере относится и к лопаркам. Умелых нойдов среди женщин было ничуть не меньше, чем среди мужчин. Существует большое количество лопарских преданий об исключительных способностях нойдов-женщин. Ограничения, которым в духовной сфере подвергались женщины, касались приближения к священным местам (сейдам) и «невозможности присутство-

[1] *Ламартиньер П.М.* Путешествие в Северные страны. С. 18–19.

[2] *Соловьев.* Первобытное язычество. С. 646.

вать при жертвоприношениях»[1]. Кроме того, женщинам-нойдам нельзя было прикасаться к магическому бубну, что могло оскорбить стовшие за ним силы.

Среди предметов лопарской магической духовности, помимо барабана, существовали еще так называемые «ган» (gan) и «тире» (tyre). Это особые «метательные предметы», способные причинить человеку вред на расстоянии и даже стать причиной смерти. «Ган» имеет вид синеватой мухи. «В действительности этот gan есть не что иное, как сами демоны. Большое количество этих существ норвежские финны, запятнавшие себя этим нечестивым искусством, хранят в кожаном мешочке и по необходимости их оттуда выпускают. По самым незначительным поводам они насылают свой "ган" на людей, причиняя им немало вреда»[2]. О том, что этот магический артефакт имеет древнейшее происхождение, свидетельствует одно из прозвищ сатаны – Вельзевул *[от ивр. זבוב בעל, Бааль-Зевув. – **Е. М.**]*, или «повелитель мух». *«Фарисеи же, услышавши сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского» (Мф. 12, 24).* Магические приспособления и предметы из лопарского колдовского обихода вовсе не их эксклюзивное изобретение. Все это было известно в языческой практике с древности. Вспомним обличения одного из библейских пророков: *«вот, Я – на ваши чародейные мешочки, которыми вы там уловляете души, чтобы они прилетали, и вырву их из-под мышц ваших, и пущу на свободу души, которые вы уловляете, чтобы прилетали к вам» (Иез.13,20).*

Что касается «тире», то оно «представляет собой не что иное, как круглый мячик величиною с грецкий орех или небольшое яблоко, сделанный из нежного пуха, легкий, ровный, почти невесомый, по-видимому, полый внутри, неопределенного цвета, составленного из смешения желтого, зеленого и голубого, с незначительным преобладанием желтого» [3].

«Я имею один экземпляр в своей коллекции, – пишет И. Шеффер, – и говорят, что это "тире" может быть оживлено особыми чарами и сделано подвижным. Оно мчится по пути к тому, кому оно предназначено, наподобие вихря, дротика или шара и поражает несчастного. Иногда, если в полете встретится с чем-нибудь живым, то причинит ему тот вред, кото-

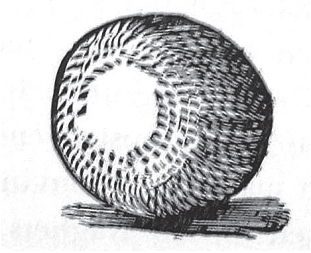
---

[1] *Харузин Н.Н.* О нойдах у древних и современных лопарей. С. 56.

[2] *Петер Клауд.* Описание Норвегии. Цит. по: по: *Шеффер И.* Лапландия. С. 133.

[3] *Шеффер И.* Лапландия. С. 135.

«Ган» имеет вид синеватой мухи. «В действительности этот Gan есть не что иное, как сами демоны» (Петер Клауд, «Описание Норвегии»)



Тире. Рисунок из книги: M. Consett. A tour through Sweden, Swedish-Lapland, Finland and Denmark. London, 1789

рый предназначался другому, и таким образом легко может отклониться от своей первоначальной цели и повредить совершенно невинной жертве»[1].

Действие этих «шариков» описывается в норвежской саге из сборника «Flateyjarbok». Герой саги Гаук Ястреб отправляется на корабле в Биармаланд за мехами. В тех краях, у Гандвика, живет нянька его господина, короля Гаральда, по имени Гейда. При встрече она предупреждает Гаука об опасности путешествия и дает ему «два шарика». По дороге Гаук встречает корабль, из которого летят неотразимые стрелы, убивая его спутников. «Тут Гаук вспоминает о шариках Гейды и бросает их по направлению к вредоносному кораблю. Тотчас же на нем вспыхивает пожар»[2].

Надо понимать, что лопарская языческая духовность являет собой не некую экзотическую региональную диковинку, а составляет единое целое с мировой языческой цивилизацией, безраздельно царившей на земле до прихода в мир Христа Спасителя.

«Лопарские нойды – это младшие братья халдейских волхвов и обаятелей», – пишет историк В.С. Соловьев. Их религия – это «возможность вступать действительно и самостоятельно в область магических соотношений и пользоваться ими для человеческих целей, что является общей первобытной основой, одинаковой в религиях народов, столь удаленных в пространстве и времени»[3].

§ 8. Лопарские традиции и их влияние на поморскую духовность

Нет возможности процитировать все свидетельства активного проявления сил зла на Русском Севере, которые собраны в книге замечательно-

[1] Там же. С. 135.

[2] *Тиандер К.Ф.* Поездки скандинавов в Белое море. Рассказ о Гауке Ястребе. С. 429.

[3] *Соловьев.* Первобытное язычество. С. 514–516.

Одержимая бесом во время камлания. Рис. из книги: Olf Rudbecks. Atlands eller Manheims, Atlantica sive Manheim, vera Japheti posterorum sedes et partia. Upsalæ, 1679

го писателя прошлого века С.В. Максимова «Год на Севере», а также в его специальном исследовании этой проблемы[1]. Автор, описывая берега Беломорья, особо оговаривает, что не только аборигены Севера, лопари, финны, карелы, самоеды, ижемцы, активно общаются с «нечистой силой», но и в целом в поморском, русском населении края существует просто непреодолимая тяга к ворожбе, наговорам и «напусканию» порчи[2].

Эта проблема хорошо просматривается в бытовых традициях жителей Терского берега Кольского полуострова. Когда в XX веке церкви этих рыбацких сел позакрывали, поморский народ погрузился в «гордость бесовскую» и домашнюю магию. Многие вновь стали обращаться к древним богам, надеясь с их помощью достичь «уважения» односельчан. Рассказывают, как матери учили детей: «Ты смотри, с этой бабой Нюрой вежливо здоровайся, а то она "роканиха", может болезнь напустить».

[1] *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903.

[2] «Подойдет у меня к сердечушку-то и начнет глодать его, что и свет-от в глазах помутится. Начнешь "разговаривать". Спросят тебя – не слышишь, а болтаешь знай свое, что на ум взбредет. Но это еще не великое горе – это "говоруха". Ругаешься самыми неладными словами, что въяве – то и в ум не взойдет, и такими звериными голосами заговорит в тебе нечистый … » *Максимов С.В.* Год на Севере. С. 25–27. Аналогично описаны и более тяжелые формы беснования: «немуха», «прикос», «призор», «трясовица», «знобея», «баенная нечисть» и т. п.

«Зеленуха» – особенно большая, очень высокая морская волна

Полное отсутствие на Поморье церквей и священников лишило жителей возможности защититься церковными таинствами от бесовских нападок.

Специфика промысловой жизни помора, связанная с постоянным риском, и возможность помериться силами с грозной стихией, взглянув в глаза смерти, позволяли на личном опыте узнать, что, как писал поэт, «Есть упоение в бою / и бездны смертной на краю…» Все это хорошо видно в поморских поговорках о море, о «зеленухе»,[1] о «девятом вале»: «Кто на валу не бывал – тот и страха не видал, а кто валу брат – тот и черту сват»[2].

Желание прославиться особым бесстрашием, небывалой удалью впитывалось в самую суть поморской натуры. «Славолюбие сих смельчаков поощряется похвалою от своих собратий за отличную дерзость против замахов смерти. Таковою почестию многие из них превозносятся не менее оливного или пихтового венца древних атлетов. Родственники потерю своих сродников не считают дальнею утратою»[3].

Этот волнующий путь личного преодоления суровых обстоятельств жизни, способность выстоять и победить неизбежно порождали чувство самодостаточности, стимулировали осознание собственного достоинства и, в конечном итоге, часто приводили к глубоко укоренившейся, неодолимой гордости. Почва для этого была самая благоприятная, поскольку изначально в столь дальние пределы земель российских приходили люди далеко не слабые, свободолюбивые и волевые. В большинстве своем этот люд был, как говорится, «с прошлым», со своими историями «конфликтов» с властями. И в дальнейшем, в течение всех столетий, как они

[1] «Зеленуха – особенно большая, очень высокая морская волна, идущая по направлению к судну и грозящая залить рыбацкие беспалубные суда» (*Дуров И.М.* Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929). С. 60.

[2] Там же. С. 20.

[3] *Молчанов К.* Описание Архангельской губернии. С. 5. Примеч.

сами любят говорить, «никакой помор никогда под началом не ходил и шапки ни перед кем не ломал».

Ко всему надо добавить частое и долгое пребывание поморов вне села, на тонях, промыслах, зимовках, вне приходской церковной жизни, а также ставший привычным личный, «напрямую», разговор с Богом. Все это приводило к угасанию чувства церковной соборности, атрофии потребности в церковных таинствах и общения со священником. Этому возникавшему духовному вакууму быстро находилось оккультное наполнение в виде знаменитых «лопарских практик», тем более что контакты с лопарскими семьями не прерывались и были достаточно регулярными – и на тонях, и во время частых торговых ярмарок.

Таким образом, недостаток чистоты духа евангельской веры неизбежно компенсировался различными суевериями, языческими действиями, приемами местной практической магии[1]. Таких способов в жизни помора всегда было достаточно. Из относительно «безобидных», например, для привлечения нужного ветра «бьют поленом флюгарку *[флажок на мачте парусного судна. – **Е. М.**]*, чтобы тянуло поветрие»[2].

И в целом на Русском Севере до революции это пристрастие к колдовству имело настолько распространенный и устойчивый характер, что вопросы борьбы с ним решали не только духовные, но и полицейские власти. Тот же С.В. Максимов приводит акты судебных допросов и приговоров, содержащие признание «волхвователей» и подробные описания обрядов овладения «дьяволами» с последующим напусканием их силы на почему-либо неугодного им человека. Эти действия вызывали признаки одержимости «духом нечистым» в той или иной степени: «в виде выкриков, икоты, истерического смеха, обмороков, одервенения, вещания чужими голосами, зачастую богохульно и матерно». В Поморье, пишет Максимов, этими признаками «страдает верная четверть всего женского населения», но при этом исследователь подчеркивает, что на допросах выяснялось: «По причине приверженности к расколу практически все пострадавшие на исповеди и причастии уж и не помнят, когда были».

---

[1] Так, например, известный магический прием вызывания ветра, при котором один из мореходов становится к мачте и, царапая ее ногтями, с присвистом начинает призывать духа нечистого: «Беля, беля, беля, белолапко!», и так до тех пор, пока не почувствуется струя ветра, и парус «зарябит».

[2] *Комментарии В.Н.* Семенковича к книге П.М. Ламартиньера «Путешествие в северные страны», см.: Из Записок Московского Археологического института за 1911 г. М., 1911. XIV. С. 13.

Магические приемы призывания духов. Рис. из книги: M. Consett. A tour through Sweden, Swedish-Lapland, Finland and Denmark. London, 1789

Интересно, что святые подвижники Севера и по отшествии своем в мир иной не оставляли попечения о своих земляках. Как признавались «волхвователи», после того, как «пришли ко мне в огненном платье три нечистых духа и один из них сказал: я пойду туда, куда ты меня послал», бывало, приходили и старцы в черных монашеских одеяниях, с седыми бородами, и призывали «меня от такого зла уклониться, обратясь к Богу, просить прощения; отчего пробудясь, призывал Бога к избавлению от врагов, и теперь от его милосердия не отрекаюсь»[1].

Максимов пишет, что особое неблагополучие тех или иных мест на Севере всегда чувствуется по особому ощущению тоски и безысходности и по общему упадку духовной и хозяйственной жизни[2]. Источник такого уныния хорошо известен и жителям этих мест: «Много же “их” по нашим местам этаких “притчей” живет: ино на лице прикинутся, ино из-под земли выходят, по ветру летают тоже: всего не пересчитаешь. Ино и еретик какой напуск делает. На человека-то, на того еретика по молитве бес указывает, кто порчу напустил по науке али по злобе. По имени того человека указывает, и деревню его сказывает… Бывает сто бесов животы те гложут»[3]. Как не вспомнить тут: *«Легион имя мне, потому что нас много» (Мк. 5, 9).*

Истинную же причину такой власти бесовской в иных местах Севера люд православный всегда улавливал тонко: «Все пропало, все погибло от лености да от гордости!»[4]

---

1 *Максимов С.В.* Год на Севере. С. 109–111.

2 Там же. См. описание г. Мезени, с. Долгощелья и др.

3 Там же. С. 26–27.

4 Там же. С. 31.

РАЗДЕЛ VII

Первые опыты просвещения Кольского края в XIV–XV вв. Крещение корел и саамов

ГЛАВА ПЕРВАЯ
КРЕЩЕНИЕ КОРЕЛЫ

Кольский полуостров первоначально номинально входил в состав древнейшей Новгородской епархии, учрежденной еще в 992 году. Однако вопрос просвещения многочисленных северных народностей, проживавших на ее территории в течение долгих столетий, не являлся предметом целенаправленной политики как светских, так и духовных властей.

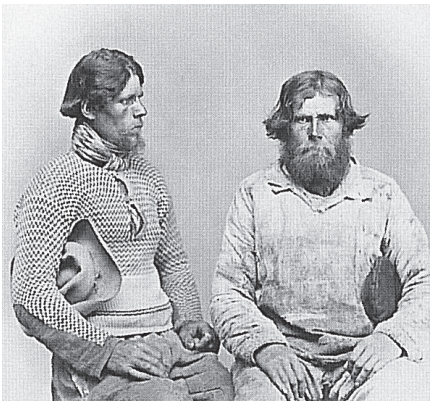
§ 1. Начало процесса. Первый опыт крещения северного народа

Задача крещения корельского народа и необходимость скорейшего осуществления такой миссии стали осознаваться Российским государством и Церковью, пожалуй, раньше всех иных направлений миссии в отношении многочисленных финно-угорских племен, входящих в состав Древней Руси.

Агрессивные устремления западных соседей в отношении территорий восточного и южного побережья Балтийского моря и далее на северо-восток обострили проблему религиозной ориентации аборигенов края. Усугубление духовного противостояния, порожденного Великой схизмой 1054 года, перевели миссию обращения корелов в Православие из чисто духовной в важнейшую политическую задачу. Активизация таких шагов со стороны новгородских властей и священноначалия последовала в ответ на религиозную экспансию Швеции и предпринятый ею Третий Крестовый поход в районы расселения финно-угорских племен на побережьях Финского и Ботнического заливов.

Таким образом, со стороны Новгородской Руси просветительская миссия среди корельского народа стала составной частью военного противостояния, имевшего цель перехватить инициативу у энергично действовавших скандинавских католиков.

Ранее мы говорили, что народ корелы официально считался крещеным с 1227 года, о чем сообщала Лаврентьевская летопись: «В лето 6735



Корелы Кемского уезда.
Гравюра конца XIX века

Карельская изба. Рис. из книги: Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1812

князь Ярослав Всеволодичь послав крести множество корел, мало не все люди»[1]. Однако результат оказался не столь убедительным: народ корелы занимал весьма протяженные и порой труднодоступные пространства, и крещение коснулось далеко «не все люди».

Лишь где-то с начала XIV века новгородские власти начинают в полной мере осознавать острую необходимость иметь в лице народа корелы не только ратного союзника, но и единоверца. Опыт измен со стороны народа Биармии в тяжелый период татарского владычества красноречиво свидетельствовал о необходимости скреплять политические союзы крестным целованием. Именно потому уже в начале XIV века в столь удаленных корельских погостах Крайнего Севера – в Умбе и Варзуге – появляются первые на Кольском полуострове церкви.

Равным образом было понятно, что вопрос вероисповедания корел тождествен их государственной принадлежности – они либо с православной Русью, либо с католической Швецией. И в этом смысле Русь явно запаздывала: «Если на западе лояльность карел Швеции основывалась на общем католическом вероисповедании, то восточные карелы не имели подобной связи с Новгородом, поскольку Православная Церковь незначительно продвинулась по пути их христианизации»[2]. Тем не менее, вопрос состоявшегося разделения корельского народа по вероиспо-

[1] ПСРЛ. 2-е изд. / Под ред. Е. Ф. Карского. Вып.1–3. Л., 1926–1928. Т. 1. С. 449.

[2] *Джон Х. Линд.* Религиозно-политические предпосылки «Рукописания короля свейского Магнуша» по шведским и русским источникам. Перевод с английского С.Л. Никольского // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. М., 2001. С. 226.

ведальному признаку был окончательно закреплен суровыми статьями соответствующих договоров со шведами в 1339 году: «О кореле договорились так: “если к вам наши побежат, секите их или вешайте, если ваши к нам, то поступим также, чтобы не ссорили нас друг с другом. А этих карел не выдадим, они крещены в нашу веру. И без того их мало осталось, а то все погибли”»[1].

Несколько позже, к XVI веку, в том же ракурсе встанет вопрос с крещением саамов (лопарей). Но к этому времени в данном вопросе очевидным образом уже будет доминировать державное мышление московских государей и митрополитов, проводящих целенаправленную политику по оглашению аборигенов края.

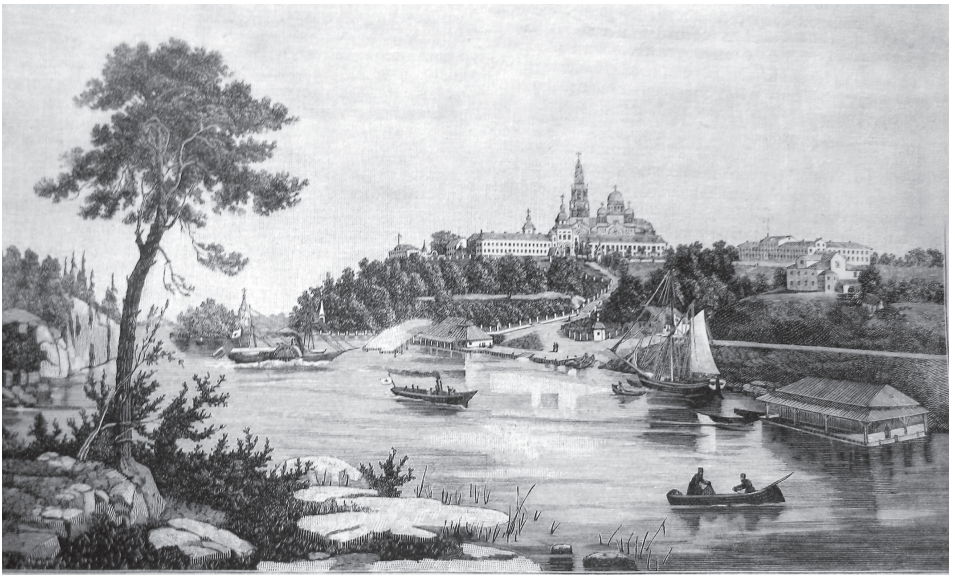
Во времена же новгородского владычества превалировали достаточно узкие, местнические торговые интересы и известный космополитизм. О том, как это уживалось с развитием, например, монастырского строительства, ярко свидетельствует такой факт. В 1386 году новгородцы сожгли и уничтожили не менее 24 монастырей, существовавших на подступах к городу, дабы Дмитрий Донской со своей ратью не смог воспользоваться их инфраструктурой. Это злое дело было совершено с легкостью, как только князь подступил к Новгороду, чтобы потребовать контрибуцию за грабежи, совершенные новгородскими ушкуйниками на берегах Волги.

Отсутствие единой государственной стратегии в вопросе христианской миссии на территориях, занятых языческими народами, и в частности в вопросе крещения «бесодохновенной корелы со многим своим скверным волхвованием», придавали этому делу характер личных инициатив того или иного подвижника. Это движение подчас являлось сопутствующим плодом новых духовных поисков, молитвенных (исихастских) практик, достигших Новгорода из Греции, что подвигало монахов удаляться в дикие края, северные пустыни, подальше от городов. «С XIV века развивается движение русского монашества в лесную пустынь быстро и сильно. В XV веке число новых пустынных монастырей превзошло городские более чем вдвое (57 против 27)»[2].

---

[1] Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М.–Л., 1950. С. 350.

[2] *Ключевский В.О.* Курс Русской истории. М., 1904. Ч. 1. С. 214.



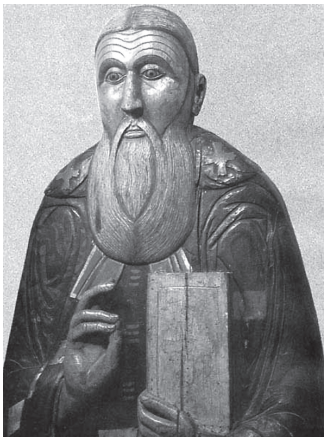
Валаамский монастырь. Общий вид с южной стороны.
Гравюра Э. Даммюллера. XIX в.

§ 2. Валаам – древнейший центр Православной миссии

Именно такими подвижниками и искателями священнобезмолвия явились и основатели Валаамского монастыря преподобный Ефрем Перекомский и Сергий и Герман Валаамские[1]. Недавнее открытие текста рукописи «Сказания о Валаамском монастыре» позволило не только разрешить давний вопрос о дате основания обители, определив ее с наибольшей вероятностью как 1389 год, но и узнать некоторые иные важные обстоятельства.

Изначально братия собралась на некоем малом острове Валаамского архипелага, состоящего более чем из 50 островов, где и была построена первая церковь. Однако вскоре стало понятно, что этот островок не имеет перспективы для роста монастыря, не говоря уже о пропитании собравшейся братии, «которая уже не умещалась на тесном месте». В то же время, «живущии на велицем острове чюдь зело яряхуся на святых оных старцев, единодушно с бесы чарованием нападаху и многия пакости

[1] Современный текст жития преподобного Ефрема Перекомского называет явно ошибочную дату его рождения – 1412 год. *Федотова М.А.* К вопросу о житии Ефрема Перекомского // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 152.



Святитель Иоанн, архиепископ Новгородский. Скульптура, дерево (липа). 1559 г. Государственный Русский музей

им творяху»[1]. Надо понимать, в этой ситуации преподобный Ефрем решил уклониться от борьбы за большой остров и вернулся к изначальной задаче ухода подвижника от мира – предаться «богомыслию и молчанию».

Преподобный Сергий же, наоборот, утвердился в мысли строить большой общежительный монастырь. Сказание ясно свидетельствует о той активной поддержке, что была оказана новгородским владыкой архиепископом Иоанном II (1388–1415 гг.) инициативе подвижника по переносу обители на большой остров Валаам[2].

Преподобный Сергий получил от Владыки не только «много золота и всего необходимого», но и новгородских дружинников, дабы «живущих здесь людей с острова того высылать». Тогда вооруженные язычники «ополчились и устроили войну против посланных». Тем не менее, «рукою всесильного Христа Бога их одолели и многих избили. Тогда же и некоторые из благоговейных иноков от смертельных ран скончались»[3].

Таким образом, мы видим, что покорение валаамской «бесодохновенной корелы» давалось весьма непросто. Надо хорошо представлять, что Валаамский архипелаг в те времена был прочно связан с общей системой обороны региона Невы от шведской угрозы и представлял собой в определенном смысле крепость на Ладожском озере. Так, например, Лицевой свод середины XVI века, основанный на Никоновской летописи, при описании Невской битвы указывает, что шведский лидер прямо провозглашает свое намерение покорить Старую Ладогу, Новгород и всю новгородскую территорию «до Валаама».

Из всего сказанного можно утверждать, что основание Валаамского монастыря на большом острове явилось предприятием совсем иного

[1] Сказание о Валаамском монастыре / Подготовка текста, перевод и комментарии Н.А. Охотиной-Линд) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. Т. 13. XVI век. С. 401. (Далее: Сказание о Валаамском монастыре).

[2] Попечением Владыки кроме Валаамского основаны монастыри: Коневский на Ладожском озере (в 1398 г.); Николаевский Вяжищский (в 1411 г.); Николаевский в Папоротне (в 1403 г.), в 50 верстах от Новгорода, Николаевский же в Мостищах (в 1412 г.), за три поприща от Новгорода.

[3] Сказание о Валаамском монастыре. С. 402.

Вид на Коневский монастырь с Ладожского озера. Фото 1907 года

рода, чем первоначальная инициатива преподобных Ефрема и Сергия по удалению от мира и христианской проповеди среди язычников. В определенном смысле здесь имел место единственный случай использования западных методов миссионерства – практика Крестовых походов: «Возможно, в первый и последний раз светские власти, вдохновленные новгородским духовным главой, переняли идею Священной войны и утвердили миссию огнем и мечом»[1].

Практически одновременно, в 1393 году, на другом (соседнем с Валаамом) острове Коневец преподобный Арсений Коневский основал Коневский Рождество-Богородичный монастырь. Так же, как и в случае с монахами-основателями Валаама, духовный посыл на уединенное монашеской жительство преподобный Арсений принес с христианского Востока, с горы Афон.

Надо сказать, «Валаамская обитель, равно как и древнейший Палеостровский монастырь *[о. Палей на Онежском озере. – **Е. М.**]* стали опорною базою для дальнейшего продвижения монастырской колонизации к северу»[2]. Достаточно вспомнить преподобного Савватия, подвизавшегося на Валааме в 20-х годах XV века и ставшего «первоначальником жительства на Соловецком острове». «Несколько позднее из Палеостровского монастыря направился к тем же Соловецким островам старец Зосима»[3].

Кроме Савватия из стен Валаамской обители вышли иные великие

[1] *Джон Х. Линд.* Религиозно-политические предпосылки «Рукописания короля свейского Магнуша» по шведским и русским источникам. Перевод с английского С. Л. Никольского) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы. М., 2001. С. 56.

[2] *Савич А.А.* Главнейшие моменты монастырской колонизации Русского Севера XIV–XVII вв. Пермь, 1929. С. 61. (Далее: *Савич А.А.* Главнейшие моменты монастырской колонизации).

[3] *Савич А.А.* Главнейшие моменты монастырской колонизации. С. 62.

Изгнание бесовской силы. Освящение Конь-камня на о. Коневец

подвижники древности: преподобный Александр, основатель знаменитого монастыря на реке Свирь, и его ученики – преподобные Афанасий Сяндемский и Адриан Ондрусовский, преподобный Савва, основавший монастырь Пресвятой Животворящей Троицы на Сеннянском острове Ладожского озера, преподобный Корнилий, создавший Палеостровскую обитель на острове среди Онежского озера. Валаамским монахом был и преподобный Евфросин Синозерский.

Суровые правила жизни в Валаамской обители, установленные преподобным Сергием, вызвали недовольство иноков, вылившееся в конфликт. Игумен Сергий, «допустив место гневу, отрекается от игуменского сана и в глубочайшую пустынь на том большом острове уходит»[1]. Но и там «некоторых из иноков, разумом некрепких», враг рода человеческого подбивает «выгнать святого с острова принуждением и бесчестием». Старец уходит в Новгород, передав игуменство преподобному Герману.

Удивительно, насколько враг рода человеческого действовал против северных монастырей по одной отработанной схеме. Через 100 лет эта скорбная история один в один повторится в судьбе преподобного Феодо-

[1] Сказание о Валаамском монастыре. С. 28.

рита Кольского и братии его Свято-Троицкого монастыря в Коле, равно как и в житии преподобного Трифона, на восемь лет покинувшего Печенгские края и свою «буйную братию».

«Золотой век» первоначального Валаамского монастыря пришелся на XV столетие. Тогда здесь подвизалось около 600 монахов, а обитель стали называть «честной и великой лаврой».

В дальнейшем бесконечные разорения монастыря со стороны Швеции и нередкие эпидемии привели к запустению острова. Лишь по итогам Великой Северной войны в 1715 году Петр I издал указ о восстановлении Валаамской обители. Началась новая история древнего монастыря.

§ 3. Преподобный Евфимий Корельский и его монастырь

Можно сказать, что XV столетие вошло в историю России как «золотой век русской святости».[1] Это было время, когда «многочисленные последователи Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского в поисках «духовного делания» уходили в «непроходимые места и дебри, созидая пустыни»[2].

Среди них преподобный Евфимий Корельский (†1435), архангельский чудотворец, подвижник российской древности. Старец Евфимий особо почитался в Архангельской и Карельской епархиях и известен как строитель древнего Николо-Корельского монастыря, основанного им на берегу Белого моря недалеко от устья Северной Двины.

Как видим, Николо-Корельский монастырь сохраняет в своем названии древнее, исконное написание «корелы» через «о». Полагают, что эта географическая привязка в названии монастыря – «Корельский» – связана с древним названием рукава Северной Двины, ныне называемого «Никольским».

«Корельский монастырь получил свое начало никак не позднее XIV века, если только не раньше, ибо во время разрушения “мурманами” он был обстроен и населен». Относительно отца-основателя обители реальных исторических сведений не сохранилось, но отмечалась проявленная им «особая ревность в организации монастыря и просвещении ди-

[1] *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М.: Московский Рабочий, 1990. С. 162.

[2] *Пигин А.В.* Памятники рукописной книжности Олонецкого края. Петрозаводск, 2010. С. 73.

Преподобный Савватий Палестинский. XIV век

кого Корельского края светом Евангельской истины»[1].

Отсутствие информации о преподобном Евфимии, даже в виде смутных преданий, характерна для подвижников иноземного происхождения. Так, например, преподобный Савватий Оршинский в конце XIV века, основавший пустынь под Тверью, сегодня считается одним из «палестинских иноков», пришедших на Русь с митрополитом Киприаном (Цамблаком). Не секрет, что важнейшей целью своего служения этот святитель полагал активное введение в Русской митрополии Иерусалимского устава взамен принятого тогда Студийского. Поэтому «вместе с собой он привел монахов православного Востока, могущих передать непосредственно русским опыт иноческого жития по новому уставу и утвердить его своим высоким авторитетом»[2].

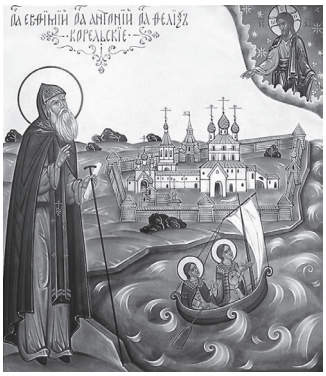
Известно, что целая группа «палестинских иноков» именно в это время, в 1390 году, принесла в Москву чудотворную икону Богоматери «Неопалимая Купина», которая напрямую связана с Синайской обителью святой великомученицы Екатерины, устав которой и вводил в жизнь святитель Киприан. Можно предположить, что и наш Евфимий Корельский, именно с этого времени столь активно трудившийся на Севере Руси, также принадлежал к подвижникам-миссионерам митрополита Киприана.

Сведения о житии преподобного Евфимия Корельского чрезвычайно скудны. Равно как и в случае с преподобным Савватием Оршинским и непростыми попытками восстановить житие святого. Правда, сохранилась икона преподобного Савватия с житийными клеймами, что и позволило идентифицировать подвижника по ряду внешних признаков с «палестинскими иноками».

Что касается преподобного Евфимия, то ни икон, ни документальных источников, повествующих о его житии, не сохранилось. Все списки древнего жития, скорее всего, были утрачены вследствие пожаров, опу-

[1] *Макарий.* Христианство в пределах Архангельской епархии. С. 52.

[2] *Егоров Андрей, священник, Иванов С.И.* Тверской монастырь. Савватиева пустынь XIV–XXI вв. Святыни, тексты, исследования. Тверь, 2006. С. 19.



Преподобный Евфимий, праведные Антоний и Феликс Корельские

стошивших некогда богатую библиотеку Николо-Корельского монастыря. Есть основания предположить, что во 2-й половине XIV века преподобный Евфмимий жил и миссионерствовал на Кольском полуострове, где основал ряд храмов и часовен. Именно в это время шел процесс христианизации корел, переселившихся на Терский берег в древние обжитые места Варзуги и Умбы, освобожденные от биармийцев. В старинном синодике Успенской церкви с. Варзуги самым первым, кто вписан для поминовения, стоит имя «схимонаха Евфимия», что подкрепляет наши предположения.

Также по синодику, или помяннику, Понойского прихода среди «служивших в храмах Петра и Павла и Успения записано тридцать два священника, но кроме их самым первым упоминается “схиеромонах Евфимий”»[1].

Основные известия о преподобном Евфимии связаны с южным, Летним берегом Белого моря, именуемым в то время Корельским, где ныне находится Николо-Корельский монастырь. Был ли он первым настоятелем этой обители, неизвестно – возможно, он возглавил ее восстановление после разорения 1419 года.

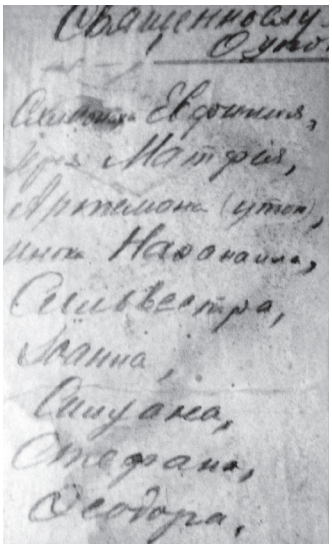
Как сообщает Новгородская летопись, Николо-Корельская обитель была разорена «мурманами» еще при жизни преподобного Евфимия, в 1419 году[2]. Возрождение монастыря традиционно связывают с именем небезызвестной Марфы, вдовы бывшего новгородского посадника Исаака Андреевича Борецкого, и памятью о двух ее утонувших в устье Двины и «погребенных в развалинах сей обители» сыновьях Феликсе и Антонии[3].

---

[1] Статья Маркова А.В. о этнографической поездке 1903 года. РГБ, ф. 160, коробка 10, ед. хр. 5, рукоп. 10/8, л. 3.

[2] Первый Новгородский летописный свод за 1419 год // ПСРЛ. Т. 3. С. 108–109.

[3] Книга, глаголемая описание о российских святых. М., 1887. С. 159. «Борецкие объезжали время от времени свои поморские владения. Во время одного из таких объездов погибли на море два сына Марфы Посадницы. Тела их были выкинуты на Корельский берег Двинского устья» (*Кизеветтер А.А.* Русский Север. Вологда, 1919. С. 20). Феликс и Антоний почитаются местно как праведные.



Стариный Варзужский синодик (деталь). Фото автора 2004 года

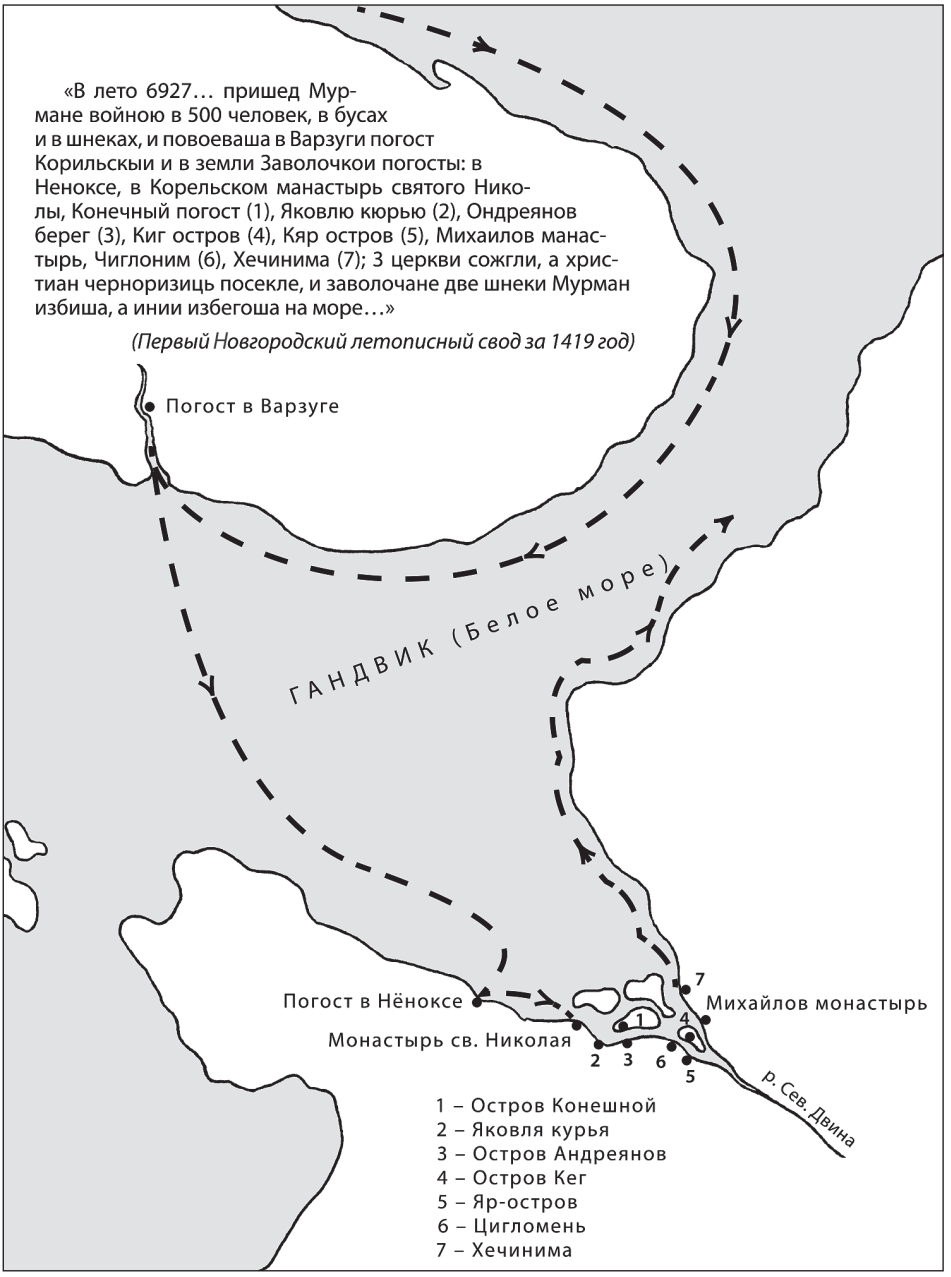
В том злополучном набеге 1419 года «мурмане» шли не прямиком на обитель преподобного, а разорили по пути и иные русские монашеские поселения на Крайнем Севере. Так, в том же Первом Новгородском летописном своде за 1419 год сообщается, что до разорения монастыря «мурмане повоевали погост Корельский на Варзиге». Это сообщение летописи очевидным образом увязывает Варзужский «погост Корельский» и Николо-Корельский монастырь.

О дальнейшей судьбе монастыря повествуется в духовной грамоте, написанной от лица некоей боярыни Марфы и датируемой первым десятилетием XV века: «Се яз раба Божия Марфа… поставила есми церковь храм святаго Николы в Корельском на гробах детей своих Онтона да Филикса. А дала есми в дом святаго Николы куплю мужа своего Филипа: на Лявле острове село, да в Конечных два села, и по Малокурьи пожни и рыбные ловища, а по церковной стороне и до Кудми, и вверх по Кудми и до озера, и в Неноксе место за сеннеком, и дворищо, и полянка. А приказываю дом святаго Николы господину своему деверю Федору Григорьевичю и его детям, и Дементею Обакуновичю, и зятю своему Офромею Васильевичю»[1]. Упоминание в данном документе «Дома святаго Николы» позволяет предположить, что на этом месте уже существовал монастырь или скит. В то же время, увязывание имени упомянутой Марфы с известной новгородской посадницей Марфой Борецкой в настоящее время подвергается сомнениям из-за серьезных нестыковок по годам жизни[2].

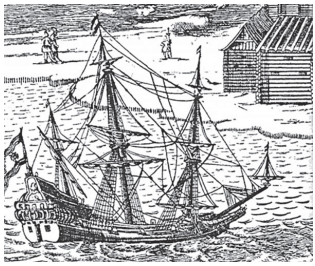
Память о тех древних событиях, о разорении «в Варзиге погоста Корельского», где кроме мирян жили и монахи Николо-Корельского монастыря, сохранилась в церковной истории. Древние синодики прихода церквей Варзуги сохранили для нас имена тех страдальцев за веру. Имен-

[1] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 185–186.

[2] «Под 7017 (1509) годом говорится о смерти Марфы посадницы и говорится, что умерла она в схиме». Конявская Е.Л. Новгородская летопись XVI века // Новгородский исторический сборник. СПб., 2005. Вып. 10. С. 336.



но с этих имен в синодике начинается отсчет церковной истории на Терском берегу и на всем Кольском полуострове. Это «иеромонах Варсонофий (утопший), Исмаил и с ним семь иноков убиенных, иерей Матфий, Артемон (утоп), иноки Нафанаил, Сильвестр, Иоанн, Силуан, Стефан,



Корабль «Эдуард Бонавентура» английского капитана Ричарда Ченслера

Феодор». Надо полагать, таков и был весь наличный состав братии монастырского подворья на Варзуге к 1419 году. Как мы уже упоминали, этот скорбный список предваряет «схимонах Евфимий».

Европейскую известность этому монастырю принесли английские мореплаватели, которые выбрали для стоянки своих торговых судов место у острова Ягры, напротив Николо-Корельского монастыря. Еще со времен первого визита сюда капитана Ричарда Ченслера этот остров был назван «Розовым» (Rose Island), так как он был сплошь заросшим «северной розой» – шиповником. «Залив святого Николая, в котором они первый раз пристали, называется так от монастыря, построенного из дерева, – писал позже известный писатель Джон Мильтон, – там нашли они двадцать монахов, неученых и больших пьяниц; церковь красива, наполнена образами и свечами. Кроме монастыря там всего шесть домов. Насупротив монастыря в заливе находится Розовый остров, на котором растут в изобилии алые и красные розы, фиалки и дикий розмарин»[1].

Как показали последние археологические исследования 2012 года, братская могила всех жителей, погибших при разорении Варзужского поселения, находится в периметре сожженной «мурманами» Никольской церкви. При этом многие из погребенных были одеты в так называемые власяницы – нательные рубахи из некрашеной шерстяной ткани, которые были тогда принадлежностью монашеского одеяния[2].

Можно, конечно, предположить, что погребальные одеяния мирян в это время, в начале XV века, копировали монашеские одежды, но трудно представить, как множество убиенных жителей Варзуги, снесенных к церкви для захоронения, можно переодеть в специальные одежды. Кроме того, как показали результаты раскопок под церковью с. Кашкаранцы, в начале XVII века поморов хоронили в той одежде, в которой они ходили: в кафтане, штанах, толстых вязаных ноговицах, или сапогах, в сарафанах и прочем повседневном платье.

---

[1] *Истомин М.* Первые известия англичан об Архангельском крае // Архангельские губернские ведомости. 1861. Отдел второй. № 3. С. 18.

[2] Точно такую власяницу носил «игумен всея Руси» царь Иоанн Грозный, и ныне она хранится в ГИМе.

Так что можно утверждать, что первые преподобномученики Кольского Севера мощами своими лежат под ныне реставрируемой самой первой церковью Кольского полуострова – Никольской церковью села Варзуга, что на Никольской стороне реки.

Монахи Николо-Карельского монастыря были традиционно хорошими мореходами, и легко могли иметь свое поселение на Варзуге. На своих «малых кораблецах» они ходили вокруг Кольского полуострова. Так, например, «в 1552 году монах Николо-Корельского монастыря Игнатий на лодке прибыл в Колу, а через 8 лет это плавание повторил монах Иосиф»[1].

Понимание того, что еще задолго до соловецких монахов, до преподобных Феодорита и Трифона, у нас, на Крайнем Севере, еще в XIV веке преподобный Евфимий основал монашеские поселения, вносит ясность и во многие иные вопросы истории края.

Кокуев-Никольский монастырь в Порьей, Никольский монастырь «близь Варгава», Никольская церковь в Варзуге, Никольская часовня в Коле… Все эти святыни могут восприниматься как свидетельства весьма раннего освоения этих мест преподобным Евфимием Карельским и его воспитанниками. Житие преподобного особо оговаривает, что был он «не только искусный строитель жития монашеского, но и ревностный служитель дела просвещения диких племен»[2], воспитавший плеяду учеников для благовестия Христова. «Он просвещал словом и примером жизни своей блуждающих во тьме язычества народов финскаго племени, или, как называли их тогда новгородцы, корельских детей: курольцов, ровкульцов, вымольцев, тиврульцев и валдолейцев»[3].

Косвенно становится объясним и тот факт, почему Никольская церковь в Порьей губе была «весьма почитаема на всем Кольском полуострове»[4]. Видимо, не иначе как потому, что стояла на месте церкви того, древнего, Кокуева монастыря и являлась наследницей одной из тех многих Никольских церквей, что ставили в местах своих поселений монахи Николо-Корельского монастыря по всему Кольскому полуострову.

---

[1] ЛОИИ, ф. Николо-Корельский монастырь, № 935. Приходо-расходная книга. Цит. по: *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 33.

[2] Книга, глаголемая описание о российских святых. М., 1887. С. 159.

[3] *Макарий.* Христианство в пределах Архангельской епархии. С. 52.

[4] *Ушаков И.Ф.* Кольский Север в досоветское время. Историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2001. С. 211. (Далее: *Ушаков И.Ф.* Историко-краеведческий словарь).

Спасо-Преображенский мужской Соловецкий монастырь. Фото 1897 года

До прихода Феодорита в Колу в начале XVI века там, согласно норвежским источникам, уже стояла древняя Никольская часовня, которую он, перестроив, освятил в 1532 году как Никольскую церковь. Об этом же говорят и российские источники: «По некоторым сведениям, в Кольской волости в конце XV столетия устроена была, а вернее, начата постройкой, церковь в честь Николая Чудотворца»[1].

Таким образом, поговорка «от Холмогор до Колы тридцать три Николы» приобретает свое логическое обоснование, в противном случае смысл ее будет нам неясен, поскольку к XX веку особо большого количества «Никол» на Кольском Севере уже не было. В те же времена, конец XIV – начало XV века, берега Кольского полуострова действительно были усеяны «Никольскими» очагами православия. Они воспринимались как «дочерние» Никольские скиты монахов Николо-Корельской обители.

§ 4. Соловецкий монастырь – центр православной духовности Поморья

Соловецкие острова – древнейшее сакральное место на Крайнем Севере. Об этих островах будущие основатели Соловецкого монастыря узнали от опытных монахов, слушая удивительные рассказы, что бытовали в то время в Валаамском монастыре и иных северных обителях.

Соловки – древний языческий некрополь неведомых нам «народов моря». Расположенные на островах сотни мегалитических сооружений, по словам ученых, являются «святилищами, гигантскими алтарями, оставленными каким-то народом древности»[2].

[1] *Макарий.* Христианство в пределах Архангельской епархии. С. 36.

[2] *Виноградов Н.Н.* Новые лабиринты Соловецкого архипелага. Лабиринт Большого Заяцкого острова. Соловецкое Общество краеведения: Материалы. Вып. XII. Соловки, 1927. С. 12.

Значимость этих островов для Крайнего Севера всегда имела исключительный характер и некий особый, мистический смысл. Даже само Белое море порой называли Соловецким: «Сия река Двина впадает в великое море-океан, в Соловецкую пучину»[1].

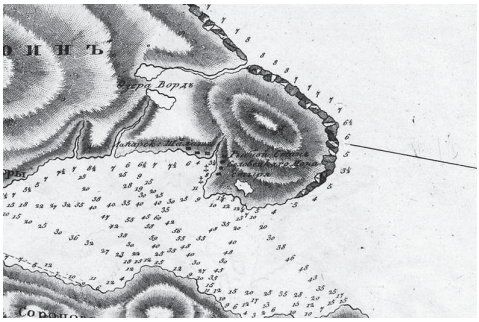
Монастырь на островах возник в 30-е годы XV века. Непосредственной датой отсчета жизни обители можно считать 1429 год – это время, когда старец Савватий, несмотря на предупреждения о физической и духовной опасности этого предприятия, дерзнул ступить на Соловецкие острова с целью пустынножительства. Надо обратить внимание, что к этому времени уже в полной мере состоялось просвещение много более удаленных земель Крайнего Севера – Терского берега. Эти же острова оставались «заповедными».

Таким образом, говоря о побудительных мотивах, руководивших отцами-основателями Соловецкой обители, не стоит называть задачи миссионерства или строительство общежительной обители, а подчеркнуть их подлинный, исконно монашеский характер. «Северная Фиваида»[2] в полной мере следовала идеалам Фиваиды Египетской, когда единственной целью, стоящей перед монахом при его удалении в пустыню, было вторжение на территорию врага для духовного сражения с князем тьмы и его легионами. Более подходящего для этого места, столь насыщенного языческой духовностью на замкнутом пространстве, чем выбранные ими Соловецкие острова, трудно и представить.

Жития соловецких подвижников весьма часто описывают последствия той духовной брани – «пустынные страхования», разнообразие видов и образов воздействия сил бесовских на подвижника. Наиболее яростно враг восстает на пустынножителя в начальный период его борьбы, являясь в виде разбойников, черных диаволов, воинов в доспехах, женщин в прекрасных одеяниях или в жутком образе иных слуг князя тьмы. Угрожая и пугая подвижника, они требуют покинуть эти, им «по праву» принадлежащие, земли. Попущением Божиим возможны и прямые физические воздействия: побои, мучения, порой даже до полусмерти. Но также непременным условием является и помощь от Господа, обычно в виде

[1] Устюжский летописный свод начала XVI века. «Пучина» – море. Дьяченко Георгий, протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 527. (Далее: *Дьяченко.* Словарь).

[2] Поэтическое название северных русских земель как уподобление древнеегипетской области – Фиваиде (Верхний Египет), известному месту поселения раннехристианских монахов-отшельников.



Надпись: «Рыбный стан Соловецкого монастыря». Изображение рейда на Кильдине-Восточном. Деталь «карты острова Кильдюина и заливов при устье реки Колы с Екатерининскою гаванью». СПб., 1742

благолепных старцев (часто почивших подвижников этих мест) либо светозарных юношей, которые исцеляли и ободряли страдальца.

Преподобные чудотворцы, отцы-основатели Савватий, Зосима и Герман Соловецкие, сумели выдержать эту борьбу как с духовным врагом, так и с «боярскими рабами», которые, высадившись на остров, гнали иноков прочь, говоря, что «остров сей по отечеству наследие наших бояр»[1]. Со сколь разнообразными промышленниками и добытчиками пришлось столкнуться монахам-первопроходцам, отстаивая свое право на пустынножительство, хорошо видно из новгородской грамоты 1459 года на владение Соловецкими островами, данной «игумену Ивоне и всем старцам с Соловцев с моря-акияна»: «Ни боярам новгородческим, ни корельским детям, ни иному никому ж в тии островы не вступатися, в страдомую землю *[пахотную землю. – **Е. М.**]*, ни в пожни, ни в тони, ни в ловища, ни черенов не наряжати *[«црены» – жаровни для выпарки соли. – **Е. М.**]*, ни лесов не полесовать *[не промышлять охотой по лесам. – **Е. М.**]* никому же… А кто приедет на ти островы на ловлю или на добыток, на сало или на кожу, ино всем тим давати в дом Святаго Спаса и Святаго Николы *[таковы были соловецкие храмы. – **Е. М.**]* изо всего десятина»[2].

Получив столь очевидные великие привилегии, эта обитель на Крайнем Севере не обманула ожиданий: «в XV и XVI веках Соловецкий монастырь на Белом море становится просветительным центром для аборигенов Севера. Еще при преподобном Зосиме много кочевников из Лапландии и Финляндии приходило сюда и принимало иночество или крещение»[3].

---

[1] *Ключевский. В.О.* Сочинения в восьми томах. Исследования, рецензии, речи (1866–1890). М., 1959. Т. VII. Цит. по: *Платонов С.Ф.* Прошлое Русского Севера. Берлин, 1924. С. 22.

[2] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 152–153.

[3] *Максим Грек.* Сочинения. Ч. III. Казань, 1859. С. 265.

Эти «далекие северные земли близ студеного окияна-моря, "идеже без молвы Богу угодити", постоянно влекли к себе наиболее отважных старцев»[1]. Поле для миссионерской деятельности было велико и благодатно. Здесь, на самом дальнем Севере, проживали люди «мало сведуще российского языка» и еще не сподобившиеся крещения: «ижера, чудь, лопь, вдале же каяне и мурмане и инни мнози языцы»[2]. Соловецкий монастырь распространял православную веру среди этих народов вплоть до самого варяжского города Варгав, вблизи которого и был затем основан преподобным Трифоном монастырь Святой Троицы, и в «пустыни яко град сотворися»[3]. Что же касается саамов, то, конечно же, «слава первоначального просвещения христианством лопарского народа неоспоримо принадлежит основателям обители Соловецкой, коих святая жизнь привлекала эти полудикие северные племена»[4].

Ученик преподобного Зосимы Соловецкого, игумен Досифей, пишет о своем учителе и об этих деяниях: «Когда слава о добродетелях преподобного Зосимы разнеслась повсюду, тогда многие из окрестных дикарей сами приходили к нему, принимали святое крещение и даже постригались в монашество»[5]. Согласно соловецкому летописцу, «лопляне», приехавшие «с моря Окияна из Кандалажской губы» просить священника освятить церковь «в усть Нивы реки», «уже порядочно были знакомы с христианством, чему были научены от соловецкой братии»[6]. В течение XV–XVI веков Соловецкий монастырь «построил на берегах Белого моря до 30 церквей»[7].

С падением новгородской самостоятельности, к 1479 году, Русский Север перестает быть новгородской вотчиной. После новгородских походов Ивана III Соловецкий монастырь отходит к Москве и вскоре становится реальным центром власти на Севере. Монастырь, получивший всевозможные льготы от новых государей Московских, простирает свое

---

[1] *Савич А.А.* Главнейшие моменты монастырской колонизации. С. 68.

[2] *Лилов А.И.* Библиотека Соловецкого монастыря // Православный собеседник. Казань, 1859, Ч. 2. С. 215.

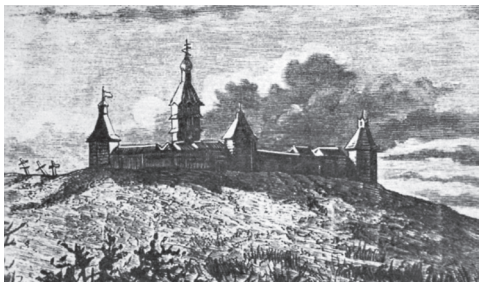
[3] Там же. С. 217.

[4] *Досифей, архимандрит.* Описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Т. 1. С. 41.

[5] Цит. по: *Макарий (Булгаков), митрополит.* История Русской Церкви. СПб., 1866. Кн. 6. Ч. 2. С. 180. (Далее: *Макарий (Булгаков).* История Русской Церкви).

[6] *Иннокентий (Смирнов), архимандрит.* Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII в. СПб., 1817. Т. II. С. 440.

[7] *Дергачев Н.* Подробное описание Лопской земли. 1869. № 55.



Сумский острог – деревянная крепость (Реконструкция. Очерки истории Карелии, I, 1957 г.) «А в остроге стоит шесть башен рубленых, да храм Николы чудотворца, да двор монастырский, да у башенных ворот изба с клетью и с сеньми, а живут в ней острожные сторожа. А ставил острог игумен своими одними крестьянами для осадного времени немецких людей приходу». Записки русского географического общества. СПб., 1853. Кн. 8. С. 168

могущество по всему беломорскому побережью и распространяет свое влияние на северо-запад до границ с Норвегией.

Так, например, весьма удаленный от монастыря на северо-запад остров Кильдин долгое время был вотчиной монастыря. Вся восточная низменная его часть представляла собой «рыбачий стан, принадлежащий Соловецкому монастырю, который был разорен лишь в 1809 году[1]. Но и до сих пор это место называют Монастырским, или Соловецким, мысом».[2] Учитывая полное отсутствие льда в этом районе в течение всего года, для лова рыбы это укрытое от ветров место просто идеально. Если в целом на мурманском берегу «тамошние рыболовы начинают свои промыслы с Николина дня *[9 мая по ст.ст. – **Е. М.**]*, то у Кильдина-острова ловят и зимою»[3].

Соловецкий монастырь-крепость имел здесь, на Русском Севере, непререкаемый авторитет и всячески поддерживался и оберегался российской властью: «а которые лазутники Корелского рубежа и погостов поиманы у тебя в лазучестве, и ты б про тех мужиков сыскал накрепко: будет они сами воровали, и лазучить ходят в Немцы, и на наши места Немец приводили, и ты б таких казнил смертью»[4].

Государи российские высоко ценили стойкость и духовную крепость соловецких монахов и всячески поддерживали этот северный бастион

---

[1] Речь идет об английской агрессии. «В 1809 году вдоль Лапландского берега крейсировал английский военный шлюп, который, замаскировавшись французским флагом, причинил много вреда, разоряя наши становища». «Тогда же англичане заняли Колу, арестовали городничего, чиновников и, нагрузившись добычей, на другой день ушли в море, забрав два гальяса *[галера величиною до брига. – **Е. М.**]*, один бриг и четыре лодьи». *Жилинский А.А.* Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. П., 1919. С. 150.

[2] *Дергачев Н.* Подробное описание Лопской земли. 1870. № 6. Надо заметить, на современных картах этих названий не сохранилось, а место это называется «Кильдин Могильный».

[3] *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.–Л., 1952. Т. 6. С. 476.

[4] 1581 июля 31. Царская грамота Киприану Оничкову, об обережении от шведов Соловецкого монастыря // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. С. 374.

православия в его масштабной церковно-государственной деятельности. В Государевой грамоте, данной в 1597 году «игумену Антонию с братией», прописано, что «никакие росходы имати с них не велено», и оговариваются заслуги монастыря: «Для того, что они поставили в Соловецком монастыре город каменный монастырскою казною, да в Сумской волости поставили они острог монастырем от приходу немецких людей. Да в Соловецком городе и в Сумском остроге стрельцов и пушкарей и затинщиков *[служилые люди, обслуживавшие крепостную артиллерию. – **Е. М.**]* держат, своих монастырских людей, и жалование хлебное и денежное дают тем ратным людям из монастырские казны, и город и острог поделывают *[поддерживают. – **Е. М.**]* монастырскою казною»[1].

Таким образом, монастырь на свои средства содержал целые гарнизоны на побережье, в острогах Карелии, и в первую очередь сам являлся неприступной твердыней на Белом море, неоднократно выдерживая нашествия иноземных кораблей и их десантов. По докладу «секретаря Норботтенского фохта», в 1581 году «в названном монастыре 532 монаха, а они еще имеют 2416 молодцов, которые ловят рыбу»[2].

Уникальный Соловецкий архипелаг посреди Белого моря, имевший тесные контакты с монастырями Афона, Греции, Сербии, конечно же, в первую очередь символизировал собой центр северной поморской духовности, сосредоточение особого менталитета поморов. И когда «во второй половине XVI века окончательно выделились поморские волости, то к концу этого века поморцы и их волости получили официальное государственное признание в виде особого административного округа Соловецкого монастыря»[3].

§ 5. «Соловецкое сидение» – трагедия «поморской» веры

Как известно, Соловецкий монастырь во второй половине XVII века явился реальным оплотом, духовным центром приверженцев «старой веры». К моменту случившегося тогда Соловецкого бунта в самой монастырской братии, равно как и на всем Беломорском поморье, бродили

[1] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 447.

[2] *Перссон Я.* Наши права на Лаппмаркен и Триннес, 1581 / Перевод со шведского и примечания Г.Ф. Гебеля // Изв. Архангельского О-ва по изучению Русского Севера. Архангельск, 1909. № 5. С. 20. (Далее: *Перссон Я.* Наши права на Лаппмаркен и Триннес).

[3] *Жуков А.Ю.* Этносоциальные истоки генезиса поморов. XV–XVI вв. // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 90.

апокалиптические настроения, установилось стойкое представление о некоем особом избранничестве и вселенском значении Соловецкой обители как последнего бастиона православия. «Столп каменный посреди моря и Новый Иерусалим»[1] – именно так воспринимали свое искреннее «стояние в вере» многие соловецкие иноки: «Мы засели в монастыре сем, чтобы умереть»[2]. Во многих документах того периода можно найти это эсхатологическое восприятие стояния в вере «новыми исповедниками» соловецкими: «Пощади, Государь, нашу обитель, аще не пощадишь, то время преставлению света сего быти»[3].

Надо сказать, соловецкие монахи, непримиримо относясь к церковным нововведениям и печатным богослужебным книгам, до последнего всячески стремились подчеркивать свою законопослушность царской власти, лояльность «Великому Государю и помазаннику Божьему»: «Милосердый Государь, не вели больше напрасно присылать к нам учителей, так как мы не изменим прежней православной вере и не нарушим предания апостольского и чина святых отец Зосимы и Савватия; повели, Государь, прислать на нас свой царский меч и переселить нас от сего мятежного жития на безмятежное и вечное»[4].

Надо понимать, что и жители соловецких поморских вотчин в полной мере разделяли эти настроения, и, конечно же, в дальнейшем «основной причиной силы и длительности восстания была тесная связь повстанцев с местным населением», при этом «главным стимулом помогать осажденным был высочайший духовный авторитет обители в Поморье»[5].

Несмотря на то, что уже с 1669 года шла осада монастыря стрельцами, лишь в декабре 1674 года в обители «положили не молиться за царя». В марте 1669 года мятежники уничтожили более 200 книг, признанных ими не соответствующими «старой вере». Древние рукописные книги подверглись корректуре и припискам. Надо отметить, что абсолютное большинство монахов-священников были либо противниками восстания, либо сторонниками умеренного течения, выступавшего за диалог и компромисс.

---

[1] См.: *Чумичева О.В.* Повесть о видении инока Ипатия и настроения в Соловецком монастыре накануне восстания 1667–1676 гг. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 285–292.

[2] История Соловецкого монастыря. С. 101.

[3] *Панченко О.В.* Соловецкие повести о «Видениях» 1668 года // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 467.

[4] *Макарий (Булгаков), митрополит.* История русского раскола, известного под именем старообрядства. СПб., 1855. С. 203.

[5] *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 92, 94.

Расправа воеводы Мещеринова с участниками Соловецкого восстания 1668–1676 годов. Русский рисованный лубок начала XIX века (фрагмент). Художник М.В. Григорьев

В конечном итоге из священнослужителей идею бунта продолжали поддерживать лишь иеромонах Леонтий да самый неукротимый лидер мятежа – архимандрит Никанор, утешавший единомышленников словами: «Мы и без священников проживем; священники нам не нужны»[1]. «К весне 1669 года на Соловках утверждается беспоповская практика, наиболее ранняя из зафиксированных в старообрядчестве… Это привело к решительному изменению церковной традиции»[2]. Так были заложены основы страшной ереси «беспоповства».

Темной снежной ночью января 1676 года царский воевода Иван Мещеринов сумел взять неприступную крепость Соловецкого монастыря. Бунт на Соловках был подавлен.

Жители соловецких вотчин, многочисленных поморских деревень, хотя и не бунтовали и «затвориться» им было негде, однако сочувствовали монахам, и в душе, практически все поголовно, остались на стороне «соловецких страдальцев». В наибольшей степени это касалось деревень Беломорской Корелии. Поморские деревни Терского берега в абсолютном большинстве в раскол не уклонились и остались в лоне Русской Православной Церкви.

Будет справедливым привести мнение исследователей XIX века о том, что «обитель Соловецкая оказала так много заслуг Церкви и Отечеству, что нет нужды, сталкиваясь с одной темной страницей в ее истории, стараться придавать ей чрезвычайное значение»[3].

---

[1] *Досифей (Немчинов), архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря… М.: Университетская типография, 1836. С. 107. (Далее: *Досифей (Немчинов)*. Описание Соловецкого монастыря).

[2] *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998. С. 102.

[3] *Казанский П.* Кто были виновники Соловецкого возмущения от 1666 до 1676 года? // ЧОИДР. М., 1867. Кн. 4. С. 10.

§ 6. Формирование церковно-административного устроения в Корелии

Обширные корельские земли, равно как и Кольский полуостров, первоначально входили в состав древнейшей Новгородской епархии, учрежденной еще в 992 году.

Самостоятельной епархией, выведенной из состава Новгородской архиепископии, Корелия была признана в конце XVI века. Церковно-административное устроение Корельской епископии утвердил Патриарх Иов, что произошло сразу по утверждении Патриаршества на Руси в 1589 году. Появление Корельской епископии во многом явилось ответной мерой на процесс активного упрочения позиций Лютеранской Церкви в соседней Финляндии. Там еще в 1554 году были учреждены два епископства – Выборгское и Абоское[1].

Создание этой самостоятельной северной епархии имело чрезвычайное значение. Власть архиерея становилась реальной, равно как и его возможности для посещения этих дальних окраин Севера России. Надо прямо сказать, в новгородский период великоновгородские владыки крайне редко посещали эти дальние земли своей епархии. Так, «в продолжение целого XV века всего один раз, в 1419 году, новгородский архиепископ посетил Карелию»[2]. Этот приезд, по всей видимости, был связан с упомянутым выше тяжелым разорением Николо-Корельского монастыря и сел Подвинья в том году.

Но и с созданием епархии в Корелии территория Кольского Севера по-прежнему оставалась вне должного внимания со стороны правящих архиереев, поскольку числилась за далекой Новгородской епархией.

Такое положение сохранялось до 1682 года, когда Патриарх Иоаким, с согласия царя Федора Алексеевича, учредил Холмогорскую (впоследствии Архангельскую) епархию. Во главе ее был поставлен архиепископ Афанасий (в миру Алексей Артемьевич Любимов) – иерарх, оставивший заметный след в русской истории. Владыка Афанасий много потрудился для укрепления Православия на Кольском Севере.

---

[1] Об этом см.: *Чистович И.А.* История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856. С. 63.

[2] История Карелии в документах и материалах (с древнейших времен до начала XX века). Петрозаводск, 2000. С. 29.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ГИПОТЕЗА О ДРЕВНИХ РУССКИХ МОНАСТЫРЯХ В РАЙОНЕ ВАРАНГЕР-ФЬОРДА

§ 1. Косвенные признаки монашеской жизни на Кольском северо-западе до XVI века

Несмотря на постоянную угрозу разорения от *«всезлобных и лукавых немец»*, место в устье реки Печенги уже с древних времен было облюбовано русскими монахами. Древнее норвежское название Печенгского залива – Монкенфьорд, что в переводе означает «Залив монахов», – косвенное тому подтверждение. О том же свидетельствует житие преподобного Трифона: *«та норваньские земли часть святым народом издавна присовокуплена к новгородскому владению»*.

За всю историю пребывания монахов в этих краях обитель оставалась нетронутой неприятелем лишь когда эти места окормлял преподобный Трифон, и полыхавшие вокруг бесчисленные войны, по молитвам преподобного, обходили Печенгу стороной.

Известно, что Печенгский монастырь пережил три разорения. «В прежних годах Печенской монастырь трижды свейские немцы разоряли, а в четвертые сгорел без остатку… », – писал игумен Димитрий в монастырской челобитной царю в 1636 году[1]. По одной версии, погорел «без остатку» монастырь при сильном пожаре в Коле в 1619 году[2]. Что касается иных разорений, в истории уцелели сведения о разорении 1611 года, когда «приходили под Кольской острог свитские немцы войною и лучших многих людей побили и в полон побрали»[3], и о самом жестоком уничтожении монастыря на Печенге в 1589 году. Третье

---

[1] См. также: Жалованная грамота Кольскому Печенгскому монастырю 1675 года июня 15 // Акты Исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1842. С. 545. (Далее: Жалованная грамота Кольскому Печенгскому монастырю 1675 года).

[2] « … И в 127 году *[1619. – **Е. М.**]* тот монастырь сгорел». (Там же. С. 546).

[3] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение 1. Грамота 1697 года. С. 407.

разорение (и первое по очередности) необходимо отнести ко временам более древним, чему есть косвенные документальные свидетельства истории.

Но есть и иная точка зрения, полагающая, что упомянутое «в четвертые» разорение было в 1589 году. Именно оно и есть самое страшное событие во всей истории монастыря, и именно тогда монастырь был **полностью** уничтожен, то есть «сгорел без остатку». Тогда предшествующие три разорения, не упомянутые в житии преподобного Трифона, относятся ко временам глубокой древности.

В дипломатической переписке XVI века российская сторона неоднократно подчеркивала этот факт давнего противоборства и настойчиво отстаивала более древнее начало монашеской жизни на Печенге, чем со времен прихода в эти края преподобного Трифона. Собственно, об этом ясно говорит и древнее житие Трифона: *«И прииде на приморие великого моря окияна, в часть норваньския земли, на реку Печеньгу, в народ лопарский. Ибо та норваньские* ***земли часть святым народом издавна присовокуплена к новгородскому владению****, а по пленении Великого Нова-града [в 1478 году. – **Е. М.**] присовокуплена под державу Великих царей Московских и Российских самодержцев»*. Упоминаемый *«святый народ»*, присовокупивший в глубокой древности эти земли к Новгородской Руси, несомненно, русские монахи.

В своей грамоте королю Фредерику II, датированной 1582 годом, царь Феодор Иоаннович указывает на значительную древность именно Печенгской обители: «Ты, приятель наш Фредерик, в своей грамоте писал, что монастырь Печенгской в той Лопской земле как почали делати – лет сорок. Про то твои люди, не ведая, тебе сказывали. Тот Печенгской монастырь блиско ста лет, как стал. И спору о том прежде сего никогда не бывало»[1]. То есть монастырь в этих краях существовал уже во второй половине XV века.

Как можно понять из текста, датчане отстаивали иной временной рубеж основания монастыря. По их мнению, он приходится как раз на 40-е – 50-е годы XVI века, то есть на момент появления нового, Свято-Троицкого монастыря в устье Печенги. При этом именно датские источники сохранили сведения о более давнем возникновении монастыря:

[1] Жалованые грамоты царя Феодора Иоанновича // Отечественные записки. СПб., 1829. Кн. CXV. С. 230.

Торг на Севере. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

«На это указывают старые датские хроники. У Акселя Магнуса мы находим указания на год постройки – 1475 и имя строителя – Тушан»[1].

В переписке Кольско-Печенгского монастыря также можно найти подтверждение приводимым в царской грамоте заверениям о более древнем возникновении обители в Печенгском заливе. Так, в XVII веке монастырские старцы свидетельствовали об имеющихся в монастыре «*лопарских письменных заветах*»: «Первые луки в Соньеле лопари отдали монастырю в 7001 году»[2], что означает 1493 год от Рождества Христова[3].

Есть еще информация из недавно переведенной на русский язык книги исследователя Роберто Боси (Roberto Bosi): «Знаменитая семья Строгановых[4] к 1500 году владела монастырем на Кольском полуострове. Это была сугубо лапландская внутренняя территория. Задача монахов состояла в том, чтобы обратить язычников в христианство»[5]. К сожалению, автор не приводит никаких ссылок на источник своей информации:

---

[1] *Гебель Г.Ф.* Наша Лапландия. С. 101.

[2] *Андреев А.П.* О подложности Жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 года // Русский исторический журнал. Пг., 1920. № 6. С. 153.

[3] Это же подтверждают и зарубежные источники. «Первый монастырь основан в конце XV столетия. Аксель Магнус назвал годом основания Печенгского монастыря 1475 год. Этот монастырь впоследствии был уничтожен». *Wallenius K.M.* Petsamo. Mittaamattomien mahdollisuuksiem maa. Helsinki, 1994. S. 28.

[4] Род Строгановых ведет свое происхождение от новгородца Спиридона, современника Дмитрия Донского (первое упоминание в 1395 году), внук которого владел землями в Двинской области.

[5] *Боси Р.* Лапландцы. С. 53.

«Но очень скоро, соблазненные богатыми месторождениями и обилием мехов в Сибири, Строгановы ушли из Лапландии и предоставили самим себе своих бородатых монахов. Правда, в монастыре были оставлены хорошо вооруженные воины, чья миссия состояла в защите монахов от дикарей. Однако вскоре монахи поняли, что они вполне способны жить и работать без этой охраны. Никому не нанося обид, они продолжили свою миссионерскую деятельность среди лапландцев, которые были столь же безобидны, как и они сами»[1]. Однако, как мы теперь уже знаем, вскоре монастырь был разорен.

В этом же ключе упомянем, и другие сведения, почерпнутые нами из сборника норвежской дипломатической переписки. Осенью 1420 года жители Севера Норвегии отправили извещение королю Норвегии «о той опасности, которая угрожает Вам и Вашему бедному народу в этой пограничной земле». Речь идет прибытии «на самый север Галогаланда двух больших английских кораблей, чтобы торговать, чего никогда не случалось ранее». При этом может показаться странным, насколько панически восприняли это событие жители Галогаланда: «Это причинит большой вред, потому что Ваша земля станет пустынной и Ваши доходы уменьшатся, ибо они откровенно заявили, что на следующее лето они вернутся, чтобы вновь вести торговлю на нашей земле»[2].

Во-первых, надо признать, что это сообщение устанавливает факт первого посещения Крайнего Севера Европы английскими мореплавателями в 1420 году. До открытия этого документа первым считалось путешествие 1553 года, когда флотилия Х. Уиллоуби и капитана Р. Ченслера, покинув устье Темзы, добралась до полярных широт и положила начало российско-британской торговле на Севере.

Во-вторых, жители Галогаланда чрезвычайно опасаются появления такого торгового места из-за угрозы активного участия российской стороны в торговле «на этой пограничной земле». И эти опасения не беспочвенны. Мы хорошо помним, как позже, в середине XVI века, «прорыв» голландских торговых кораблей в этих краях радикальным образом изменил ситуацию, что привело к небывалому расцвету Трифонова Печенгского монастыря и его полному доминированию в этом районе.

---

[1] Там же. С. 54

[2] *Lange C.A. og Unger Carl R., Chr.* Diplomatarium Norvegicum. Oldbreve, til kundskab om Norges indre … Christiania, 1849. № 670. S. 484. (Перевод С.Э. Фосхейма по просьбе автора).

Авторы письма определенно говорят именно о таких последствиях: «Это причинит большой вред, потому что Ваша земля станет пустынной и Ваши доходы уменьшатся».

В-третьих, эти опасения норвежцев, скорее всего, уже имеют конкретных адресатов в лице монахов, подвизающихся на этих «пограничных землях», «на самом севере Галогаланда», то есть у залива Варангерфьорд.

В письме об этом прямо не говорится, но они очень опасаются некой конкретной угрозы, и потому добавляют: «мы отправили к Вам двух добропорядочных мужчин, а именно Мартина Хоконссена (Martein Håkonsson) и Бьерна Андерссона (Bjørn Andresson), чтобы рассказать Вашей милости о состоянии дел и ситуации, сложившейся на нашей земле, больше, чем мы можем написать в письме»[1].

Надо признать, король Эрик видимо всерьез озаботился этой проблемой, и в дальнейшем никаких известий об английском торговом присутствии на Крайнем Севере в ближайшие сто тридцать лет не поступало. А память о давних разорениях монастырей «близь Варгава» сохранилась.

§ 2. Факты из «Книги Большому Чертежу» и старинных грамот

В древней «Книге Большому Чертежу» читаем: «…а у морской проливы на усть реки Печенги два монастыря Печенгские»[2]. «Большой Чертеж» – не дошедшая до нас первая карта Великого Княжества Московского, появившаяся в XV веке, «которая начата, мнится, при Иоанне Великом *[Иван III. – **Е. М.**]*, а при внуке его царе Иоанне IV *[Иоанн Грозный. – **Е. М.**]* и после при царе Алексие дополнивана»[3]. Сведения этой карты, отразившей в себе различные временные пласты, могут быть интерпретированы весьма различно. Это касается и упоминания о «двух монастырях Печенгских».

Есть два варианта толкования этой информации. Во-первых, это могли быть два места размещения Печенгского монастыря середины XVI века: «На усть реки Маны монастырь Печенгской первоначальный, а в нем церковь Троицы Живоначальныя» и «Монастырь Печенгской на

[1] Diplomatarium Norvegicum. S. 484.

[2] *Спасский Г.* Книга, глаголемая Большой Чертеж. М., 1846. С. 160.

[3] *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 215.

устье реки Печенга, а в нем церковь Успения Пречистые Богородицы, да другая церковь Зосима и Савватия Соловетцких чудотворцов»[1].

Второй вариант – это монастыри более ранние, конца XV – начала XVI века. Опять же: «на усть реки Маны монастырь Печенгской первоначальный» и загадочный «монастырь св. Николая на Печенге против Варгава»,[2] о котором писали историки и который неоднократно упоминался в дипломатической переписке того времени.

Учитывая, что при составлении карты «Большого Чертежа» уже существовал нанесенный на ней «от усть реки Порьей у моря монастырь Кукуев»[3], основанный в XV веке, нельзя исключить, что и оба «монастыря Печенгские» также могли быть ныне неизвестными нам древними предшественниками печенгских обителей XVI века. Это могут быть времена преподобного Евфимия Карельского и его учеников, а с учетом последних данных археологии на Терском берегу можно предполагать и еще более раннее время основания здесь монашеских обителей, чего мы коснемся ниже, в главе «Порья-губа».

Если же говорить о фактах, то самым первым в этом дальнем приграничье монастырем, сведения о котором реально уцелели в исторических документах, был упоминаемый Н.М. Карамзиным «уединенный монастырь св. Николая на Печенге против Варгава»[4]. Известный историк, надо понимать, основывал свое сообщение на тексте договора о перемирии между Россией и Швецией, заключенном «в день св. пророка, 2 июля 7045 года», то есть в 1537 году[5].

«Жаловался нам игумен (Abbotheller Prior) монастыря св. Николая, у Печенги, близь Варгевэ, что подданные твои похвалялись, что убьют его и разрушат тот монастырь наш»[6], – так писал царь Иоанн Грозный шведскому королю Густаву I Вазе в 1537 году, описывая события, происходившие в предшествующие годы на Норманнской земле. Однако там же сообщается и о совсем ином событии: «Твои подданные **разрушили** наш

---

[1] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение 2. С. 432.

[2] *Карамзин Н.М.* История. Т. 8. С. 675.

[3] *Спасский Г.* Книга, глаголемая Большой Чертеж. М., 1846. С. 165.

[4] *Карамзин Н.М.* История. Т. 8. С. 675.

[5] Текст договора хранится в Российском государственном архиве древних актов в фонде Министерства иностранных дел.

[6] *Чумиков А.А.* О перемирии, состоявшемся между Швецией и Россией в 1537 г. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. М., 1895. Т. 4. С. 6. (Далее: *Чумиков А.А.* О перемирии).

монастырь близь Варгава». Другими словами, в тексте договора говорится о том, что один русский монастырь «близ Варгава» уже разрушили и «замышляли ограбить и уничтожить» другой, тот, который «у Печенги, близь острога Варгав».

Что за русский монастырь «близ Варгава» был уничтожен шведами?

Возможно, разгадка кроется в небольшой оговорке, сделанной голландским дипломатом Симоном ван Салингеном в его «донесении о Лапландии». Голландец, описывая события в районе церкви Бориса и Глеба на реке Паз, поясняет: там, где «в 1573 году русские бояре и послы положили границей Паз-реку, или где первый **Monckenfort**» («Paesz oder der ersten Monckenfort»)[1]. Значит, при устье Паз-реки существовал некий древний «первый Монкенфорт».

При этом важно обратить внимание на написание самого названия этого места – Monckenfort. На старонемецком «Moncken» значит «монашеский», а вот «fort» означает именно «форт» – укрепление. То есть речь идет о существовании первого монашеского укрепления (монастыря), а вовсе не «монашеского фьорда» при реке Паз, как переводили предыдущие исследователи[2]. Таким образом, можно сделать важное предположение, что место некоего самого древнего русского монастыря, «первого монашеского форта» на Крайнем Севере – это губа Паз, место, где ныне стоит церковь во имя святых благоверных князей Бориса и Глеба, что у поселка Борисоглебский. И не в этом ли таинственная первопричина столь непреодолимой тяги к этому святому месту всех поколений русских лопарей от самой древности до наших дней?[3]

«Русские люди и в древнее время селились и жили около Паз-реки»[4]. О том, что здесь в глубокой древности жили монахи, позже рассказывал историку А.М. Филиппову и настоятель возобновленного монастыря архимандрит Ионафан. Отец-настоятель утверждал, что многочисленные

---

[1] *Филиппов А.М.* Голландец Салинген в России в XVI веке // Литературный вестник. СПб., 1902. С. 120. (Далее: *Филиппов А.М.* Голландец Салинген в России).

[2] Слово «фьорд» по-немецки пишется «Fjord». См.: *Филиппов А.М.* Голландец Салинген в России С. 120.

[3] Нынешние «восточные саамы» («skoltes»), живущие в Норвегии и Финляндии, постоянно поднимают вопрос об организации их свободного прохода к Борисоглебской церкви, что на реке Паз. «Не может умереть лопарь, не помолившись у Бориса и Глеба», – говорят они на встречах с нашими священниками.

[4] *Мелетиев В., свящ.* Памяти архимандрита Ионафана // Архангельские епархиальные ведомости. 1915. № 6.

древние могилы у старинной церкви святых Бориса и Глеба и «способ их расположения показывает, что в них погребены были монахи»[1].

Можно утверждать, что это место с древних времен несет в себе некую особую сакральность, о чем свидетельствует сама этимология названия Паз. На саамском языке «Пассе-йок» – святая река. «У лопарей существовало поверье, что боги присутствуют там, где величава природа. На таких местах создавались капища и приносились жертвы. Где стоял истукан-сейд, вся местность кругом была священная и называлась Passe»[2].

Так что, скорее всего, именно здесь, на Паз-реке, и был разрушен монастырь в древности: «Твой коронный фохт в Норботнии силою взял подати с наших подданных, живущих в Мурманской земле, и твои подданные разрушили наш монастырь близ Варгава … »

Надо сказать, шведы упорно отрицали свою причастность к этому факту: « … мы никогда не слыхали названия Мурманская земля и где находится острог Варгав и монастырь тот»[3]. Возможно, они и не лукавили, ибо упомянутое в царском письме «разрушение монастыря близ Варгава» относится, скорее всего, ко временам деяний преподобного Евфимия Корельского, когда шведы к землям в районе Варангер-фьорда никакого отношения не имели. В те времена разорять наши погосты и монастыри приходили «мурмане войною в 500 человек, в бусах и шнеках»[4]. Это был 1419 год.

Что же касается документальных упоминаний о монастыре святого Николая, то в них мы всегда находим непременное уточнение: «близ Варгава». Варгавом, или Вардехузом («сторожевым домом»), в начале XIV века называлось укрепление, построенное датчанами (немцами) на хорошо известном мысе Кегоре, что на западной оконечности полуострова Рыбачий у Вайда-губы[5]. По этой причине этот мыс впоследствии стал называться Немецким. И губа Паз, и Печенгский монастырь действительно находились «близ Варгава». Позже, по мере усиления влияния Московского царства в Лапландии, датский «сторожевой дом» переместился западнее, на другую сторону залива Варангер-фьорд. Ныне

[1] *Филиппов А.М.* Голландец Салинген в России. С. 121.

[2] Этнографические замечания и наблюдения Кастрена. С. 247.

[3] *Чумиков А.А.* О перемирии. С. 4, 5.

[4] Первый Новгородский летописный свод за 1419 год // ПСРЛ. Т. 3. С. 108–109.

[5] Под именем «сторожевого дома» это место упоминается как основанное в XIV веке в рассказе Герберштейна о плавании Истомы с Двины в Данию. См.: *Огородников С.Ф.* Очерк истории г. Архангельска … СПб., 1890. С. 30 (прим. 39).

на этом месте находится норвежский городок Вардё и остатки средневековой крепости.

Оговорка «близ Варгава» вынужденная и связана с тем, что на Севере, на Белом море, с конца XIV века существовал еще один Никольский монастырь. Это описанная нами выше Николо-Корельская обитель, основанная преподобным Евфимием Корельским.

Что касается «монастыря св. Николая близ Варгава», то, возможно, его вновь пытались возродить приблизительно в конце XV века, но эта древняя обитель была окончательно разорена около 1537 года.

Надо заметить, что именно в это время здесь происходили события, связанные с завершением процесса утраты Норвегией самостоятельности. В этом 1537 году датский король Кристиан III подавил попытки католического архиепископа Норвегии Олафа Энгельбректссона отделиться от датской церкви, впавшей в лютеранскую ересь. Церковь в Норвегии оказалась подчиненной датскому королю, и начался насильственный переход из католичества в протестантизм. «На Норвегию было распространено датское церковное устройство – ординация *[рукоположение в священный сан. – **Е. М.**]*, богослужение отправлялось на датском языке («датская Литургия»)»[1].

«Реформация не встретила поддержки у широких слоев населения Норвегии. Закрытие монастырей, в которых бедняки и больные находили помощь и пропитание, нанесло им тяжелый удар. Реформация отменила культ святых, в которых народ привык видеть своих заступников и целителей; длительное неодобрение вызывало и уничтожение религиозных изображений в храмах»[2].

Таким образом, не исключено, что окончательное разорение Никольского монастыря имело те же мотивы, поскольку он находился на территории с датской юрисдикцией, а влияние Москвы в этих краях было крайне незначительным. Так что известное наставление Трифона о необходимости *«беречься люторской и калвинской ереси»*, вполне возможно, было продиктовано опытом его личного столкновения с такими церковными «революционерами» на берегах Мурмана «близ Варгава» в 1537 году.

Иных сведений о какой-либо деятельности этого монастыря не сохранилось, и, несомненно, он мог бы разделить безвестность судеб многих других уединенных монастырей Кольского Севера, исчезнувших

[1] *Чернышева О.В., Комаров Ю.В.* Церковь в Скандинавских странах. М., 1988. С. 121.

[2] *Гуревич А.Я, Кан А.С.* История Норвегии. М.: Наука, 1980. С. 310.

в потоке времени. Лишь великие подвижнические труды преподобного Трифона и небывалый размах хозяйственной деятельности на Печенге во второй половине XVI века позволили древнему Никольскому монастырю обрести свое место в славной летописи деяний по освоению Русского Севера под именем Свято-Троицкого Трифонова Печенгского монастыря.

§ 3. Загадки «Рукописания Магнуша». Вымышленное и подлинное

Король Магнус II Эрикссон. Рис. из манускрипта XIV века с Плоского острова (др.-сканд. Flateyjarbok)

Надо сказать, некие северные монастыри фигурируют в документах и еще более древних. Ряд средневековых новгородских летописей под 1352 годом публикуют интересный текст – «Завещание Магнуса», или «Рукописание Магнуша, короля Свейского» (Магнус II Эрикссон, король (1319–1363 гг.) Норвегии и Швеции)[1]. В научной среде этот документ означается не иначе как «вымышленное завещание». Тем не менее, в этом довольно древнем источнике упоминается Мурманская земля, и потому он не может быть обойден нашим непредвзятым вниманием.

Суть документа такова: «Се аз Магнуш король Свейский нареченный в святом крещении Григорием отходя сего свету пишу рукописание при своем животе, а приказываю своим детям и своей братии, и всей земле Свейской: не вступайте на Русь на крестном целовании занеже нам не пособляется… » В этом основная мысль завещания, и далее в «Рукописании» рассказано, как жестоко пострадал Магнус и его страна за вероломное нарушение крестного целования и нападение на Русь. «И с того времени пришла на нашу землю Шведскую погибель: потоп, мор, голод и война междоусобная. У меня самого Господь отнял разум, и сидел я в палате год, прикованным к стене цепью железною, и заключен был я в этой палате»[2].

[1] Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. 1. С.281–282.

[2] Рукописание Магнуша, короля Свейского // ПЛДР. XIV – сер. XV вв. М., 1981. С. 59.

«И принесе меня Господь Бог ветром в Полную-реку. И тамо сущие чернецы внесли меня в монастырь Святаго Спаса, и вземши черныя ризы постригоша меня во иноческий чин в схиму». Летописный лицевой свод XVI века. М.: «Актеон», 2008. Кн. 8. С. 127

История этого заточения «в палате» такова. В результате неудачных походов и утраты доверия знати Магнус был смещен со шведского королевского престола. В 1364 году на трон взошел герцог Альбрехт III Мекленбургский. Через несколько лет, около 1370 года, Магнус предпринял попытку силой вернуть себе корону, но в результате битвы при Гате потерпел поражение и был пленен королем Альбрехтом.

Так «сидел он в палате год, прикованным к стене цепью железною», пока в 1371 году не был освобожден своим сыном Сакуном (Хакон II Магнуссон, король Норвегии и будущий король Швеции): «Приехал сын мой Сакун из Мурманской земли, и взял меня из палаты, и повез меня в землю свою Мурманскую»[1].

Однако, согласно рукописанию, в этом походе его корабль попал в жестокий шторм, и «сам створих плавая на дне корабельнем к стреку *[обшивка, пояс корабля. – **Е. М.**]* мечем пригвоздився 3 дни и 3 нощи и принесе мя Бог под монастырь Святого Спаса в Полную реку и сняху мя с доски чернецы». То есть Магнус, выброшенный волнами на берег, был

[1] «На самом деле оно *[заключение]* длилось почти семь лет – с 1365 по 1371 гг.» *Хлинд Дж.* Религиозно-политические предпосылки «Рукописания короля свейского Магнуша» по шведским и русским источникам // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2001. С. 215.

Могильный камень на Валаамском братском кладбище

спасен монахами «монастыря святого Спаса». Увидев в произошедшем Божий промысл и чувствуя близкую кончину, Магнус постригся в монахи с именем Григорий. «А все это сотворил Господь для моего спасения»[1]. После пострига «сохранял меня Господь три дня и три ночи живым, а все это Божья кара за мою гордыню, за то, что пошел войною на Русь, нарушив крестное целованье». Такова суть истории, изложенной в этом документе.

Впоследствии, как известно, историю чудесного спасения Магнуса и принятие им монашества, изложенное в «Рукописании…», стали связывать с Валаамским монастырем, где со временем на старом братском кладбище даже появилась его могила, с надписью: «Схимонах Григорий, шведский король Магнус».

Одним из оснований для привязки этой истории к Валаамскому монастырю, надо полагать, послужило упоминание в завещании некоей «Полной реки».

§ 4. «Полная река» как географическое понятие древности

Действительно, имеется недавно открытый текст XVI века – «Сказание о Валаамском монастыре», излагающий историю возникновения древней северной обители. Текст начинается с общего географического описания, в котором говорится, что Ботнический залив (Каянская губа) связан с Балтийским морем (Свизским морем) через «полную великую реку». На первый взгляд, это утверждение довольно сложно для толкования.

Встречаются попытки толковать упомянутую «реку» как горло Ботнического залива. Но необходимо принять во внимание указанные размеры этой «реки» – «поперек 60 верст»: «Ея же 60 верст поперек глаголют быти; она же течет от Каенския губы моря в Свизское море»[2]. Как известно, горло Ботнического залива как минимум втрое больше. В то же

[1] Рукописание Магнуша, короля Свейского // ПЛДР. XIV – сер. XV вв. М., 1981. С. 60.

[2] Сказание о Валаамском монастыре / Подготовка текста, перевод и комментарии Н.А. Охотиной-Линд. Электронные публикации Пушкинского Дома, http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10583.

«И повезе меня сын мой в свою землю Мурманскую, и паки восстала буря сильная ... ». Летописный лицевой свод XVI века. М.: «Актеон», 2008. Кн. 8. С. 124

время, ширина Финского залива в его наиболее протяженной части – около 70 километров, что вполне соответствует указанным цифрам[1]. Конечно, нынешний Финский залив лишь с натяжкой может восприниматься как «связующее» водное пространство между Балтийским морем и Ботническим заливом, но иных вариантов нет.

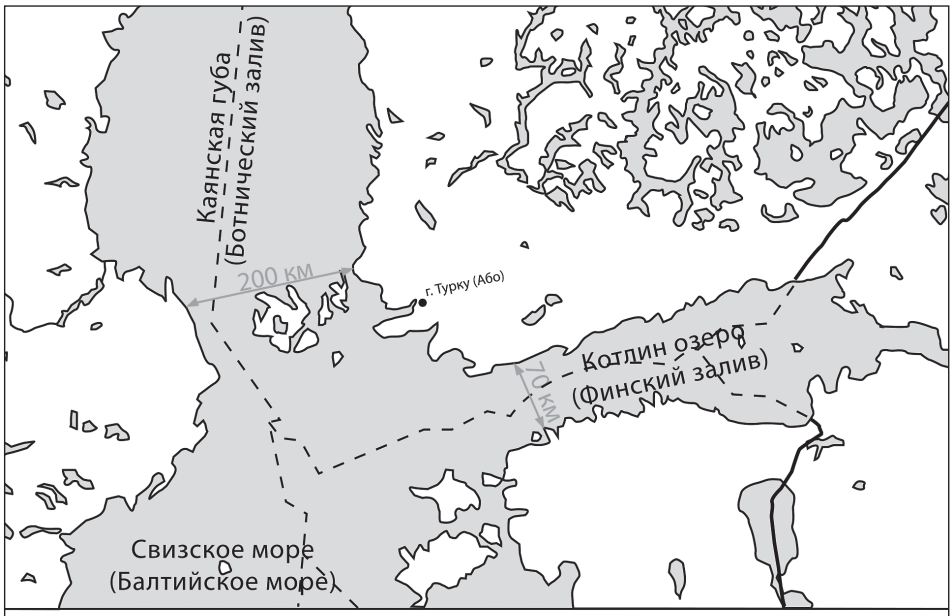
При этом следует учитывать, что еще в глубокой древности термин «река» имел отличное от современного значение. Это касалось в первую очередь именно северного направления, а именно легендарной Гипербореи и островов Блаженных – этой знаменитой страны счастья под названием «Елизий (лат. Elysium), или «елисейские поля, где царит вечная весна и где избранные герои проводят дни без печали и забот»[2]. Так вот, эта страна Елизия, согласно Гомеру, находится на берегу величайшей мировой **реки Океан**, омывающей землю и море[3].

Таким образом, и древнерусское слово «река», очевидно, могло применяться к некоему протяженному водному пространству, точнее, к «во-

[1] Верста – русская единица измерения расстояния, равная 1 066,781 м. Соответственно, 70 километров – это 64 версты.

[2] *Любкер Ф. Елизий* // Реальный словарь классических древностей / Под редакцией Й. Геффкена, Э. Цибарта. СПб., 1914.

[3] Об этом см.: *Thurston P.H.* Harper's Dictionary of Classical Literature and Antiquities. New York, Harper, 1897. Vol. 1. P. 588, 589.



«ПОЛНАЯ ВЕЛИКАЯ РЕКА» (ПО «СКАЗАНИЮ» XVI ВЕКА)

дному пути», что в современном понимании термина рекой не является. Так, например, Кольский залив на Крайнем Севере и весь последующий водный путь до Кандалакшского залива называли «великой рекой Колой»[1].

Река в мировосприятии человека того времени – это, прежде всего, дорога, путь, транспортная артерия. Зимой шли замерзшей рекой, если не пользовались проложенным по снегу более спрямленным «зимником», летом же иных «дорог» практически не существовало. Система сухопутных дорог, созданная в Римской империи, в этом смысле была уникальной. Столь же уникальным было и количество дорог-рек на Европейском Севере. И термин «река» в те времена в полной мере усваивался вообще понятию «водный путь».

Для того чтобы дать объяснение следующей загадке – термину «полная», характеризующему такую «реку», нужно вспомнить иные примеры использования этого прилагательного в иных географических районах.

Так, например, «Полная река» (Polna flu) отображена на карте России Антона Вида и Ивана Лятского 1542 года. Это первая карта, которая

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 332.

«Полная река» (Polna flu) на карте России Антония Вида 1542 года начинает свой путь от окрестностей Белого моря и впадает в Mare Sarmaciae, то есть нынешнее Балтийское море

содержит значительную информацию о России, почерпнутую «из российских источников» (хотя, надо признать, довольно путаную). На этой карте «Полная река» начинает свой путь от окрестностей Белого моря (хотя при этом рядом берег – «Norwegia») и впадает в Mare Sarmaciae, то есть нынешнее Балтийское море. При этом река явно служит рубежом, обозначающим шведско-русскую границу – вдоль ее русла на карте с западной стороны написано «Schwecia».

Реку эту невозможно идентифицировать с какой-либо конкретной рекой, поскольку в действительности граница этих территорий на Севере проходила по целой системе рек и озер. То есть вновь, как мы и указывали, по некоему протяженному водному пространству, или «водному пути», и в первую очередь по озеру Инари со множеством мелких и крупных островов. Тут мы, думается, подходим к разгадке слова «Полная».

Полнота есть, иначе, избыток, насыщенность чем-либо, обилие чего-либо. Мы упомянули, что этот исторический водный путь Крайнего Севера – «Полная река» – шел по водным артериям, изобилующими островами. Так же и «в Финском заливе островов очень много»[1]. Что же касается выхода из Финского залива у горла Ботнического залива, то здесь целый архипелаг бесчисленных островов. Можно предположить, что «Полная река» – это водное пространство, наполненное островами, в отличие от бесконечной ровной водной глади иных «не полных» акваторий морей и океанов. Для мореплавателя того времени это обстоятельство архиважно и имеет решающее значение. Любой остров – это возможность укрытия от непогоды, от губительного шторма. Это вопрос жизни и смерти.

Или иной вариант трактовки. Полной называется та река, которая имеет «полный» путь, не «конечный», не «частичный». Не от истока и до устья, как у «не полных» рек, а полноценный водный путь, идущий от моря и до моря.

[1] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1902. Т. 36.

§ 5. Ладога или Варангер? О географических привязках «Рукописания»

Оценивая степень правдивости «Рукописания», сразу заметим: «Рукописание Магнуша не знает вымышленных персонажей. В этом легендарном произведении фигурируют реальные исторические политические деятели»[1]. Несомненно и то, что данное жизнеописание Магнуса полностью (до последнего эпизода монашеского пострига после чудесного спасения) совпадает с его реальной биографией.

Опустим данное в начале документа исторически безупречное и изобилующее интересными подробностями описание военных действий между Швецией и Новгородской Русью в период XIII–XIV веков. Там отражена хроника побед русского воинства, начиная от Александра Ярославича, равно как и тяжелые поражения шведов в этот период, вплоть до бесславных походов самого Магнуса.

Сосредоточимся на истории жизни «Магнуша, короля Свейского». Согласно шведским источникам, в период с 1365 по 1371 годы король Магнус действительно находился в заключении в Стокгольмском замке и даже был закован в цепи. Равным образом он в действительности был освобожден благодаря вмешательству его сына Хакона – «был выкуплен из плена за двенадцать тысяч марок чистым серебром кёльнского веса»[2]. Затем Магнус был перевезен в Норвегию, и наконец он действительно расстался с жизнью в результате кораблекрушения. Данную информацию относительно гибели Магнуса подтверждает «Хроника Висбю» (шведская хронология из францисканского монастыря в Висбю). Из исландских анналов мы узнаем, что 1 декабря 1374 года Магнус утонул вместе с двадцатью пятью своими людьми.

В то же время, «Хроника Висбю» содержит важное уточнение: король Магнус «прыгнул за борт, но слуги вытащили его, вынесли на берег, где он и закончил свою жизнь». То есть, как это бывает при кораблекрушениях, когда корабль волнами начинает бить о береговые возвышенности, команда бросается в воду, дабы добраться до берега вплавь. Однако если кому и удается выбраться на сушу в полосе штормового прибоя, то сильно покалеченным. Скажем прямо, приведенная формулировка по-

[1] *Каган М.Д.* Рукописание Магнуша, короля Свейского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 314.

[2] *Олаус Петри.* Шведская хроника / Перевод А.Д. Щеглова. М., 2012. С. 105.

Хорошо известно, что святая Бригитта входила в круг приближенных короля Магнуса Эрикссона и, как полагают, именно она в 1348 году убедила короля отправиться в Крестовый поход против Руси. Картина середины XIX века шведского художника К.П. Мазера

зволяет двояко толковать смысл текста: либо король, вынесенный кем-то на берег, тут же на берегу скончался («закончил свою жизнь»), либо это произошло спустя какое-то время, и на этом берегу «он и закончил свою жизнь». Надо сказать, полной ясности в этом вопросе нет и в официальной шведской историографии. При этом отношение к королю явно настороженное. Известный историк подводит итог: «Так окончил он свой век: нелепо жил он, нелепо и помер»[1]. В то же время, тема покаяния ясно звучит не только в «Рукописании», но и в шведских источниках: «Воистину то было возмездие Божие. Из этого следует: нужно держать клятву»[2].

Мог ли Магнус перед смертью принять монашество? В образе его правления, следует признать, присутствовала значительная религиозная компонента. Так, например, он в полной мере прислушивался к мнению святой Бригитты, призывавшей его сперва всегда пытаться обращать язычников или схизматиков мирным путем и только в самом крайнем случае объявлять Крестовый поход. Этим, например, объясняется тот факт, что Магнус любезно пригласил новгородцев к религиозным прениям, при этом, что отмечают летописи, благородно предупредив: «Обиды ми нету с вами ни которой; пойдите в мою веру; а не пойдете, иду на вас ратью»[3].

Более дискуссионным предстает вопрос о самом месте последнего приюта короля, о том, где находился монастырь «святого Спаса в Полной реке». Нам неизвестно, каким образом сын Магнуша сумел вызволить отца, но для того, чтобы увезти его в свою «Мурманскую землю», то есть в Норвегию, он должен был воспользоваться исторически сло-

[1] Там же. С. 106.
[2] Там же. С. 106.
[3] «В лето 6855 … » Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. М., Т. 4. Ч. 1. 2000. С. 277.

жившимися к тому времени водными путями сообщения. Если мы допускаем теоретическую возможность встречи Магнуша с русскими монахами перед своей кончиной, то проанализируем варианты такого пути.

Оценивая бытующую гипотезу о возможности участия иноков Валаамского монастыря в судьбе Магнуша (Магнуса), можно сказать следующее. Для того, чтобы попасть в Мурманскую землю, куда, согласно тексту «Рукописания», вез своего отца Сакун (Хакон Магнуссон) – в Ладожское озеро заходить бессмысленно. Тем более, как справедливо замечали исследователи, «надо обратить внимание на самое главное: в "Рукописании" нигде не говорится ни про Валаам, ни вообще про Ладогу»[1], говорится лишь о Полной реке, которой сын Магнуса Хакон повез отца в Норвегию. Учитывая враждебную ситуацию в Швеции, которую «король Альбрехт наводнил своими земляками – немцами», этот путь по воде должен был пролегать желательно в стороне от шведских территорий. Если «Полная река» есть древнее название вообще морского пути и если они пренебрегли шведской угрозой, то плавание совершалось вокруг шведского побережья к ближайшему норвежскому побережью – Хордаланн, где они и потерпели крушение. Официальное место кончины Магнуса указывается именно там – прибрежное местечко, архипелаг островов Бёмлу (норв. Bømlo).

При этом норвежские источники упоминают здесь некий монастырь на острове, что в заливе Bømlafjord, и известно, что существовал он с 1230 года[2]. «Там была церковь Христа, но позже он был назван именем св. Олафа»[3]. Надо сказать, что, указывая дату кончины короля 1 декабря 1374 года, официальная шведская история настаивает на том, что тело его не было найдено, и потому могилы его нет. Похоже, что Католической Церкви было проще скрывать какой-то весьма неудобный для нее факт, поскольку, например, известный историк Олаф Далин пишет: «Никого из утопших при сем случае не нашли, кроме его одного (Магнуса), а посему простой народ почел его святым. Думают, будто тело его было поставлено в монастыре Варнгемском»[4]. Тем не менее, официально признанной могилы у Магнуса нет, что, согласитесь, странно: все же речь идет о короле Норвегии. И, кроме того, если дата кончины Магнуса –

[1] *Кривцов Н.* Последний приют короля Магнуса? // Вокруг Света. 1994. № 11 (2650), ноябрь.
[2] *Lange C.A.* De norske Klostres Historie i Middelalderen, Christiania, 1856. P. 174.
[3] *Кривцов Н.* Последний приют короля Магнуса? // Вокруг Света. 1994. № 11 (2650), ноябрь.
[4] Цит. по: там же.

1 декабря – подлинная, то в это время выходить в открытое море, тем более в Северное, вряд ли кто рискнул бы.

Поэтому рассмотрим в качестве гипотезы еще один возможный вариант последнего пути Магнуса по иной Полной реке в Мурманскую землю.

§ 6. О «Полной реке» на Кольском Севере

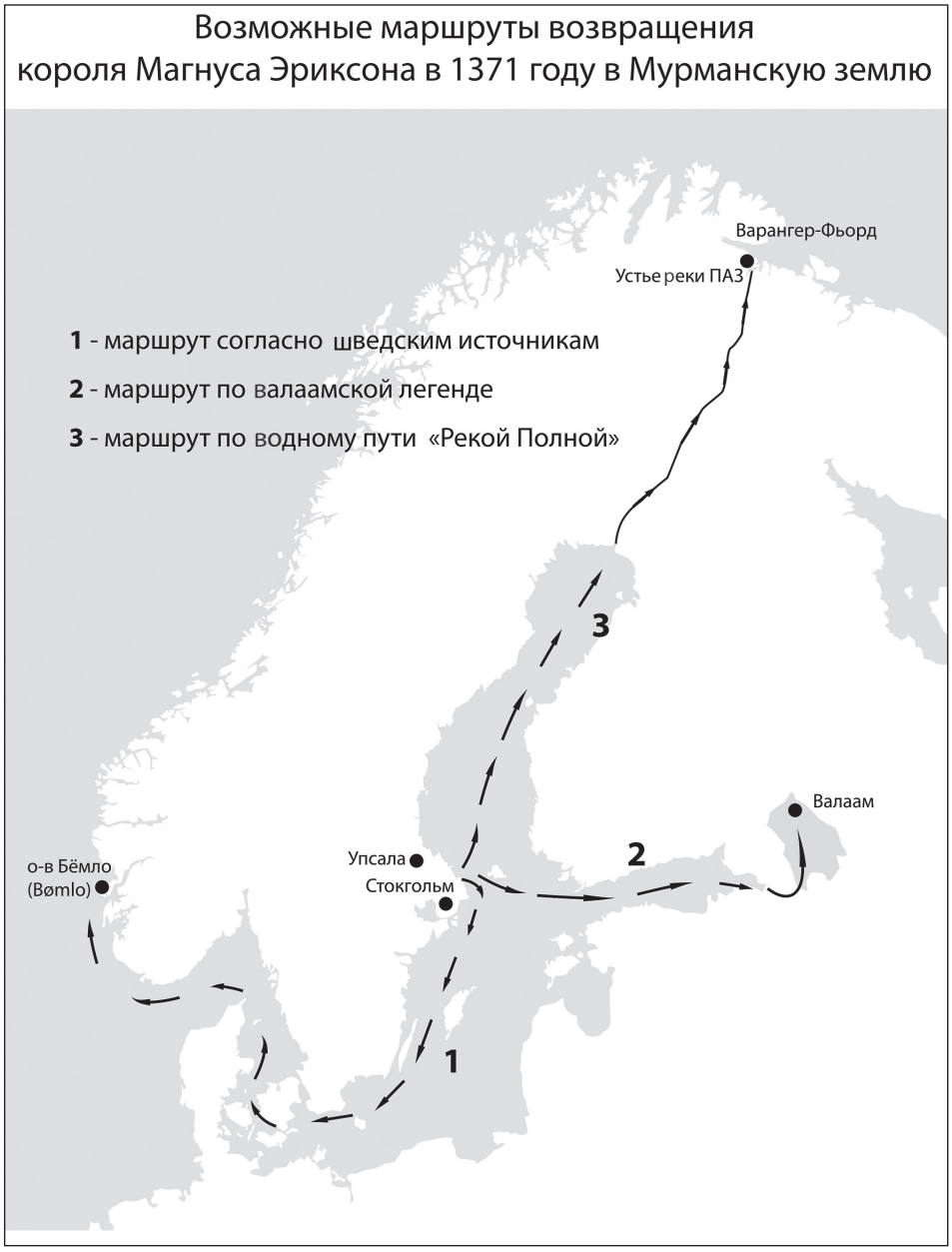
Из Стокгольма Магнус мог пойти в Норвегию хоть и более длительным, но более безопасным известным северным путем – той самой «Полной рекой», что обозначена на карте Антония Вида.

Этой Полной рекой новгородцы ходили воевать каянских немцев в 1496 году: «В лето 7004 князь великий Иван Васильевич посылал на Каяны *[области северо-восточных берегов Ботнического залива. – **Е. М.**]* воевод своих, князя Ивана Ляпуна, да брата его князя Петра Ушатых, да с ними устюжане, да двиняне. И ходивше извоевали Полну реку *[Паз-река и далее весь водный путь на юг. – **Е. М.**]*, да Торнову *[река Tornealven впадает в Ботнический залив, завершая водный путь с Севера. – **Е. М.**]*, да Снежну *[в более поздних грамотах – Лименга, Lumijoen (lumi – «снежная»). – **Е. М.**]*; добра поимали много, а полону бесчисленно, а ходили с Двины морем Акияном, да через Мурманский нос *[то есть обойдя вокруг Кольского полуострова дошли до залива Варангер и, спустившись Полной рекой, неожиданно появились в Каяни. – **Е. М.**]*»[1].

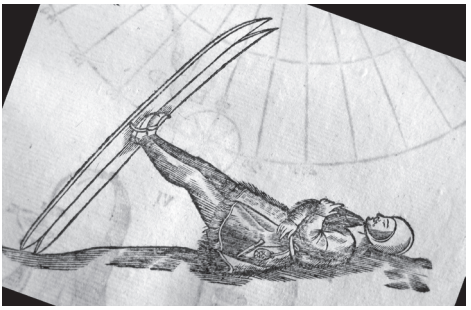
Реальность существования этой «Полной реки» на Крайнем Севере неоднократно подтверждается документально. Так, например, в 1559 году «Полная река» упоминается в письме поморов и лопарей с жалобой на противоправные действия норвежцев на месте рыбной ловли под названием «Полная река», что на Варенской губе у Северного Ледовитого океана, где «немцы датского короля» оккупировали половину реки. «Есть, государь, в твоей государевой отчине на Мурманском море, в Варенской губе, река, рыбная ловля, а имя ей Полная река. И ту, государь, Полную реку прежь сего ловили лопляне Варенские волости, а тебе, государь, те лопляне дань дают, и датцкому королю, и свейскому королю»[2]. Географическая привязка документа вопросов не вызывает: «Варенская волость» – это поселения лопарей по берегу Варенской губы, или Варангер-фьорда.

[1] Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360 до 7106 года. М., 1781. С. 172.

[2] Русские акты Копенгагенского архива. С. 53.



Так что можно с большой долей вероятности утверждать, что «Полная река» – это широко известная в истории российско-норвежских отношений река Паз, или Паз-река, а точнее, начинающийся с нее великий



Отдыхающий лопарь. Рис. из книги:
O. Magnus. Historia de gentibus … 1555

водный путь с севера на юг. Река эта одновременно и окончание известного водного пути из Балтики, от побережий Ботнического залива (Остерботнии) на Крайний Север к заливу Варангер-фьорд. Этот водный путь («полная река») весьма протяжен и впадает в знаменитое «островистое» озеро Инари, водные артерии из которого далее тянутся на юг, к Ботническому заливу.

Позднее термин «Полная река» фигурирует в том же районе под 1592 годом в сообщении Симона ван Салингена, вновь касающегося переговоров о разграничительной линии между Россией и Норвегией в 1573 году. Голландец ясно связывает эту реку с «первым русским монастырем» («ersten Monckenfort»). Дословно это звучит так: «oder der ersten Monckenfort und Polnoy-reka» – там, где «первый монашеский форт и река Полная»[1].

Об этой «Полной реке», в переводе названной «Великим проливом», сообщает английский путешественник Вильям Борро, который со своим старшим братом капитаном Стефаном Борро в период с 1553 по 1557 годы обследовал побережье Кольского полуострова, составив в результате весьма подробную карту этих мест. В надписи, нанесенной на карту в районе Пазрецкой губы, сообщается: «Есть Великий пролив, разделяющий Лаппию и Норвегию и уходящий далеко вглубь суши, как все о том сказывают»[2].

Так что если Магнус пошел в Мурманскую землю, в Норвегию, северным путем, то к «Полной реке», которая начинается в северной части Ботнического залива, он подошел, надо полагать, в середине ноября. Сам залив и этот водный путь в это время еще не замерзают и вполне пригод-

[1] *Филиппов А.М.* Голландец Салинген в России. С. 120.

[2] *Вальдман К.Н.* Кольский полуостров на картах XVI в. // Известия Всесоюзного Географического общества, 1962. Т. 94. № 2. С. 99. (Далее: *Вальдман К.Н.* Кольский полуостров на картах XVI в.).

ны для путешествия. По этой системе рек и озер Магнус добрался до Пазрецкой губы залива Варангер-фьорд. Заметим, что позже, в 1589 году, именно этим путем и именно в это время года совершит свой поход из Ботнического залива в Пазрецкую губу предводитель финского отряда Пекка Весайнен, дабы уничтожить Печенгский монастырь.

В таком случае Магнус, достигнув к концу ноября устья реки Паз, мог попытаться выйти в залив Варангер-фьорд, дабы добраться до ближайшей норвежской крепости Вардехуз (Vardøhus),[1] что на выходе из залива, но был застигнут сильным штормом: «И ударил на мене опять потоп, корабли мои и люди мои истопи ветер»[2]. Действительно, в это время года здесь преобладает сильный северо-восточный ветер, который должен был прибить судно Магнуса обратно в район устья реки Паз.

Как мы писали выше, существуют косвенные признаки наличия на Паз-реке древнего монастыря, или «первого Monckenfort» («Paesz oder der ersten Monckenfort»)[3].

Так что, может, именно сюда погибающего короля Норвегии «по Божию повелению, принес ветер под монастырь святаго Спаса в Полную реку». Не в этом ли древнем святом месте, где позже преподобный Трифон построит церковь святых князей Бориса и Глеба, напишет свое покаянное «Рукописание» король Магнус: «И сняли меня со доски чернецы, и внесоша меня в манастырь и постригоша меня в чернецы и в схиму; и сотвори меня Господь три дни и три нощи жива. А все это – Божья кара за мою гордыню, за то, что пошел войною на Русь, нарушив крестное целованье… А все это сотворил Господь для моего спасения»[4].

---

[1] Вардехуз (Vardøhus) – самая северная средневековая крепость в Норвегии и мире, основана в 1307 году королем Хаконом V Святым.

[2] ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. С. 282.

[3] *Филиппов А.М.* Голландец Салинген в России. С. 120.

[4] ПСРЛ. 2-е изд. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. С. 282.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
НАЧАЛО ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ САМОВ

§ 1. Крещение лопи на Скандинавском полуострове в XVI в. Западное миссионерство

Полноценный процесс христианизации саамов (лопарей) Церковью стран Северной Европы начинается лишь в конце XVI века. И происходит он, казалось бы, одновременно как со стороны Руси на Кольском Севере, так и со стороны Запада на Скандинавском полуострове. Однако здесь надо указать на принципиальную разницу в подходах и условиях этих миссий. Саамы, издревле жившие на территориях Швеции и Норвегии, в отличие от восточных лопарей, – достаточно многочисленный народ в несколько десятков тысяч человек. Однако «впервые постройка храмов в Лапландии началась под конец царствования короля Карла IX»[1], то есть около 1611 года. «Этот король ревностно заботился о том, чтобы во всех округах были выстроены церкви и чтобы в каждом округе находились пастыри, получающие содержание из королевской казны, которые бы с кротостью и тщанием старались о просвещении народа»[2].

По свидетельству самих скандинавских историков, реальное «просвещение норвежских лопарей христианством начинается сравнительно поздно. Если не касаться отдельных попыток, в большинстве случаев оказавшихся вполне неудачными, – дело просвещения христианством норвежских лопарей было начато лишь при Фридрихе IV *[это распространенная ошибка. Речь идет о короле Дании и Норвегии Фридрихе II. – **Е. М.**]*, посылавшем миссионеров в свои северные провинции»[3]. То есть этот процесс начался лишь с середины XVI века. «Между прочими похвальными его учреждениями в распространении христианской веры, которые он с нетерпеливым попечением продолжал, причислить можно и то,

---

[1] *Tornæus J.I.* Manuale Lapponicum. Stockholm, 1648. Цит. по: Шеффер И. Лапландия. С. 73.

[2] *Петри Олай (Olof Peterson)*. Sver cronika / Крит. изд. Клемминга, 1860. Цит. по: *Шеффер И.* Лапландия. С. 72.

[3] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 31.

что он посылал ученых людей для научения лапландцев вере; а потомки его – Христиан IV *[царствовал с 1588 г. – **Е. М.**]*.), и Фридрих V *[король Дании и Норвегии с 1746 г. – **Е. М.**]*, ныне царствующий, о том так же старались»[1].

Так писали сами лютеранские пасторы, но при этом наряду со столь похвальными комментариями вынуждены были признавать и малую успешность этой проповеди: «Посланные туда проповедники еще скорее бы наставили паству, если бы знали лапландский язык, так как без него с трудностью должно им изъяснять свое мнение»[2]. Трудно не согласиться. Видимо, потому и результат оставлял желать лучшего.

«Они не стремятся ревностно к исповеданию христианства, – замечал Яков Циглер, – но и не уклоняются от него с ненавистью, подобно иудеям, а просто принимают его в угоду королям, которые ими правят»[3].

То есть, как видим, реальные шаги по крещению аборигенов края были предприняты лишь после ликвидации Католической Церкви и с наступлением Реформации. Лапландцы Скандинавии, эти «закоренелые язычники», столетиями проживавшие на территории христианских государств Северной Европы, до XVIII века оставались абсолютно исключенными из процесса христианизации. Этих «отлученных слуг дьявола» почему-то вовсе не затронули те усилия по приведению финно-угорских народов в католическую веру, к которым так настойчиво вроде бы всегда призывал Папский престол, организуя кровавые Крестовые походы.

В этой странности кроется ответ на вопрос о главной движущей силе, о побудительных мотивах католического «миссионерства» в те времена. Все дело в том, что у правителей и священноначалия скандинавских стран того времени не было никакого практического интереса заниматься миссионерством среди народа, и так живущего на территории их государств. Миссионерство Крестового похода должно решать реальную политическую задачу и иметь конечной целью присоединение новых земель вместе с новокрещеными народами.

Скандинавские историки последующих столетий все же, несмотря на «отсутствие каких бы то ни было литературных памятников, относя-

---

[1] Новые и достоверные известия о лапландцах Кнуд-Лемса. С. 12.

[2] Там же. С. 13.

[3] Из сочинения Якоба Циглера «Скондия» (Schondia) 1532 г. Цит. по: *Шеффер И.* Лапландия. С. 69.

щихся к этому предмету»[1], пытались отыскать свидетельства христианской миссии среди саамов в более ранний период. Их аргументом в пользу того, что первые шаги в просвещении Лапландии предпринимались еще в XIII веке, служит следующее, явно малоубедительное, рассуждение: «Когда они [саамы] подчинились шведскому владычеству, то по собственной ли воле, желая угодить шведским королям, или по другим причинам они стали массами принимать христианство. Эти события происходили при короле Магнусе Ладулае, жившем около 1277 года. К этому моменту и надо относить начало христианства в Лапландии»[2].

Рассуждение это бесспорно лишь в одном: король Магнус I Ладулос (Ladulås – «Амбарный замок») действительно правил в это время. Что же касается утверждения, что подчинение саамов чьему-либо владычеству автоматически влечет за собой их «массовое крещение», – это исторический нонсенс. Так, например, лопари Кольского полуострова с давних времен находились в даннической зависимости от Новгорода (вспомним хрестоматийного «терского данника» 1210 года), но оставались упорными и закоренелыми язычниками. Лишь беззаветное миссионерское служение подвижников XVI века принесло реальный плод, и «русские лопари» стали действительно православными.

Конечно, будет некорректным утверждать, что государство Российское не было заинтересовано в присоединении новых земель на Севере. В то же время, православная миссия на этих землях имела принципиальные отличия от католической. Н.М. Карамзин в своей «Истории…» очень точно раскрывает христолюбивую последовательность действий православного подвижника при просвещении народа на примере преподобного Феодорита Кольского: «Не убоялся он пустынь снежных; проник во глубину мрачных, хладных лесов и возвестил Христа Спасителя; узнав язык жителей, истолковал им Евангелие, изобрел для них письмена, просветил Божественную верою без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и Америке, но единственно примером лучшего»[3]. Пример христианского смирения и любви давал благодатный плод. Результатом миссии Феодорита стало то, что язычники сами проявили инициативу, пожелав массово креститься и по-

[1] *Шеффер И.* Лапландия. С. 67.

[2] Из сочинения Якоба Циглера «Скондия» (Schondia) 1532 г. Цит. по: *Шеффер И.* Лапландия. С. 69.

[3] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1830. Т. I. Гл. 4. С. 123.

дав челобитья царю с просьбами о строительстве храмов. И именно таким образом прирастали северными территориями земли российские.

Эту особенность российского миссионерства отмечали и наши западные соседи: «Отшельники Русской Церкви отправляются в разные области – и на Север обращенные, и к Востоку расположенные, – с величайшей опасностью для жизни и без надежды на какое-либо удобство, а лишь затем только, чтобы тех, кто Бога не познал, привести ко Христу»[1].

§ 2. Преподобный Лазарь Муромский и его первый опыт крещения лопи и чуди

Самой первой православной обителью, где подвизались крещеные аборигены Крайнего Севера Руси, лопари и мурманская чудь, был Свято-Успенский Мурманский (Муромский) монастырь на Онежском озере. Исследователи XIX века полагали, что название монастыря – «Муромский – получил он от озера "Мурма", "Муромское"»[2]. В настоящее время возобладала иная версия изначального названия обители – «Мурманский, что означало "Северный". Позднее обитель переименовали в "Муромскую"»[3].

Основал эту удивительную обитель греческий монах Лазарь. В тексте его «Завещания» упомянуты события, происходившие в 1182 и 1191 годах, в то же время, имена и обстоятельства создания монастыря указывают на середину XIV века.

Уроженец Константинополя, знаток иконописи монах Лазарь десять лет подвизался в монастыре архиепископа Новгородского и Псковского святителя Василия (Калейки). В 1352 году, по кончине последнего, Лазарь задумал было возвратиться на родину, но получил настоятельное повеление во сне от своих почивших духовных наставников «идти в северную сторону к морю, к острову Муч, или Мурма, на озеро Онего».

Однако этот остров и его окрестности были облюбованы кочующими северными племенами. Здесь, «около Онеги, жили Лопь и Чудь, страшные сыроядцы. Много скорбей, биений, ран и досад претерпел

---

[1] Botvidi Johannes. Theses de qvaestione: utrum Muschovitae sint Christiani? (*Ботвиди Й.* Христиане ли Московиты?). Holmiae-Abo, 1620. S. 31. (Перевод Л. Мокробродовой).

[2] *Амвросий (Орнатский), иеромонах.* История Российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 121.

[3] *Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю.* Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999. С. 33, 50.

Почитание сил природы у аборигенов Севера. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

подвижник от этих звероподобных людей»[1], но заступничеством Божьей Матери преподобный Лазарь выстоял.

Исторически под этими «звероподобными людьми» следует понимать так называемую «лопьскую тысячу», понятие о которой историки выводят из «Пространной русской правды» Ярослава Мудрого. Речь идет о «большой территории к северу, западу и югу от Ладожского озера, населенной в начале – середине II тыс. н. э. племенами корелы, ижоры, лопью, а еще ранее, в конце I тыс. н. э., составлявшую историко-культурное единство… Название "лопьская" являлось уже не этническим, а географическим»[2].

Как позже рассказывал своим ученикам старец Лазарь, помимо того, что «многие скорби и биения и раны претерпел я от тех звероподобных мужей», еще они, «окаянному знанию бесовскому приобщенные, многие мечты и видения мне делали». То есть применяли знаменитые приемы «боевой магии» – известное лопарское искусство «страшащих видений». Требование язычников оставалось все тем же, что и во времена Христа, когда жители страны Гергесинской *«начали просить Его, чтобы отошел от пределов их» (Мк. 5, 17)* – «Калугере *[старец, монах. –* ***Е. М.****]*, отрекись от места сего… И хотели меня сыроядцы убити и тело мое в еду себе сотворить»[3].

Но Лазарь не отступил и был укреплен чудесным видением, когда явилась «Жена светолепная, сияющая золотом, и благообразные мужи поклонялись Ей» и благословила это место. Вскоре после этого к подвижнику пришел лопарский старейшина и просил исцелить слепорожден-

[1] *Филарет (Гумилевский), архиепископ.* Русские святые. Чернигов, 1864. С. 60.

[2] *Буров В.А.* О сотнях, тысячах и тьме Новгородской Земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород,1993. С. 93.

[3] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 18.

Церковь Воскрешения Лазаря из Муромского монастыря. Фото из архива Д.С. Лихачева. 1970-е годы

ного ребенка, добавив: «мы уйдем с острова, как приказывают нам твои слуги». Ребенок был исцелен, и «по мале времени Божиим промыслом лопяне и самоядь отыдоша от места сего в пределы окияна-моря»[1]. Интересно, что упомянутый старейшина вскоре «бысть мних и сынове его крестишася»[2].

И в дальнейшем, потрясенные иными удивительными чудесами, многие язычники приняли крещение на берегах Онежского озера. «Обитель аввы Лазаря на Муроме привлекала к себе с XIV века лопарей и мурманскую чудь, кочевавших по мурманскому берегу, так что многие из них крестились, а иные даже приняли иночество»[3].

Известным подвижником этой обители был игумен Афанасий (XV век). После своей блаженной кончины преподобный был погребен в особой часовне. Там же хранились вериги святого – свидетельство его подвигов. Почитание этого угодника в лике преподобных совершалось издревле наравне с преподобным Лазарем.

Созидая новый монастырь, преподобный Лазарь собственноручно срубил небольшую деревянную церковь в честь своего небесного покровителя Лазаря Четвородневного, епископа Китийского. Эта церковь Воскрешения Лазаря сохранилась до наших дней в составе музея-заповедника Кижи и считается самым древним (конец XIV века) деревянным храмовым зданием Русского Севера.

Основанный преподобным Лазарем Успенско-Онежский Муромский монастырь просуществовал до известных событий XX века. Возрождение обители началось с 1991 года.

§ 3. Лопари Русского Севера как самобытный этнос

Надо вновь подчеркнуть, что саамы (лопари) Кольского полуострова представляли собой совершенно самостоятельную и немногочисленную

---

[1] Подвижники и монастыри Крайнего Севера // Христианское чтение. СПб., 1885. Ч. 1. С. 495.

[2] *Филарет (Гумилевский), архиепископ.* Русские святые. Чернигов, 1864. С. 60.

[3] *Толстой М.В.* Рассказы из истории Русской Церкви. В пяти книгах. Изд. 6-е. М., 1899. С. 230–231.

Женщины-лопарки скандинавских саамов. Гравюра из книги: M. Consett. A Tour through Sweden, Swedich-Lapland, Finland and Denmark. London, 1789

этнографическую группу. В отличие от скандинавских саамов, они носят название кольских саамов, или русских лопарей, а также сколт-саамов, или «восточных саамов». «Различие в физическом типе, в языке, в образе жизни, в нравах и обычаях делает невозможным смешение этих обеих групп *[имеются в виду многочисленные саамы Скандинавии. – **Е. М.**]* в одну»[1].

Именно эту народность просветили в XVI веке православные миссионеры преподобные Трифон и Феодорит. К многочисленным саамам Норвегии, Финляндии и Швеции наши просветители отношения практически не имели, и в абсолютном большинстве этих аборигенов окормляли протестантские пастыри.

До XVI века исторические источники называют российских лопарей «дикой лопью», то есть некрещеной. Несмотря на то, что Кольский полуостров, на котором жило около тысячи человек лопи, по меньшей мере с начала XIII века входил в состав новгородских владений, «дикая лопь» пользовалась полной свободой в отправлении языческого культа. Новго-

[1] *Харузин Н.Н.* О нойдах у древних и современных лопарей. С. 36.

Русский лопарь в зимней одежде. Такой головной убор породил название «рогатые финны». Гравюра из книги: Rae Edward. The White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia. London, 1881

родские, а затем московские власти в течение столетий весьма терпимо относились к «поганским» верованиям народов Крайнего Севера.

С самых древнейших времен образ жизни лопарского населения являл собой абсолютно уникальное явление. Эта народность сумела выстроить свою жизнь в полном согласии с жизненными циклами дикой природы, в данном случае с оленьими стадами. Сезонные миграции северных оленей определяли места пребывания лопарских семейств (сийтов). В отличие от многих иных народностей Крайнего Севера, связанных с оленеводством и занимающихся выпасом оленьих стад, в те времена лопари просто жили вместе с оленями, следуя за своим стадом оленей по их традиционным, раз и навсегда заведенным сезонным маршрутам. Это был пример уникального симбиоза человека и оленя. Оленьи стада были не слишком большими и вольно выпасались рассеянной массой, неспешно продвигаясь по тундровым пространствам Севера.

В мистическом плане лопари считали оленя олицетворением предков. Именно олень переносил души умерших в страну Туони. Надо заметить, что и в христианском мировоззрении олень как символ стал нести чрезвычайно обширную смысловую нагрузку. В первую очередь, это благородное животное символизирует Христа Спасителя и ассоциируется с душой, стремящейся слышать Слово Божье: *«Как олень желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!» (Пс. 41, 2)*[1]. Надо полагать, наши лопарские просветители в XVI веке не упускали из вида эти важные духовные аргументы.

Где-то с XVII века лопарские сийты стали более организованно заниматься выпасом оленьих стад, но все равно принцип свободы движения стада сохранялся. Такой естественный подход позволял сохранять ягель-

[1] Уточненный перевод РБО настаивает, что именно «олень», а не «лань», как в Синодальном переводе.

Олени, страдающие от кровососущих насекомых тундры. Лишь ветер приносит им облегчение. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

ные кормовые территории. Лопари охраняли стада от волков. Эти хищники, непрерывно следующие за оленьими стадами, были предметом особой ненависти лопаря. О том, какие стада оленей паслись на землях Кольского Севера, можно судить по беседе с лопарем, записанной одним путешественником: «Беда была недавно – волки угнали целый косяк оленей. – А много было в косяке? – Нет, совсем немного, тысячи три»[1].

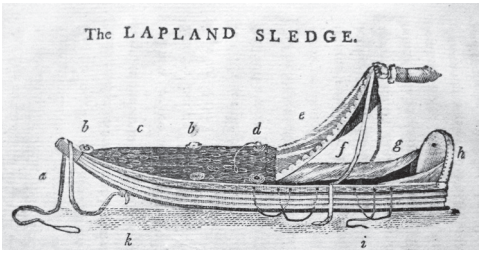
Надо сказать, эта коренная особенность жизни аборигенов в значительной мере сдерживала давно назревшее установление четких государственных границ в Северном Калотте (северная часть Фенноскандии, Заполярье). Для саамов «право передвижения было намного важнее права оставаться на одном месте»[2]. «Проведение границы в Северном Калотте могло создать барьеры их традиционным маршрутам передвижения. Без сомнения, ежегодная цикличность саамских миграций замедляла процесс установки постоянных границ»[3].

Такая схема лопарской жизни сохранялась почти без изменений до 80-х годов XIX века, когда на Кольский полуостров с востока начали ак-

[1] *Соловцов К.* Очерки Архангельской губернии. Архангельские губернские ведомости. 1861. № 49. С. 393. (Далее: *Соловцов К.* Очерки Архангельской губернии).

[2] *Lattimore O.* Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. London, 1962. P. 534.

[3] *Нильсен Й.П., Зайков К.С.* Норвежско-российское арктическое пограничье: от общих округов к Поморской зоне // Арктика и Север. 2012. № 5 (январь). С. 4.



Устройство лопарской керёжи. Гравюра из книги: M. Consett. A Tour through Sweden, Swedich-Lapland, Finland and Denmark. London, 1789

тивно переселяться оленеводы коми-ижемцы со своими оленями. Эта народность принесла с собой иные принципы взаимоотношений человека и оленя. Никаких природных миграций оленей не допускалось, многотысячные стада, пришедшие в тундру с ижемскими оленеводами, выпасались в соответствии с волей их владельцев, захватывая все новые ягельные места. На всё большей территории Кольского Севера утрачивалась кормовая база, поскольку ягель, или олений мох, растет очень медленно: 3-5 мм в год. Для восстановления тундры после такого выпаса оленей требуется несколько десятилетий. Изначальный лопарский принцип выпаса оленей в союзе с оленьим стадом, который «позволял избежать истощения пастбищ, за счет постоянных миграций»[1], уходил в прошлое.

Одновременно произошло вытеснение и вырождение реликтовых оленей Кольского Севера. Исконный лопарский олень имел благородный вид, был крупным и сильным животным красивой желто-коричневой масти. Завезенные ижемцами тысячи мелких тундровых оленей темной масти окончательно вытеснили этого красавца – настоящего лопарского оленя.

Лопарям с большим трудом удавалось конкурировать со столь экстенсивными методами оленеводства и часто приходилось перенимать эти нововведения. Но вскоре эта проблема отошла на второй план. Самые разрушительные перемены принесла проведенная в 1930-е годы насильственная коллективизация оленеводческих хозяйств Кольского Севера. Уникальный тысячелетний опыт лопарского оленеводства был уничтожен. Последние лопарские семейства, продолжившие традиционное сезонное кочевье по маршрутам сезонных миграций оленей, были репрессированы по статье 58-6 УК РСФСР – «шпионаж».

[1] Что едят северные олени? // Познавательная энциклопедия. Экология. 2000. С. 51.

Лопарский реликтовый олень Кольского Севера. Гравюра из книги: M. Consett. A Tour through Sweden, Swedich-Lapland, Finland and Denmark. London, 1789

§ 4. Лопарские погосты

Исторически территории Кольского Севера, занимаемые коренным населением – русскими лопарями, сколт-саамами, делились на два ареала их обитания – западный и восточный. Это положение было закреплено государственным порядком сбора дани с этих лопарей, заведенным как минимум со времен святого благоверного князя Александра Невского. Центрами сбора ежегодной дани были Кандалакша и Варзуга соответственно.

Древние грамоты и «Книга Большому Чертежу» сохранили названия лопарских погостов в соответствии с местами их исторического обитания:

– «кончанская лопь», то есть лопари «Мурманского конца» на западе;

– «лопари на Варанге», то есть на северном берегу Варангер-фьорда, «по Варенгу, которые за Свийским Королем» (ныне селение Вадсё);

– «лопари нявденские», на реке Навдеме (ныне с. Нейден);

– «лопари пазренские», пазрецкие, на реке Паз (где ныне Борисоглебская церковь);

– «лопари печенгские», на реке Печенге (у Трифонова ручья и пос. Корзуново);

– «лопари мотоцкие», в губе Титовке Мотовского залива;

– «лопари лицкие», их «река Лица Большая да река Лица Меньшая»;

– «лопари урские», на устье реки Уры;

– «лопари мотоцкие», на островах губы Титовки.

Также к западной части относились «лопари по рекам Коле и Туломе» и «лопари сонгельские и нотозерские» при озерах Сонгельском и Нот-озере. Безусловно, указанные места географических привязок весьма условны. Территории, занимаемые лопарскими родами, «сийтами», были чрезвычайно обширны. Так, например, Сонгельские и Нотозерские погосты занимали самые обширные территории, расположенные в наиболее благоприятной климатической зоне Кольского полуострова.

К восточной зоне расселения лопарских сийтов относилась так называемая «терская лопь» – саами, кочевавшие в глубине Кольского полуострова, по его юго-восточному Терскому берегу, а также по Поною, Йоканге и в районе Семиостровского архипелага:

– «лопари воронежские и семиостровские», на восток от реки Колы по рекам Вороньей и Лево;

– «лопари по реке Еконге», что у Святоносского залива;

– «лопари за Святым Носом», или «терские», от реки Йоканги до Поноя;

– «лопари по реке Поною», в основном в верховьях реки;

– «лопари по Кандалакской губе», в районе реки Нивы;

– «лопари по озеру Орье» – озеро Ориярви на запад от Княжегубского водохранилища.

Впоследствии, в ходе дальнейшего развития государственности на Кольском Севере, административное деление лопарского расселения установилось по двум волостям. Лопари терские имели центром административного правления село Поной, лопари мурманские – волостное правление в г. Коле.

Селение лопарей, территориальная община исторически называлась сийтом, а с принятием христианства – погостом, которые, в свою очередь, были зимними и летними, в зависимости от сезона.

Понойская волость включала в себя Сосновский, Каменский, Йоканьгский и Лумбовский погосты. Кольско-Лопарская волость – Кицкий,

Летнее становище лопарей. Гравюра из книги: Rae Edward. The White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia. London, 1881

Вороньеручьевский, Масельский, Разноволоцкий, Вороньеозерский, Экостровский, Рикотайбольский, Кильдинский, Бабенский, Мотовский, Пазрецкий, Печенгский, Ловозерский, Воронежский, Семиостровский, Нотозерский и Сонгельский.

Количество русских лопарей на погостах всегда было невелико. Составить представление об этом помогают Переписные книги. Так, например, в 1678 году «за Печенским же монастырем крещеных лопарей два погостишка: Печенской да Мотоской. Всего в Печенском да в Мотоском погостех девять веж, а людей в них лопян двацать два человека *[учитывается лишь взрослое мужское население. – **Е. М.**]* да их детей и братьи и племянников пятнатцать человек да дватцать три человека недорослей»[1].

В отношении терской лопи картина аналогична: «Погост Каменской стоит на верх Поноя реки над озером Каменским, а в том Каменском погосте живут лопари Святейшаго патриарха. Всех веж в Каменном погосте восмь веж, а людей в вежах восмь человек, а детей у них и братьи и сосед и подсоседников девять человек, да недорослей один человек». Или «Погостъ Еконской стоит над рекою Еконгой, а в немъ живут лопари ж Святейшаго патриарха. И всех веж в Еконском погосте десять веж, а людей в вежах семнатцать человек … »[2]

«Каждый лопарь три-четыре раза в год и более меняет свое место жительства»[3]. На зиму лопари с оленями возвращались на свой зимний погост. Это было наиболее обустроенное место с относительно удобны-

[1] РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 1, № 15056. 1678 г. Переписная книга Кольского острога, посада и уезда Л. Секирина. Л. 24 об.

[2] РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 1, № 15056. 1679 гг. Переписная книга Терской доли и патриарших вотчин Кольского уезда стрелецкого сотника Богдана Ощерина. Л. 86.

[3] *Ефименко П.С.* Юридические обычаи лопарей. С. 14.

ми жилищами – пыртами – род небольшой, низкой рубленной избы[1]. Во всех остальных своих стоянках-погостах, как летних, так и осенних, жилища – «куваксы», «вежи» – устраивались «на скорую руку» и представляли собой род шалаша из жердей, крытых старыми оленьими шкурами, а сверху обложенных дерном или торфом. В зимних пыртах лопарь живет до весны. Когда же в апреле месяце к Благовещенью дню он заплатит ежегодную дань, то может двинуться к озерам или к морю, где у воды с оленьим стадом переждет страшное нашествие кровососущих тварей тундры.

Как мы уже сказали выше, уникальная традиция жизни аборигенов Кольского Севера окончательно оборвалась в середине 1930-х годов. На территории расселения лопарей Кольского полуострова было выделено лишь два национальных района проживания – Саамский, с центром в селе Поной (просуществовавший до 1962 года), и Ловозерский. В настоящее время абсолютное большинство уцелевшего саамского населения живет в единственном районе компактного проживания – Ловозерском.

§ 5. Лопарские приходы

Трудно достоверно установить, какие лопарские приходы были «зарегистрированы» в Новгородской епархии в начале XVI века как результат миссионерской деятельности северных подвижников. Но косвенные свидетельства, что этих приходов было немало, можно найти в документах того времени. Так, например, в 1537 году Россия заявляла протест Швеции в связи с тем, что «коронный фохт Северной Ботнии вторгнулся в Мурманскую землю, к острогу Варгаву, и взял там насильно подать с двадцати приходов и запретил платить подати русским»[2]. Ясно, что речь здесь идет о лопарских приходах.

Таким образом, можно утверждать, что к этому времени в столь дальних пределах Кольского Севера, у «острога Варгав», в районе залива Варангер-фьорд уже существовало как минимум «двадцать приходов».

Каждому лопарскому приходу «для молитвы и для чести и поклонения святых икон»[3] предписывалось иметь свой небольшой храм или ча-

[1] У скандинавских лопарей зимнее жилище называется «тупа».

[2] *Чумиков А.А.* О перемирии. С. 6.

[3] РГАДА. Боярские и городовые книги. Ф. 137, оп. 2, д. 114, л. 5.

совню. Однако пастырское окормление этих погостов осуществлялось редко и нерегулярно, что вполне объяснимо труднодоступностью этих мест и кочевым образом жизни лопарей.

Лишь в середине XIX века все лопарские погосты в вопросах пастырского окормления были закреплены за семью основными церковными приходами Архангельской и Холмогорской епархии:

– Кандалакшский приход включал в себя Экостровский (Благовещенский приход) и Бабинский погосты (Иоанно-Предтеченский приход);

– приход Кольско-Воскресенского собора – Кильдинский (Трифона Печенгского) и Масельский погосты (Воскресенский приход);

– Умбский приход (Воскресенский) – Вялозерский погост;

– Понойский приход (Петропавловский) – Сосновский, Лумбовский, Йокангский, Лундугский, Каменный и Пурнач погосты;

– Ловозерский приход (Богоявленский) – Воронежский (Рождества Христова), Выселок средний, Семиостровский (собора Пресвятой Богородицы) и Ловозерский погосты (Богоявленский приход);

– Нотозерский приход (Петропавловский) – Нотозерский (Николая Чудотворца) и Сонгельский погосты (Георгия Победоносца);

– Печенгский приход (Сретенья Господня) – Печенгский, Пазрецкий, Нявдемский и Мотовский погосты (Борисоглебский приход);

– Кольский приход (Благовещенский) – Кицкий, Вороньеручьевский, Разноволоцкий (во имя Алексия, человека Божия), Вороньезерский, Рикотайбольский, Экостровский и Зашеечный погосты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ПЕРВЫЕ ХРИСТИАНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

В те неспокойные времена освоения Кольского Севера уцелеть удавалось лишь тем поселениям, которые укрывались в глубине материка, подымаясь вверх по рекам от опасного морского побережья. Надо заметить, такова была давняя традиция славян, позволявшая им сохраняться среди бесконечных нашествий и разорений.

Еще в конце VI века византийский император Маврикий (582–602 гг.) писал о славянах: «У них недоступные жилища при реках, болотах и озерах; в домах своих они устраивают многие выходы на всякий опасный случай, необходимые вещи скрывают под землей, не имея ничего лишнего снаружи»[1]. Наиболее известный способ уклониться от наступивших гонений и бед – уход на Север. «Как скоро начнутся нестроения или княжеские междоусобицы, сопровождавшиеся насилиями для народа, последний покидает свои жилища. На юге эти беспрестанные побеги усиливают казачество, а на севере "разбредаются розно". Не нужно прибавлять, что природа той страны сильно благоприятствовала таким переселениям»[2].

В XIV веке на Двине уже существовали новгородские колонии, и край был разделен на погосты. Надо сказать, деление на погосты ввела еще святая княгиня Ольга. В 947 году в новгородских и псковских землях Ольга назначила «уроки» (оброки), установив систему «погостов» как мест своза дани: «и оустави погосты и дань, и по лузе погосты и дань и оброкы. И ловища ея суть по всеи земли и знамения и места и погосты»[3].

---

[1] *Маврикий, император.* Тактика и стратегия. Первоисточник сочинений о военном искусстве императора Льва Философа и Н. Маккиавелли. / Перевод с латинского капитана М.А. Цыбышева, предисловие П.А. Гейсмана. СПб., 1903. Цит. по: *Соловьев С.Н.* Очерк нравов, обычаев и религии славян. С. 22.

[2] Там же. С. 23.

[3] ПСРЛ. Том II. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб.: Изд. М. А. Александрова, 1908. С. 36.

Первыми погостами на Кольском Севере стали Варзуга и Умба. Их появление на Терском берегу Кольского полуострова относится к глубокой древности. Еще не было и Соловецкого монастыря, возникшего в 1429–1436 годах, а Варзуга и Умба уже несли свет Христовой веры землям Кольского Севера.

Когда в XV веке северные владения Великого Новгорода переписывались в пользу великого князя Московского, то указано было следующее: «На зимнюю сторону от усть Двины, возле моря до усть Онеги, то все земли князя великого; да в Ноноксе места солеварные князя великого; да на Уне соль вся князя великого, да Корела Варзуиская и Умба»[1].

Исходя из текстов берестяных грамот, в это время уже существовало понятие «корела погостская»[2]. Этим термином обозначалось население той части Корелии (район Карельского перешейка), которая считалась крещеной и, живя погостами, входила в состав собственной территории Новгородского государства. Факт появления корельского погоста в Варзуге и Умбе воспринимается, скорее, как исключение для тех огромных территорий, заселенных корелами между Белым морем и Ботническим заливом, где деления на погосты еще не произошло.

§ 1. Терский берег как исторический феномен

Выше мы уже говорили об исторически сложившейся особой государственно-административной роли поселений Терского берега Кольского полуострова. Кроме того, этот берег имеет необычайно древнюю историю заселения. В устьях практически всех рек группируются неолитические стоянки: на Варзуге, Чаваньге, Стрельне, Чапоме, Пялице, Пулонге, Сосновке. Ярким свидетельством древних цивилизаций этих мест, так называемой культуры «морских охотников», являются петроглифы на скалах Канозера.

Терский берег имеет особый микроклимат: «суровые холодные зимы, с одной стороны, и теплое, иногда почти знойное лето с незначительны-

[1] Списки московских владений на Двине, составленные в Москве при подготовке ликвидации независимости Великого Новгорода (ок. 1462–1476) // Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года). Хрестоматия. Архангельск, 2004. С. 51.

[2] *Шаскольский И.П.* Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV–XV веков // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963.

ми осадками»[1]. В отличие от других районов Кольского полуострова, здесь растут полноценные боровые леса, сочетаясь с удивительными по красоте и величию редкими и подчас уникальными ландшафтами.

Реки Терского берега богаты рыбой, и особенно знаменитым атлантическим лососем – семгой. Варзуга и Умба еще в начале XX века изобильно поставляли речной жемчуг на рынок ювелирной продукции. В настоящее время европейские жемчужницы (Margaritifera margaritifera) крайне редки и находятся под угрозой исчезновения, но в этих реках до сих пор сохранились колонии этих моллюсков. Интересно заметить, что продолжительность жизни именно этого вида пресноводных беспозвоночных животных – до 250 лет[2].

Отличительная особенность почвенного грунта на Терском берегу – это знаменитый «терский» песчаник, окрашивающий все вокруг в красноватые тона. Этот кварцитопесчаник представляют собой мелко-тонкозернистую породу, «плитняк» красно-коричневого цвета, относящийся к высокодекоративным видам строительного и облицовочного камня.

Селения и погосты Терского берега – центры самой древней, первоначальной христианизации Кольского Севера, очаги евангельской проповеди и крещения местных народов. Только здесь в значительном количестве сохранились памятники древнего зодчества – православные церкви Поморья.

Новомученики Церкви Русской, вошедшие в Собор Кольских святых, также родом их этих краев – преподобномученики Моисей (Кожин) из Оленицы и послушник Федор (Абросимов) из Чаваньги.

Православные духовные традиции этих мест всегда были крепки и устойчивы к воздействию факторов извне. Терский берег практически не был подвержен влиянию старообрядчества и различных видов «расколов», в отличие от поморов противоположного, «Карельского», берега Белого моря. «По официальной статистике, в Кольском уезде числилось не более 2-3 раскольников»[3].

---

[1] *Регель К.В.* Терский берег: Краткое физико-географическое и естественноисторическое описание // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1917. № 3. С. 89.

[2] *Зюганов В.В.* Арктические долгоживущие и южные короткоживущие моллюски жемчужницы как модель для изучения основ долголетия // Успехи геронтологии. М., 2004. Т. 14. С. 24.

[3] Религия и церковь на Кольском Севере // Кольская энциклопедия. В 4-х т. Т. 4. http://ke.culture.gov-murman.ru/murmanskaya_oblast.

Терские поморы неукоснительно соблюдали традицию так называемых «годовиков»: каждый помор считал своим духовным долгом отдать монастырю один год бесплатного труда. Абсолютное большинство терских поморов проходило это послушание либо на Печенге, либо на Соловках. «В Соловецком монастыре ежегодно работает даром более 1000 “годовиков” – работников “по обещанию”»[1]. Этот факт годового труда в монастыре в дальнейшем становился предметом гордости и достоинства помора, наподобие обретения звания «хаджи» для совершившего хадж в исламе.

Ниже, в главе «Морское богоискательство», посвященной подвигам преподобного Варлаама Керетского, мы подробно коснемся особой стороны духовной жизни терских поморов в их взаимоотношениях с морской стихией. Удивительны строгие нравственные законы этих берегов: «помор никогда не посягнет на присвоение чужого. Это прекрасное, благородное чувство есть общее достояние здешних промышленников. Чужая вещь, где бы она ни находилась, помеченная каким-нибудь знаком (биркой, палкой, веслом и т. п.), есть святыня для здешнего поморца; он не только не возьмет ее, но и не прикоснется к ней»[2].

§ 2. Варзужане – первое оседлое христианство Кольского Севера

Есть предположение, что во времена владычества биармийцев центр торговой жизни на реке Варзуге располагался ближе к морю, в районе нынешней тони Колонихи. Мы уже писали, как выглядело устье и берега реки Варзуги в древности, когда это место было чрезвычайно удобной гаванью для захода торговых судов (чего никак нельзя представить в наше время). «В самые древние времена по берегам Скифского, или Северного, окияна и Белого моря, что называли тогда Биармиею, находились купеческие пристани в Кевроле, на Мезени, в Кольском и Пустозерском острогах и в Арзуге»[3]. Торговые пристани на реке упоминаются в начале XVII века: «Да на реке на Варзуге на судовой пристани на Яме *[место, находящееся значительно вверх по реке, далее начинаются пороги. – **Е. М.**]* анбарец»[4].

---

[1] *Протопопов С.Д.* Из поездки в Соловецкий монастырь, М., 1905. С. 23.

[2] *Терентиев Георгий, священник.* Путевые приключения. Крушение шхуны «Трифон» // Архангельские Губернские ведомости. 1862. № 11. С. 319.

[3] *Чулков М.* Историческое описание Российской коммерции. СПб., 1782. Т.1. Кн. II. С. 336.

[4] Переписные книги Двинского уезда. Книга 11. Подлинник со скрепой подьячих Б. Степанова и А. Подольского. 1621–1624 гг. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 1, л. 436 об.

Но в дальнейшем так сложилось, что активная торговая деятельность и дальние промыслы поселения угасли, и Варзуга стала известна как «крупнейшее село на Кольском полуострове. Главное занятие – лов семги»[1]. Пришедшие сюда в XIII веке корелы, сменив биармийцев, исторически интереса к дальнему морскому промыслу не имели. «Корелов, занимающихся морским промыслом, было очень незначительное число, потому что они боятся моря. По их собственному выражению, “корела

[1] *Штукенберг И.Ф.* Варзуга // Энциклопедический Лексикон. СПб., 1837. Т. 8.

море бьет”»[1]. Активное включение Терского берега в торосовый промысел наступило лишь к XVII веку, явившись следствием примера многочисленных пришлых ватаг «весновальщиков», приходящих сюда на звериный промысел в феврале-апреле.

Что же касается поиска самого первого христианского поселения на Кольском Севере, то «самым стародавним пунктом водворения христианства в Лопской земле, кажется, можно считать берега реки Варзуги»[2]. Мнение о глубокой древности Варзуги в дореволюционный период встречалось повсеместно: «Село это самое древнее из поселений новгородцев на Терском берегу Белого моря»[3].

Историческое прозвище жителей села – «фараоны». Как свидетельствует предание варзужан, название это есть знак признания особой древности села. Это село с давних времен было наиболее плотно заселено. Так, например, если согласно писцовым книгам Якима Романова и Никиты Пятунина, на всем Терском берегу в середине XVI века насчитывалось порядка 200 крестьянских дворов, то 124 из них были в Варзуге, тогда как в Умбе их было лишь 42.

До недавнего времени нельзя было понять, почему именно это поселение столь активно развивалось и в силу чего в столь отдаленном поморском селе, «Варзужском корельском погосте», стояли шесть церквей с семью престолами.

Все дело в том, что это поселение имело особый статус еще со времен Биармии, когда река Варзига была пограничной рекой владений биармийцев. Будучи союзниками Новгорода, биармийцы именно здесь собирали лопарскую дань пушниной со всего востока Кольского полуострова. «Арзуг, или Варзуг, – место в Корельской области на берегу Белого моря, где издревле была таможня для собирания пошлин»[4]. Селение это было центром Варзугской волости Двинского уезда, имевшего границы от реки Оленицы до реки Пялицы.

В середине XIII века биармийцы были изгнаны в результате полярного похода Александра Невского. По договоренности с ним народ биармов был принят норвежским королем Хаконом с условием: чтобы они

---

[1] *Ефименко П.С.* Юридические обычаи лопарей. С. 94.

[2] *Огородников Е.* Мурманский и Терский берег. С. 26.

[3] *Соловцов К.* Очерки Архангельской губернии. 1861. № 45. С. 237.

[4] Новый и полный географический словарь Российского государства, или Лексикон. М., 1788. Ч. 2. С. 45.

крестились. Условием переселения на Кольский Север «детей корельских» и их пребывания на побережье Белого моря, на Терском берегу, также стала христианизация. Поселение Варзуга как официальный пункт сбора великокняжеской дани с лопарских погостов Кольского полуострова одновременно получило статус и духовного центра корелов Терского берега. Здесь, на восточном берегу реки Варзуги, около 1325 года была построена первая в истории Кольского полуострова церковь – Никольский собор.

Надо отметить, насколько тактика и стратегия действий норвежских конунгов и российских великих князей совпадают в схожей ситуации при масштабном переселении народов (в данном случае биармийцев и корел) и при их последующей христианизации.

§ 3. Варзуга и северные монастыри

Упомянутая первая церковь Николая Чудотворца 1325 года постройки, как показывают археологические исследования, была сожжена «мурманами» при разорении села в 1419 году.

Похоже, разорение самого Николо-Корельского монастыря и уничтожение его варзужского подворья вместе с насельниками завершило период активного участия учеников Евфимия Корельского в духовной жизни Кольского полуострова.

С середины XV века в полной мере заявляет о себе Соловецкий монастырь, духовно доминируя на близком к нему Терском берегу и расширяя здесь свою промысловую деятельность.

Вскоре в 1471 году волость Варзуга (вместе с Умбой) перешли от Новгорода во владения великого князя Московского Ивана III. Соловецкий монастырь, хотя еще и оставался в «епархиальном управлении новгородских архипастырей, но стал пользоваться особым покровительством московских государей»[1].

Великим постом 1485 года монастырь на Соловках почти полностью сгорел, что, конечно же, ослабило его роль на Крайнем Севере. Однако соловецкие монахи вскоре получили значительную экономическую поддержку от богатств Терского берега, основав в Варзуге свое подворье[2]

[1] История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 27.

[2] *Ключевский В.О.* Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. М., 1959. Т. 7. С. 9.

Рабочий эскиз варзужской Никольской церкви с одним приделом для работ по восстановлению. Историческая реконструкция облика XVII века

и одновременно возобновив после разорения 1419 года на древнем месте Никольскую церковь. Храм освятили в 1491 году. О том пишет святитель Геннадий Новгородский: «У старца Соловецкого монастыря… церковь во имя святого Христова чудотворца Николы в Варзуге»[1]. Как утверждает соловецкий архимандрит Досифей, в Никольской церкви уже был придел Успения Божьей Матери[2].

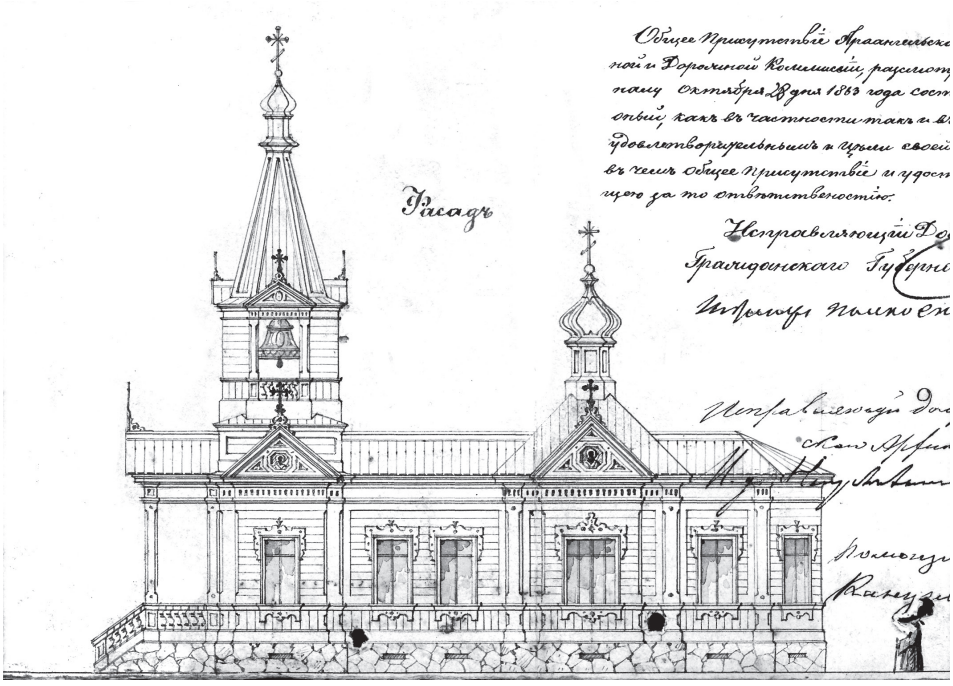
Следующим шагом к укреплению особых связей Варзуги с Соловками стала челобитная соловецкого игумена Исайи к новгородскому архиепископу Геннадию с просьбой о предоставлении новопостроенной церкви обширных льгот. 15 марта 1491 года святитель Геннадий даровал Соловкам Жалованную грамоту: «Кто у той церкви имет пети, игумен или поп, ино не надобно тому игумену или попу и всему причту церковному мой подъезд, ни иные мои никоторые пошлины, также и десятинником моим пошлин своих десятинных, ни подвод у них не имати. А тамо их десятинником моим не судити ни в каковом деле…»[3] Таким образом, причт варзужской церкви освобождался от пошлин и сборов, от подводной повинности и, наконец, от суда должностных лиц архиепископа – десятинников. Судебная защита варзужскому причту обеспечивалась непосредственно в Новгороде Великом, для разрешения судебных тяжб варзужским священникам повелевалось «стати предо мною, архиепископом».

---

[1] Северные грамоты XV века // Летопись занятий археографической комиссии за 1927–1928 годы. Л., 1929. С. 133.

[2] *Досифей (Немчинов)*. Описание Соловецкого монастыря. С. 418.

[3] Акты Соловецкого монастыря: 1479–1571 гг. Л., 1988. С. 20.



Проект Петропавловской церкви Варзуги 1863 года

Таким образом, мы видим, что, несмотря на жестокие разорения, статус Варзуги как государственного административного центра оставался неизменно высоким и во все последующие столетия. Здесь располагался центр сбора дани с лопарских погостов Кольского полуострова, здесь размещались «монастырские и патриаршие приказчики; здесь же была таможня (о чем свидетельствовали хранившиеся в архиве Соловецкого монастыря грамоты царя Бориса Годунова от 1599 года)»[1].

О высоком статусе Варзуги свидетельствуют и норвежские источники: «Далее за Умбой, на восток, встречается большой город, величиною с Упсалу, – Warsock (Варзуга), резиденция могущественного боярина из Kolmengard (Холмогор)»[2]. Норвежцы упоминают Варзугу и под другими названиями: Арзуга, Wartinck и Sobock. До советских времен «дожил» знаменитый волостной архив Варзуги. «В 1941 году архив был от-

[1] Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 249.

[2] *Перссон Я.* Наши права на Лаппмаркен и Триннес. С. 112.

правлен в Мурманск, но по пути в Кандалакшу "из-за военных событий" погиб»[1].

По описи 1563 года, на Никольской стороне села Варзуги кроме Никольской церкви уже существовала церковь во имя святых апостолов Петра и Павла. Упомянутый Успенский придел Никольской церкви вскоре стал отдельной церковью Успения Пресвятой Богородицы на противоположном, Пречистенском, берегу села[2]. Впоследствии, в 1705 году, вместо Успенского придела появится придел святого пророка Божия Илии.

Эти перемены подтверждает и «Сотная» 1574 года: «Волость Варзуга над рекою над Варзугою, а в волости церковь Никола чудотворец, да церковь теплая с трапезою Петра и Павла, стоят без пенья… Да за рекою за Варзугою от Умской стороны церковь с трапезою Успенье Пречистые стоит без пенья»[3]. То есть в то время в этих церквях священник не служил – он появился два года спустя, «лета 7086 [1578], июня в тридесятый день к сему снимку с сотные грамоты Никольской поп Иванищо Варзусские волости руку приложил»[4].

После Смутного времени подьячие Б. Степанов и А. Подольский, описывая церковные комплексы села, уточняют: «на Пречистенской стороне церковь Успение Пречистые Богородицы древяна в верх с трапезою, предел преподобных отец Зосимы и Саватея, Соловецких чюдотворцов, другая церковь Афонасия Великаго, Александрейского чюдотворца, древяна ж клецки. А в церквах образы, и свечи, и книги, и всякое церковное строение великого государя Святейшаго Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Русии Варзужские волости крестьян да Соловецкого монастыря. Третюю церковь Успения ж Пречистые Богородицы древяну ж воздвизают ново. В келье черной поп *[иеромонах. – **Е. М.**]* Иоаким»[5]. То есть изначально церковь Успения была с приделом Соловецких чудотворцев и находилась там, где ныне Афанасьевская церковь (до разорений XX века считавшаяся Зосимо-Савватьевской). Уже в 1621–1624 годах варзужане приступали к строительству отдельной Успенской церкви на ее нынешнем месте. Идет ли речь уже о ныне знаме-

[1] *Дмитриев Л.А., Копанев А.И.* Археографическая экспедиция в Мурманскую область летом 1960 года // ТОДРЛ. М.–Л., Т. 18. С. 413.

[2] Сборник грамот коллегии экономии. Пг., 1922. Т. 2. № 105. С. 3.

[3] Сотная из писцовых книг Василия Агалина. С. 30.

[4] Там же. С. 38.

[5] Переписные книги Двинского уезда. Книга 11. Подлинник со скрепой подьячих Б. Степанова и А. Подольского. 1621–1624 гг. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 1, л. 419–419 об.

нитом шедевре деревянного зодчества, освященном в 1674 году, или существовала еще одна предваряющая его церковь – сказать трудно.

Остановимся на упомянутом понятии «церковь с трапезою», поскольку в древних описях это словосочетание встречается повсеместно. Это означает значительный размер церковного здания, и именно центральной его части, которая раньше называлась «трапезою»[1]. В настоящее время эта часть здания имеет весьма неопределенное название: «средняя часть», «храм», «церковь». Иногда применяется греческое определение – «наос» (ναός), что в переводе, собственно, и означает «храм».

В средневековых приходских церквях Русского Севера западная половина центральной части здания, «трапеза», имела значительные размеры, поскольку выполняла дополнительные общественные функции. «Внешним проявлением нравственного единения членов общины служили общие приходские праздники, называвшиеся братчины, или кануны. К празднику варилось пиво или брага, и называлось это питие, соответственно, никольским, егорьевским и пр. Для этих событий при храме был большой медный котел (братина) на 15-20 ведер… »[2]. Однако в братину наливали только «домашнее черное солодовое пиво, а не брагу». «Угощение это происходило в церковной трапезе, почему она и строилась весьма обширной, со столами и лавками. Здесь же обсуждались церковно-приходские дела, а также разбирались ссоры и поступки противонравственного характера, писались приговоры, запродажные записи, духовные завещания»[3]. Впоследствии эти функции взяло на себя волостное управление, и размеры церковных «трапез» стали уменьшаться.

Варзужское устье, в те времена широкое и удобное для захода больших кораблей, слыло знаменитым и престижным торговым местом. Как свидетельствует в своем посольском отчете Джером Боуэс, чрезвычайно заинтересованный в установлении тесных политических контактов с Ан-

---

[1] В древности на Русском Севере многие приходы не могли позволить себе полноценной церкви с трапезой и имели статус «часовенных»: «Было свое часовенное имущество, часовенный староста. В известные дни посещался приход причтом ближайшей церкви. Народ причащался запасными Дарами». Древнерусский приход и его пережитки в церковно-общественной жизни Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 14, 15. С. 299.

[2] *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. Архангельск: Сев.-зап. книжное изд-во, 1983. С. 44.

[3] Древнерусский приход и его пережитки в церковно-общественной жизни Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1916. № 14, 15. С. 303.

Трапеза в монастыре для паломников. Рис. В. Навозова. Журнал «Север», 1889

глией царь Иоанн Грозный в 1582 году «в знак особенного снисхождения соглашался, чтобы одни англичане входили в пристань Корельскую, Варгузскую, Мезенскую, Печенгскую»[1].

Не забывали о варзужских богатствах и в смутное время начала XVII века. «В 1606 году самозванец Гришка Отрепьев (Лжедимитрий I) грамотою за собственноручным подписом отдал двадцатую долю рыбной ловли на реке Варзуге Сийскому монастырю»[2].

С окончанием Смуты «Великий Государь Царь и Великий Князь Михайло Федорович» пожаловал в 1619 году в Патриаршую вотчину две трети Варзужской волости «в нашем государстве, в Двинской земле, со всеми нашими людьми, которые ныне в тех двух третях живут, что остались за дачею Спаского монастыря что на Новом *[остались после передачи одной трети Новоспасскому монастырю. – **Е. М.**]*, и с рыбными и с звериными и со птичьими ловлями, что на море и в речках и в заборах *[дере-*

[1] Jerom Bowes voyage and ambassady to the Emperor of Russia in the year 1582. Hakluyt, Vol. I. P. 487.

[2] Архангельские губернские ведомости. 1851. С. 150.

*вянные заграждения на семужных реках. – **Е. М.**]*, и с черными неводными ловлями *[то есть облагаемые налогом. – **Е. М.**]*, и со всякими угодьями»[1].

В 1621 году Переписная книга более подробно перечисляет всех совладельцев «Варзугской волости»: «В Двинском же уезде за морем за окияном, от Умские стороны, великого государя Святейшаго Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Русии волость Варзуга на реке на Варзуге, да в той же волости Живоначалные Троицы Сергиева монастыря да Спаса Нового монастыря, что на Москве, да Соловецкого монастыря, да Живоначалные Троицы Антониева Сийсково монастыря, да Николы Чудотворца Корелского монастыря»[2].

К началу XVIII века жители Никольской стороны села постепенно перемещают свои дома, опускаясь со взгорья ближе к реке[3] – скорее всего, вследствие того, что по мере общего поднятия всего массива Кольского полуострова река Варзуга стала не столь полноводной и угроза наводнений несколько снизилась.

В начале XVII века «на Никольской стороне церковь верховных апостол Петра и Павла древяна в верх с трапезою *[следовательно, зимняя, с шатром. – **Е. М.**]*, другая церковь Николы Чудотворца древяна ж в верх, да в церквах образы и свечи и книги, и всякое церковное строение великого ж государя Святейшаго Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Русии крестьян, и Живоначалные Троицы Сергиева монастыря, и Спаса Нового монастыря, и Сийского монастыря, и Николы Чюдотворца Корелского монастыря. Во дворе вдовой поп Семен Васильев»[4].

В 1654 году, согласно надписи, отлитой на колоколе-благовесте, в «Варзугской волости» по-прежнему существуют «церковь Верховных Апостолов Петра и Павла и Св. Николая Чудотворца»[5].

В 1705 году взамен сгоревшей строится новая Никольская церковь с приделом (южным) во имя пророка Божия Илии. Церковь бревенчатая, с пятью главами (шестая маковка над Ильинским приделом появится поз-

---

[1] Царская жалованная грамота патриарху Филарету, на две трети Варзужской волости. 1619, Ноября 20 // Русское слово. СПб., 1864. Март. С. 79.

[2] Переписные книги Двинского уезда. Книга 11. Подлинник со скрепой подьячих Б. Степанова и А. Подольского. 1621–1624 гг. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 1, л. 419.

[3] *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения. Мурманск, 1998. Т. 3. С. 195.

[4] Переписные книги Двинского уезда. Книга 11. Подлинник со скрепой подьячих Б. Степанова и А. Подольского. 1621–1624 гг. РГАДА, ф. 1209, оп. 1, ч. 1, л. 419а–419а об.

[5] Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896. С. 249.

Никольская церковь после реставрации 1896 года стала трехпридельным храмом. Фото 1901 года

же – при перестройке в конце XIX века). «Церковь Николы Чудотворца пятиглавая, построена при преосвященном Сильвестре[1], архиепископе Холмогорском и Важском, в 1705 году»[2].

В 1893 году был произведен значительный ремонт и перестройка здания, в ходе которых было предусмотрено создание еще одного придела (северного) – во имя преподобного Сергия Радонежского. И действительно, этот придел был освящен 14/27 августа 1899 года[3]. Таким образом, к началу XX века Никольская церковь стала семиглавым Никольским собором, который в искаженном революционными годами виде был приспособлен под колхозный магазин.

[1] Архиепископ Сильвестр (Крайский), хиротонисан в архиепископа 11 марта 1705 года, бывший архимандрит Заиконоспасского монастыря, в 1707 году переведен на Смоленскую кафедру.

[2] Опись Петропавловского прихода 1840 года за подписью священника Гавриила Гурьева. ГАМО, ф. 7-и, оп. 1, д. 4, л. 96.

[3] Главная опись церковного и ризничного имущества Варзужского прихода за 1898–1900 гг. ГАМО, ф. 7-и, оп. 1. д. 72, л. 3.

Домовая церковь преподобного Сергия Радонежского в Варзуге. Фото 2014 года

Придел преподобного Сергия был пристроен по инициативе священника Михаила Истомина в память о некогда отдельно стоявшей здесь церкви. Церковь преподобного Сергия Радонежского существовала с весьма давних времен. К «югу от алтаря Никольской церкви еще в 30-х годах XIX века сохранялся сруб и поклонный крест, обозначавшие место престола древней Сергиевской церкви»[1], освященной около 1650 года. День преставления преподобного Сергия, игумена Радонежского, 25 сентября/8 октября, на селе всегда чтился как храмовый праздник.

При восстановлении Никольской церкви, начатом в 2010 году, было принято решение придать ей первоначальный, несимметричный облик 1705 года, с одним Ильинским приделом. Храм преподобного Сергия, тем не менее, не забыли, построив его на Пречистенской стороне села в виде трапезной церкви и освятив его 8 октября 2014 года к 700-летию со дня рождения «игумена земли Русской».

[1] *Попов А.* К истории Варзужского прихода Александровского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1913. № 4. С. 86.

§ 4. Умба – порубежная волость

Свое историческое значение и высокий статус на Терском побережье и на всем Кольском Севере Умба приобрела вследствие проходившего здесь с древности важнейшего пограничного рубежа. Так же, как и на Варзуге, поселение на реке Умбе изначально располагалось в верховьях реки, там, где сейчас место, именуемое Погост. Если говорить о еще более глубокой древности, то поселением аборигенов в этих местах был Вялозерский лопарский зимний погост, располагавшийся в 40 верстах вверх по реке Умбе и далее по реке Вяле до ее впадения в Вялозеро. На европейских картах второй половины XVI века место это обозначено как «Ombay».

Река Умба и река Вяла были географическими ориентирами, определявшими порядок сбора дани на Крайнем Севере Руси, установленный еще руническими грамотами, «во время, когда над всею Норвегиею властвовал Гералъд Гарфагер (885–933 гг.), либо в продолжение связей государей русских с королями норвежскими: Владимира I *[Крестителя Руси. – **Е. М.**]* с Олафом Трюггвасоном, проведшим отроческие лета свои в Новогороде с 978 по 985 год»[1]. Если говорить о Кольском Севере в целом, то еще со времен Александра Невского вся даннические территория края была разделена на две части по линии Кольский залив – Умба. Первая часть – это Восточная Лапландия – весь Кольский полуостров, и вторая часть – это Западная Лапландия до залива Варангер-фьорд и далее «в Мурманский конец».

Если наши великокняжеские сборщики дани ходили на запад и брали дань до рубежа нынешнего г. Тромсё, то, как мы помним, «норвежский король берет дань на восток от начала Кольского полуострова до Белого моря, там, где течет Vela-река»[2]. Этот Вял-рубеж у Вял-реки и одноименного Вялозера и определил исторический статус Умбского поселения – одного из корельских погостов. Умбский погост среди первых поселений корелы и новгородцев на Кольском Севере был известен по летописным упоминаниям с 1466 года.

Само название места этимологически раскрывает принцип расположения первых поселений на Терском берегу – укрыться подальше от глаз, от лихих морских разбойников. «Фонетическое озвончение мягких согласных в слове Умба – Umpi – раскрывают нам значения этих слов, не-

[1] *Бутков.* Три древних договора. С. 356.

[2] *Кааран А.* К истории русского Севера. С. 28.

смотря на их древнее происхождение. Река Умпи может иметь значение – недоступная, закрытая от глаз. Это очень древний корень»[1].

В новгородской терминологии того времени погостом называлось селение, имеющее церковь и приход. Так же, как и Варзужский погост, погост Умбский помимо государственных функций нес еще нагрузку православного духовного центра воцерковления корелы. Потому здесь была построена церковь в честь Воскресения Христова, и в дальнейшем это поморское селение упоминалось уже как Воскресенский погост. К концу XVI века, когда власть московских царей на этих берегах стала очевидной, как свидетельствует летопись за 1585 год, старое место поселения умбян пришло в запустение: «Вверх по реке Умбе, от волости 10 верст, погост старой <…> а на погосте церковь Воскресение Христово пуста; и на том погосте косят сено». Население переместилось ближе к морю, где в устье одноименной реки и возникло поморское село – волость Умба, то, что ныне называют Умба-деревня.

При переносе поселения в устье Умбы там была построена новая церковь – Петропавловская, впервые упомянутая в 1570 году. Название «Воскресенский погост» по мере прихода в ветхость старой Воскресенской церкви стало меняться на «Верхний Погост» или «Верховье».

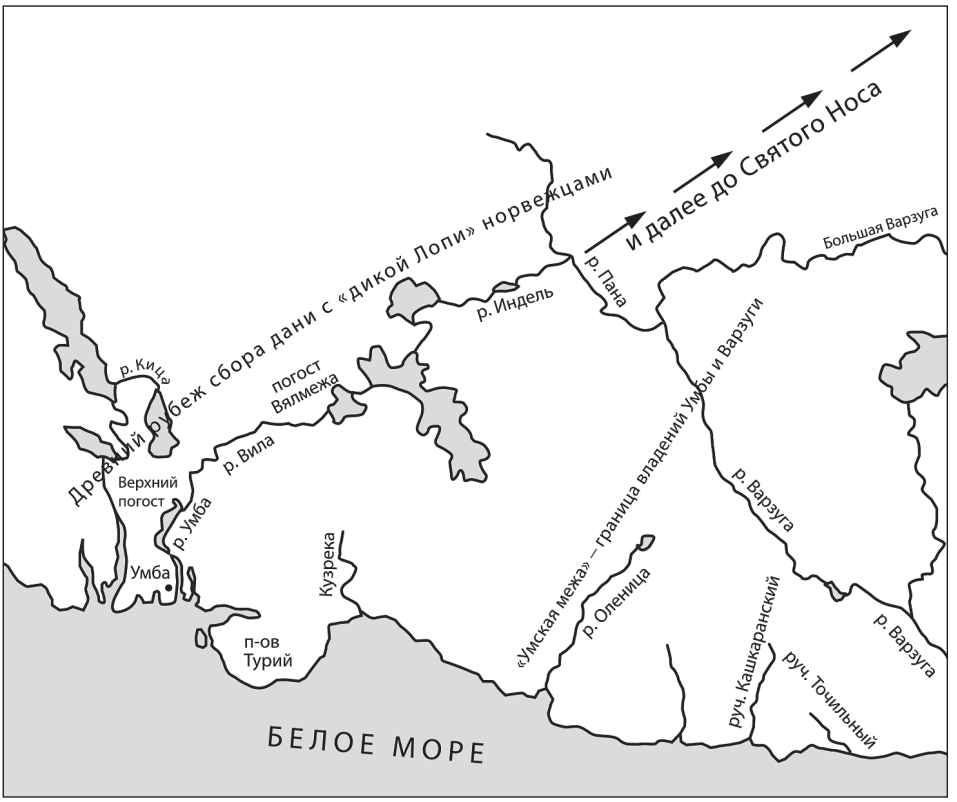
Когда старая Воскресенская церковь на Погосте пришла в ветхость и была окончательно упразднена, то церковь этого же посвящения возродили на новом месте села Умбы. Новая Воскресенская церковь была однопридельная и теплая. Но была и «другая церковь, студеная, верховных апостол Петра и Павла, да придел преподобного Кирилла Белозерского; да на церковной же земли… две кельи, а живут в них старицы черноризицы, а питаются о церкви Божии»[2].

Странное для этих мест наименование церковного придела в честь преподобного Кирилла имеет свое объяснение. В конце XVI века Умбская волость по пожалованиям Иоанна Грозного стала вотчинным владением Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей. По раздельной книге 1585 года, Соловецкому монастырю принадлежала одна четверть крестьян и угодий, Кирилло-Белозерскому три четверти.

---

[1] *Миловидова О.В.* Вначале был север… Этимология топонимики Кольского полуострова // «Север и история». Четвертые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Мурманск – СПб., 2012. С. 148.

[2] *Ушаков И.Ф.* Православие на Кольском Севере в досоветское время. Мурманск, 2002. (Рукопись). (Далее: *Ушаков И.Ф.* Православие на Кольском Севере).



Церкви эти находились в ведении монастырей вплоть до упразднения духовных вотчин в 1764 году, после чего стали крестьянскими. В 1778 году умбские крестьяне заменили обветшавшие церкви на новые. Теплой церкви Воскресения Христова добавили Кирило-Белозерский придел. Петропавловскую церковь уже не восстановили.

Конструктивно здание Воскресенского храма повторяло «студеную» Никольскую церковь Варзуги – с пятью куполами и одним боковым приделом. Эту церковь упоминает в 1836 году соловецкий архимандрит Досифей: «церковь в Умбе во имя Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, с пределом преподобного Кирилла Белоезерского»[1].

В конце XIX века Воскресенская церковь в Умбе вновь перестраивается и так же, как Никольская церковь в Варзуге, получает два придела, но при этом память о вотчине Кирилло-Белозерского монастыря упраздняется. Новые приделы Воскресенской церкви – Петропавловский и Зна-

[1] *Досифей (Немчинов)*. Описание Соловецкого монастыря. С. 418.

Воскресенская церковь Умбы.
Фото 1899 года

менской иконы Божьей Матери. Таким образом была возвращена память о существовавшей здесь старинной церкви Петра и Павла.

Надо заметить, село в устье реки Умбы вплоть до начала XX века на картах обозначалось как Хлебское. Сегодня это название полностью забылось, и лишь река Хлебная в двадцати километрах от поселка напоминает о тех временах. Название это сохранило память об особом торговом занятии, закрепившемся за жителями села, – обмене товаров местного промысла (рыбы, соли, пушнины) на зерно. Как известно, зерно было привозным и уже здесь на речных мельницах превращалось в муку для столь необходимого хлеба. Об Умбе как об известном торговом месте сообщают и норвежские источники: «За Кандалакшей на берегу реки находится лопский погост Numbo. А на устье реки бойкий торговый пункт Numbo (Умба)»[1].

Это место было хорошо известно иностранным купцам, и они всячески хотели преодолеть данные им ограничения на торговлю в этом «бойком торговом пункте». Как доносили «Царю Государю Михаилу Федоровичу всея Руссии» челобитной «Московские и всех городов торговые люди», ныне «Голанские земли корабли в реку Унбу ходят, будто на удьбу *[рыбалку. – **Е. М.**]*, но хлеб посылают на ладьях на Унбу»[2].

Умба и Варзуга имели статус таможенных пунктов на Терском берегу до 1691 года. Именно до этого времени здесь собиралась государственная пошлина – тамга *[сбор с торговых сделок. – **Е. М.**]*. В 1691 году «тамга была отменена на Поморье: в Пустозерске, Мезени, Кевроле, Варзуге, Умбе, выключая Колу»[3].

---

[1] *Перссон Я.* Наши права на Лаппмаркен и Триннес. С. 112.

[2] Челобитная 1627 г. об изгнании иноземных купцов // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1912. Кн. 23 Вып. I. С. 100.

[3] *Богуслав И.А.* Исторический взгляд на Варангерское Поморье // Морской сборник. СПб., 1862. Т. LXII, № 10. С. 287.

В той же топонимической «торговой» связке можно упомянуть «Хлебный камень» (Leip-kieddik) «на западном берегу Умбозера, верстах в десяти к северу от Умбской салмы, про этот камень лопари указали, что это "настоящий сейд"»[1].

История возникновения этих двух древнейших корельских поселений на Кольском Севере – «Корела Варзуская и Умба»[2] – и их столь очевидное давнее государственное и духовное значение для освоения края свидетельствуют о быстром и полноценном развитии государственно-административного устройства этих мест. Так что мы не можем согласиться с утверждением, что «корелы, живущие на северной периферии новгородских владений, на громадных пространствах между Белым морем и Ботническим заливом, деления на погосты не имели»[3].

Статус «погоста» и сам термин «корила погоская» («корела погостская») «говорит об их вхождении в состав собственной территории Новгородского государства, в такой же мере, как и русские местности Новгородской земли и области води и ижоры, несущие наряду с русским населением все тяготы по охране границ и по выполнению государственных повинностей»[4].

Особую важность для нашего исследования приобретает тот очевидный факт, что эти корельские погосты есть центры самой древней, первоначальной христианизации Кольского Севера, очаги евангельской проповеди среди местных народов и их крещения.

§ 5. Порья-губа – первое монашеское место на Кольском Севере

Статус одного из древнейших христианских поселений Кольского Севера также принадлежит и поморскому поселению Порья-губа, которое унаследовало его от легендарного Кокуева монастыря. Первые

---

[1] *Визе В.Ю.* Лопарские сейды // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1912. № 9. С. 397.

[2] Списки московских владений на Двине, составленные в Москве при подготовке ликвидации независимости Великого Новгорода (ок. 1462–1476) // Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года). Хрестоматия. Архангельск, 2004. С. 51.

[3] История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. / Под ред. А.Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952. С. 43. См. также: Шаскольский И.П. Политические отношения Новгорода и карел в XII–XIV вв. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1961. № 10. С. 125–126.

[4] *Шаскольский И.П.* Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV–XV вв. // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. Прим. 7.

Святитель Филофей (Коккинос), Патриарх Константинопольский

сведения об этой обители донесла нам «Книга Большому Чертежу»: «А от усть реки Порьей, у моря монастырь Кукуев»[1].

Кокуев (Кукуев, Кокков) монастырь, надо полагать, возник как результат миссионерской деятельности преподобного Евфимия Корельского († 1435), утверждавшего очаги православия среди корелы на всем побережье Белого моря и на Кольском Севере в целом.

Именно из-за этой большой древности «Никольская церковь с колокольней» была «весьма почитаема на всем Кольском полуострове»[2]. Помолиться в ней лопари приезжали даже с Печенги. Эта церковь в 1794 году была обновлена и освящена епископом Архангельским и Олонецким Вениамином (Краснопевковым-Румовским): «В селе Порьегубы во имя святителя Николая Чудотворца деревянная холодная церковь в благостоянии. Антиминс на полотне священнодействован бывшим Преосвященным Вениамином в 1794 году, который им же и подписан»[3].

Версия возникновения Кокуева, или Коккова, монастыря как следствие деятельности преподобного Евфимия до настоящего времени не вызывала возражений, и мы подробно ее коснемся ниже, в главе «Кокуев монастырь».

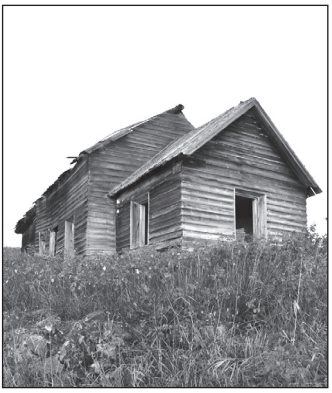
В то же время, последние результаты археологических исследований на Терском берегу, проведенные в сезон 2013 года, позволяют говорить о православной активности на этих берегах во времена еще более древние, хотя конкретные временные рамки деятельности преподобного Евфимия Корельского все же остаются весьма неопределенными.

Как мы упоминали, согласно данным радиоуглеродного анализа, годы возникновения первой церкви в Варзуге относятся к первой половине XIV века. Это то самое время, когда Русскую Церковь возглавлял замечательный святитель Алексий (Бяконт), митрополит Московский и всея России чудотворец. Митрополит Алексий, не будучи греком, получил

[1] Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в розряде и списанная в книгу 1627 года. СПб., 1838. С. 166.

[2] *Ушаков И.Ф.* Историко-краеведческий словарь. С. 211.

[3] Ведомость о составе церквей. ГАМО, ф.16-и, № 50, л. 7.



Здание Никольской церкви в Порьей губе. Фото 2015 года

в 1354 году грамоту от Патриарха Филофея (Коккина) о возведении его на русскую кафедру в порядке исключения, «за добродетельную жизнь и духовные достоинства»[1]. Такое исключение для святителя Алексия Вселенский Патриарх сделал не случайно, равно как и данное ему благословение на перенос митрополичьей кафедры из Киева в Ростов Великий – на Север.

Именно при Патриархе Филофее был окончательно решен вопрос в пользу духовной практики исихазма *[аскетическое учение и метод внутренней молитвы. – **Е. М.**]*, который активно привносился на славянские земли афонскими монахами, удивительно легко и благодатно распространяясь по Святой Руси. Эта важнейшая духовная победа учения святителя Григория Паламы, одержанная при непосредственном участии Вселенского патриарха «дивного Филофея», на века определила богослужебный и аскетический уклад православной Руси, и в особенности в Северо-Восточной ее части. Под знаком этой победы стали возможны и подвиги преподобного Сергия Радонежского, и расцвет «Северной Фиваиды» заволжского старчества, и учение преподобного Нила Сорского о нестяжательности.

Святитель Алексий оставил о себе память как активный созидатель монашеских обителей на Руси. Равно как и его преемник на кафедре, святитель Киприан, который был близким другом и воспитанником Патриарха Филофея и активным проводником духовной практики монашеского священнобезмолвия. Владыка Киприан был дружен с преподобным Сергием Радонежским, всячески поддерживая становление старческой школы северного русского монашества.

Именно митрополит Киприан рукополагал новгородского Владыку архиепископа Иоанна III (1388–1415 гг.), который явился активнейшим миссионером Севера и основателем знаменитых северных монастырей: Валаамского, Коневецкого, Палеостровского…

[1] Из Настольной грамоты Патриарха Филофея митрополиту Алексию от 30.06.1354 года. Цит. по: *Седова Р.А.* Алексий, свт. // Православная энциклопедия. ЦНЦ «Православная энциклопедия». М., 2000. Т. 1. С. 638.

Все это позволяет сделать нам еще одно предположение об истоках несколько странного названия монастыря в Порьей губе – «Кокуев» или «Кокков». Не попечением ли Вселенского Патриарха того времени, святителя Филофея (Коккина), и в его честь как ктитора *[от греч. κτίζω – строю, созидаю]* был назван этот, в те времена самый северный в мире монастырь, что в Порьей губе на Кольском полуострове?

§ 6. Кандалакша

Название «Кандалакша» во второй своей части содержит, бесспорно, слово «лахти» (фин. lahti) – залив. «Фонетическое озвончение мягких согласных в словах Kanta и Lahti раскрывают значения этих слов, несмотря на их древнее происхождение: Канталахти – Древний залив, залив-предок, празалив».[1] «Финно-угорские названия, несомненно, самые древние»[2].

Канда, как известно, – имя реки, впадающей в Кандалакшский залив. «Канда» – (финн. kanda) ноша, груз; «кандас» по-саамски – вьюк. Этимология слова явно склоняет нас к теме сбора лопарской дани, что испокон века свозилась сюда со всей западной Лапландии. Конечной частью долгого водного пути при доставке вьюков с этой данью была река Канда.

Почему, однако, малоприметная река Канда, а не могучая река Нива, у которой, собственно, и началось формирование будущего города и монастыря, дала название целому заливу на Белом море? Надо помнить, что именно с Канды-реки начинался великий водный путь с Белого в Баренцево море. Река Нива была слишком бурной и своенравной и для плавания абсолютно не пригодной – на 32 километра ее протяженности приходилось около 150 порогов.

Кандалакша всегда воспринималась в российских документах как начало Лапландии со стороны России: «Село в Кольском уезде, оное к Лапландии последнее и здесь живут россияне»[3]. Именно здесь, на берегу реки Нивы, в 1526 году была построена первая церковь в «западной»

---

[1] *Миловидова О.В.* Вначале был север… Этимология топонимики Кольского полуострова // «Север и история». Четвертые Феодоритовские чтения. Сборник научных статей. Мурманск – СПб., 2012. С. 148.

[2] *Голубев В.И.* Методика изучения и толкования географических названий или топонимия. Ковров, 2005. С. 22.

[3] Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. М., 1788. Ч. 2. С. 191.

Кандалакшская церковь Рождества Пресвятой Богородицы как память о Кокуевом монастыре. Фото конца XIX века

части Кольского края. Отсюда наученные преподобным Феодоритом «приехаше к Москве лопляне с моря Окияна, ис Кандолакжской губы, усть Нивы-реки, из дикой лопи, и били челом государю и просили антиминса *[плат со вшитой в него частицей мощей мученика. – **Е. М.**]* и священников, церковь свящати и просветити их святым Крещением»[1]. В дальнейшем Кандалакша стала важнейшим центром православного просвещения, нацеленного на западную часть Кольского края. Вскоре здесь образовалась одна из первых обителей Крайнего Севера – Кандалакшский Рождества-Богородичный монастырь.

В 1574 году Генрих Штаден сообщал: «На реке – незащищенный посад с небольшим монастырем. Здешние жители кормятся от моря вместе с монахами и их слугами, – и далее однозначно утверждал: – здесь граница Лапландии»[2]. Кроме того, Штаден был уверен, что «Кандалакша – река». О том, что в те времена слово «река» могло применяться к некоему протяженному водному пространству, точнее, «водному пути», который в современном понимании термина рекой не называют, мы подробно говорили в главе «О «Полной реке».

Известно, что Кольский залив вкупе с последующим водным путем до Кандалакшского залива называли «великой рекой Колой»[3]. Аналогичные пояснения оставил на своей карте капитан Вильям Боро в 1557 году: «Кола проходит через Лаппию в Корелию, так что весь *[древнее прибалтийско-финское племя. – **Е. М.**]* ежегодно приходит по этой реке на малых лодках ловить рыбу на море между Кегором и мысом Соврбир *[мыс Териберский. – **Е. М.**]*»[4]. В том же ключе толкует термин «река» и Штаден, говоря о Кольском заливе: «Кола – река или залив. На этой реке русские рубят остроги; в особенности же Яков и Григорий Аникиевичи Строгановы. Около трех лет тому назад они здесь же поставили еще одну солеварню»[5]. Естественно, солеварню можно поставить только в морском заливе.

Наряду с Варзугой, Кандалакша издревле выполняла государственные функции, являясь центром сбора дани с западной части Кольского Севера. Подтверждение этого статуса мы обнаруживаем в грамоте Васи-

---

[1] Софийская летопись // ПСРЛ. Л.–М., 1929. Т. 4. Ч. 1. С. 542.

[2] *Штаден Генрих.* О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 63. (Далее: *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного).

[3] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 332.

[4] *Вальдман К.Н.* Кольский полуостров на картах XVI в. С. 142.

[5] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. С. 63.

лия III 1517 года. Эта инструкция сборщикам дани подробно определяет маршрут и действия царских «мытников» и, как полагают, содержит первое упоминание о Кандалакше в датском переводе: «Один из наших сборщиков отправится в Konddax… »[1].

Заливу, помимо названия «Кандалакшский», усваивают и древнеисландское название «Гандвик» (Handvik). С древних времен скандинавских саг это название переводилось как «Залив Чудовищ». Надо сказать, этим словом изначально именовалось всё направление морских путешествий от берегов Северной Европы по Ледовитому океану до Белого моря.

Селение Кандалакша, как и большинство поселений на Крайнем Севере, всегда было невелико. О количестве населения, например, в XVII веке можно судить по переписным книгам. «Всего в Кандалажской волости и за Нивою рекою крестьянских двадцать дворов да бобыльских дватцать восемь дворов, да две избенки, да на белой земле двор попов, другой двор просфирнин, а людей в них крестьян двадцать человек, да у них братьи и детей и племянников двадцать два человека, да тридцать пять человек недорослей, да тридцать человек бобылей[2], да у них братьи и детей и племянников двадцать пять человек, да тридцать восемь человек недорослей»[3].

§ 7. Кандалакшский Рождества-Богородичный монастырь

Кандалакшский (Кокуев) Рождества-Богородичный мужской монастырь, любимое детище преподобного Феодорита Кольского, разместился на территории Кандалакшского поселения в середине XVI века. В то же время, как наследник древнейшего Порьегубского Кокуева монастыря, Кандалакшский монастырь в этом смысле может считаться самым первым монастырем, возникшим на территории современной Мурманской митрополии.

Кандалакшский монастырь – верный духовный побратим Трифонова Печенгского монастыря. Возникшие практически одновременно

[1] Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб., 1998. С. 129. (Далее: Грамоты великого князя Василия III).

[2] Бобыль – крестьянин, не имеющий земельного надела. Но с 1631–1632 гг. бобыли стали привлекаться к несению тягла в половинном размере по сравнению с крестьянами, имеющими землю.

[3] Переписная книга Кольского острога, посада и уезда Л. Секирина. РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 1, № 15056. 1678–1679 гг. Л. 34–35.

Кандалакшская церковь Рождества Иоанна Предтечи. Фото конца XIX века

в XVI веке усилиями великих просветителей и столпов веры, преподобных Феодорита Кольского и Трифона Печенгского, эти обители в древности имели удивительно схожие судьбы. Они вместе переживали радости и горести, взлеты и падения, разорения и возрождения, но всегда являли собой крепкие форпосты православной веры и российской государственности на этих неприветливых, а порой смертельно опасных передовых рубежах Крайнего Севера.

Кандалакшский (Кокуев) Рождества-Богородичный мужской монастырь располагался на северо-западном побережье Белого (Студеного) моря, у морского залива, названного по имени реки Канды, впадающей в него. Лопари и корела называли залив Кандалахти, русские поморы – Кандалакшской губой.

Появление в 1526 году храма близ устья реки Нивы на левой ее стороне стимулировало приток крестьян и промышленников на оседлое поселение, что привело к возникновению русской «волости» (села) Кандалакша. Эти места кандалакшского берега издревле облюбовали и рыбопромышленники Великого Новгорода. Но до времен владычества царей Московских все попытки оседло закрепиться на этих берегах вызывали законное опасение даже у новгородских владык: «Кто пойдет туда и как церкви там быть, в соседстве с землею Мурманской и Каянской?» (архиепископ Новгородский Евфимий II, середина XV века).

История построенной здесь в 1526 году первой Предтеченской церкви подтверждает эти опасения и свидетельствует об очевидных трудно-

стях миссионерства в этих краях. «Васильевы книги Агалина» в 1574 году уже не упоминают эту церковь и говорят лишь о монастырском дворе, который, в свою очередь, к концу XVI века был в запустении: «В волости Кандолокше за рекою двор монастырский пуст». В то же время, на карте Симона ван Салингена, созданной в 70-е годы XVI века, Предтеченская церковь на левой стороне реки Нивы еще присутствует.

Кандалакшский монастырь на своем новом месте в устье реки Нивы на правой ее стороне был основан в середине XVI века преподобным Феодоритом Кольским, в развитие просветительской миссии, которую святитель Макарий проводил на Кольском Севере в русле северной политики царя Иоанна Грозного. Первое письменное упоминание о монастыре относится к 7062 (1553–1554) году, когда Грозный пожаловал монастырю семь с четвертью луков промысловых и сельскохозяйственных угодий «для монастырского строения и для лопского крещенья». В этот монастырь «в Кандалошской губе на усть реки Нивы на наволоке» игумен Феодорит был назначен новгородским Владыкой около 1548 года после его конфликта с братией Свято-Троицкого Кольского монастыря, недовольной строгостью Феодоритова устава. Князь Курбский, не зная точно названия места, куда был направлен его духовник, пишет: «…и бывает два года игуменом в одном малом монастыре в Новгородской земле»[1] (с 1548 по 1550 гг.).

§ 8. Кокуев монастырь

Кандалакшский монастырь – прямой наследник более древнего, так называемого Кокуева монастыря, появившегося, возможно, как результат миссионерской деятельности преподобного Евфимия Корельского († 1435), утверждавшего очаги православия среди корелы на всем побережье Белого моря и на Кольском Севере. Эти монастыри, церкви, часовни, скиты преподобный Евфимий учреждал как «филиалы» Николо-Корельского монастыря, что в устье Двины, и неизменно посвящал их Николаю Чудотворцу.

Впервые историческую информацию о древнем Кокуевом монастыре сформулировал в 1836 году соловецкий архимандрит Досифей (Немчинов): «Кокуев, упраздненный мужский монастырь, находившийся на

[1] *Курбский А.* История о великом князе Московском. С. 333.

Белом море, при устье реки Порьей, от Усть-Умбы в 50, а от устья реки Нивы в 80 верстах».

Самое же раннее упоминание об этом монастыре сохранилось в «Книге Большому Чертежу»: «А от усть реки Порьей, у моря монастырь Кукуев». В дальнейшем особую древность и значимость поселения в Порьей губе, идущую от основания здесь монастыря, косвенно подтверждает и грамота царя Феодора Иоанновича датскому королю Фредерику II, настаивающая на том, что «поморская земля изстари царская вотчина». Перечисляя важнейшие по древности поселения, где «из давних лет люди наши сели и умножели», грамота указывает: «монастырь Печенской, и волость Кола, и Порьягуба»[1]. Указанные в грамоте поселения на Кольском полуострове имеют очевидную связь с Николо-Корельским монастырем преподобного Евфимия Корельского по признаку посвящения храмов Николаю Чудотворцу. Это древний «Никольский монастырь близь Варгава», предтеча Печенгского монастыря, это Никольская часовня XV века в Коле, это Никольская церковь в Порьей губе, наследница Никольского Кокуева монастыря. «В волостке [Порья-губа] церковь с трапезою Николы Чюдотворца поставлена новоцерковными деньгами, строение мирское, да у церквы ж поп Сава Исаков сын… »[2].

К середине XVI века произошло очевидное усиление влияния Московской державы на западных землях Кольского Севера: Кандалакша, Кола, Печенга. Это обстоятельство позволило преподобному Феодориту инициировать перенос Кокуева Никольского монастыря в западном направлении из весьма уединенной губы Порьей ближе к центру сбора дани, «на усть реки Нивы на наволок», где уже правили царские «кондолошские таможенные целовальники»[3].

Миграция русского населения по побережью Белого моря имела выраженное направление с востока на запад. Восточные берега рек изначально назывались «двинскими», то есть относящимися к Новгороду. Так было, например, в Варзуге с изначально плотно заселенным восточным Никольским берегом реки и лишь к середине XVI века освоенным варзужанами западным берегом, где была построена Успенская церковь.

---

[1] Жалованные грамоты царя и великого князя Федора Ивановича 8 апреля 1590 года // Отечественные записки. СПб., 1829. Ноябрь. Кн. CXVC. С. 221.

[2] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение 2. С. 445.

[3] Там же. С. 459.

Наличие русского монастыря в Кандалакше играло важную роль в деле утверждения Российской державы на северных рубежах.

До первого разорения Кандалакшского (Кокуева) монастыря в 1589 году монастырь еще сохранял наименование первоначального Порьегубского монастыря – Никольский. Об этом свидетельствуют посвящения монастырских церквей и очередность их написания: «Николы Чудотворца да два предела Петр и Павел, да Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев, да теплая церковь Рождество Пречистыя Богородицы». Традиционно на Поморье главным храмом, дающим название монастырю или приходу, считался большой (летний) храм – в данном случае Никольский, трехпридельный.

Что касается малопонятного названия монастыря – Кокуев (Кокков), то мы уже высказывали гипотезу о роли патриарха Филофея (Коккина) в усвоении этого названия обители в Порьей губе. Однако более правдоподобной и обоснованной выглядит версия с истоками названия Коккуев, идущих со времен корельского доминирования на берегах Белого моря.

Вся территория Корелии, в том числе и Кольское побережье Белого моря, управлялась пятью именитыми родами корельскими – «детьми корельскими». Одной из знатных фамилий на Кольском Севере были потомки «боярина корельского» Васеля Кокуя. «Купчая», датируемая 1447–1456 годами, сообщает о его обширных владениях на побережье Белого моря, завещанных его дочери Ховре Кокуевой. Васель владел участками земли и «ловлями» даже на Соловецких островах. Сын его Григорий также преуспел в освоении земель на побережье Белого моря.

Со второй половины XVI века, во времена, близкие к деятельности преподобного Феодорита Кольского и строительству Кандалакшского монастыря, среди тех, кто «управлял Лапландией, пока не было еще здесь бояр», был царский сборщик податей Митрофан Кукин, внук Васеля Кокуя. За время пребывания на царской службе Митрофан не только значительно приумножил земельные владения Кукиных (Кукуевых) – луки, пожни, мельницы, варницы (особенно в районе реки Нивы и губы Порьей), но и в дальнейшем энергично жертвовал свои имения монастырям Кольского Севера. Значительные вклады от его имени зафиксированы в Жалованной грамоте Печенгскому монастырю. Кроме того, в Писцовых книгах Алая Михалкова можно видеть щедрые пожертвования «Митро-

фана Григорьева сына Кукина Поморца Кандалакшанина Пречистенским старцам Кокуева монастыря»[1].

Скорее всего, именно основатели этого рода Кукиных (Кокуевых) еще со времен преподобного Евфимия Корельского и первых опытов крещения корелы в XIV–XV веках являлись ктиторами *[основателями, создателями, попечителями. – **Е.М.**]* монастыря, возникшего сначала в губе Порьей, а затем переместившегося в Кандалакшу. Имя благодетелей закрепилось в названии – «Кукуев монастырь». Последнее пожертвование Кукина Кандалакшскому монастырю отмечено в 1599 году: «дал два лука … в Колвице»[2].

На исходе жизни, около 1603 года, Митрофан Кукин принял постриг в Кокуевом монастыре с именем Марк. Кандалакшский монастырь и позднее продолжали называть Кокуевым, иногда Коковым (так по воспоминаниям жителей Кандалакши в XIX веке).

§ 9. Разорения Кандалакшского монастыря и его упразднение

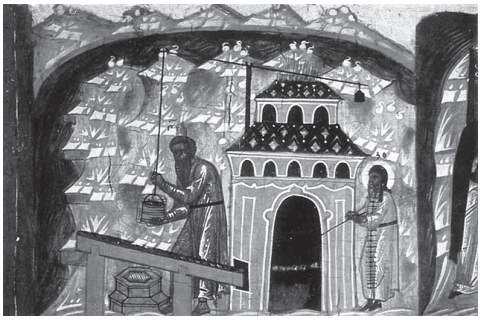
«Большой город Канделахте. В нем имеется 246 домов *[для сравнения в Коле – 226 домов. – **Е. М.**]*, а за этим городом монастырь, построенный из дерева, который имеет солеваренный завод с 296 выварочными чанами»[3], – так описывал уровень развития монастырского хозяйства и населенность Кандалакшской волости норвежский очевидец незадолго перед злодеянием 1589 года.

Местность, примыкавшая к Кандалакше, соседствовала с Остерботнией и Норботнией (восточное и северное побережья Ботнического залива), с землей, населенной «каянскими немцами» или финнами, подданными Шведской короны, ведущей непримиримую борьбу с Россией. Шведский король Юхан III к 1589 году разработал «великую восточную программу» – план захвата не только всего побережья Финского залива, но и всего русского побережья Мурманского и Белого морей с тотальным уничтожением селений и проживавшего в них русского населения.

Российские государи учитывали эти угрозы. Так, в июле 1582 года «Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Русии» писал воеводе Кириану Оничкову: «Велено тебе оберегати Соловецкой монастырь

---

[1] Писцовая книга Алая Михалкова 1608 года. Цит. по: *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 459.
[2] Там же. С. 460.
[3] *Перссон Я.* Наши права на Лаппмаркен и Триннес. С. 19.



Солеварение в монастыре. Клеймо иконы преподобных Зосимы и Савватия Соловецких из собрания ГИМ, XVII век

в летнее время от корабельного приходу немецких людей, а в зимнюю пору выезжати на берег и оберегати поморские волости, Колы, Керети и Кандалакши, и с иными волостьми из монастырских волостей, от немецких людей прихода»[1]. Разбойное войско финнов в дальнейшем учитывало эту ситуацию и совершило нападение на Кандалакшу в конце мая 1589 года.

Срок перемирия России со Швецией истекал в декабре 1589 года, потому до истечения этого срока регулярные войска шведов боевых действий не предпринимали. Однако разбойные партизанские формирования «каянских немцев» под предводительством народного лидера Пекки Весайнена уже 26 мая 1589 года атаковали Кандалакшу. Соловецкая летопись сообщает: «Того же году на Петрово заговейно *[начало поста. – **Е. М.**]* в ночи приходили немецкие люди к морю в Кандалашскую волость и на монастырь на Кандалашской. И в монастыре братию, и в волости всех людей присекли, а иные в реке тонули, и монастырь, и церковь и волость пожгли и животы поимали все, а людей побили 450 человек»[2]. (222)

Позже, в начале XVII века, поразившая Россию Смута на последнем ее этапе затронула и Кандалакшу. Грабительские шайки, потерпев поражение в центре страны, устремились на север. Соловецкая летопись сообщает: «В 7121 (1612–1613) году зимою приходили до Кандалакши черкасы *[украинские казаки. – **Е. М.**]*, и русские изменники под именем литовских людей и Поморие воевали»[3]. Этот набег, по-видимому, не нанес большого урона Кандалакшскому монастырю, но прилегающая

[1] Царская грамота Киприану Оничкову 1581 июля 31 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографической экспедицией Императорской Академией Наук. СПб., 1836. С. 374.

[2] *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники. Соловецкий летописец второй половины XVI в. // Исторический архив. Вып. VII. М., 1951. С. 229.

[3] Соловецкий летописец. РНБ, Солов. собр., № 877/987. Л. 14.

«Кандалакшская волостишка» серьезно пострадала: «разорены двадцать пять дворов крестьянских: люди посечены и дворы пожжены»[1].

Особо жестокому разорению обитель подверглась через два года. Вначале поступила челобитная царю Михаилу Романову от игумена Сильвестра с братией: «Во 123 [1615] году приходили к нам литовские и немецкие люди и русские воры, и монастырь выграбили и государевы жалованью грамоты и всякие крепости *[долговые записи. – **Е.М.**]* сожгли»[2]. Однако в конце этого злополучного года («о Рождестве Христове») царю уже пишет чудом уцелевший монастырский старец Тихон: «Приходили в Поморе войною литовские люди и черкасы, и монастырь весь до основания разорили и выжгли, соляные промыслы с солью выжгли, и игумена и старцов и слуг мучили и посекли, и казну монастырскую всю пограбили, и хлебные запасы конями вытравили»[3].

По челобитной монахов правительство подтвердило прежние привилегии и льготы монастыря, «чтобы то украйное богомолье наше не запустело».

В 1680 и 1686 годах во время сильных бурь погибли суда, следовавшие в Холмогоры с солью, и потонуло судно, возвращавшееся обратно с хлебом. Царская грамота дала монастырю отсрочку в платеже долгов разным «заимодавцам, потому что по воле всемогущего Бога ему учинилися великия убытки и разорения от морского потопления». В 1693 году случилась еще большая беда: «оной Кандалажской монастырь волею Божиею погорел без остатка». Пожар произошел по вине беспутного монаха Иринарха (Чистых), который после сожжения своей обители был отправлен замаливать грех в Кольско-Печенгский монастырь, но и там вел себя не лучшим образом.

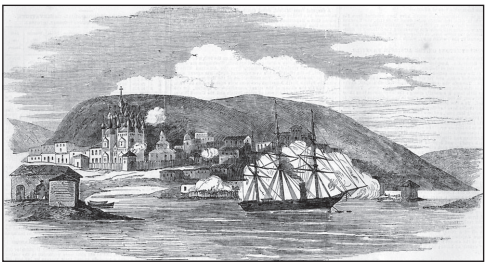
Уже после упразднения монастыря, во время Крымской войны, 6 июля 1854 года, семьдесят англичан на двух баркасах высадились на левобережье реки Нивы. Их встретили выстрелами из ружей тринадцать кандалакшан. Но, не имея достаточных сил для сопротивления, они отступили в лес. Под защитой артиллерийского огня с корабля захватчики ворвались в церковь Рождества Пресвятой Богородицы, пограбили ее

---

[1] РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 231, л. 343.

[2] Жалованная несудимая грамота Кандалакскому Богородицкому монастырю // Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. С. 687.

[3] *Веселовский С.Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. Приложение № 35, 36. С. 134–135.



Обстрел Колы «Мирандой». Рис. из газеты «The Illustrated London News», 7 октября 1854 года

и зажгли изнутри. Выждав, пока она сгорела, англичане возвратились на корабль. От построек бывшего монастыря осталось лишь пепелище. На другой стороне реки Нивы «церковь во имя Иоанна Предтечи во время бомбардировки от каленых ядер загорелась; но от огня спасена жителями»[1].

В разорении Кандалакши в 1854 году участвовали два английских военных корабля – «Миранда» и «Бриск». Вскоре они же безуспешно пытались атаковать Соловецкий монастырь. Чуть позже, в августе этого года, команда «Миранды» попыталась захватить Колу, но сумела лишь устроить пожар в городе. Командовал «Мирандой» капитан Эдмунд М. Лайонс, сын известного английского адмирала. Интересно, что в следующем 1855 году «Миранда» атаковала Таганрог в Азовском море, затем в Черном море участвовала в осаде Севастополя. Здесь капитан Лайонс получил смертельное ранение.

Кандалакшский монастырь в лучшие свои годы имел монастырскую братию в составе: «игумен, да поп черной, да старцов с больничными 28 человек… да в монастыре трудников 31 человек, да по службам наемных солеваров и дровосеков и дрововозов 70 человек. И всего дьячков и трудников и всяких 104 человека» (1611 год) [2]. В дальнейшем, ко времени хозяйственного упадка (1710–1711 годы) в монастыре проживало всего 8 монахов.

Что касается монастырских строений, то после перемещения к берегам Нивы в середине XVI века монастырь экономически окреп, обзавелся разными промыслами, построил три храма. По состоянию на 1575 год: «Церковь Николы Чудотворца да два придела Петр и Павел, да Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев, да теплую церковь Рождества Пре-

[1] *Терентиев Георгий, священник.* Путевые приключения. Крушение шхуны «Трифон» // Архангельские губернские ведомости. 1862. № 11. 103.

[2] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 459, 460.

Командир «Миранды» капитан Эдмунд М. Лайонс, уничтоживший в 1854 году Воскресенский собор, шедевр деревянного зодчества в Коле, и вскоре, в 1855 году, нашедший смерть у берегов Севастополя

чистые Богородицы, а в церкви образы и книги да колокол один строение царя и великого князя *[Ивана Грозного. – **Е. М.**]*, а три колокола поставил строитель того же монастыря»[1].

После жестокого разорения 1589 года, как свидетельствуют документы, из двух церквей была восстановлена лишь одна – теплая (зимняя) церковь Рождества Пресвятой Богородицы. Именно с тех пор монастырь стал называться Пречистенским, Кокуевым: «В том монастыре церковь с трапезою и с келарскою Рождество Пречистые Богородицы древянная, верх шатровой, а в церкви образы и книги и ризы, да три колокола строение монастырское, а четвертый колокол государев»[2].

Здание Рождественской церкви просуществовало до «прихода войною литовских людей и черкасов» в 1615 году, после чего была построена новая церковь: «Зданием она была деревянная, однопрестольная, пятиглавая… высота ее была 8 саж., а длина 14 саж.»[3]. Тогда же, в 1615 году, отстроили и волостную Предтеченскую церковь, которая простояла около двух с половиной столетий. Отдельное здание колокольни («на рубленном анбаре») было поставлено лишь в 1711 году при энергичном игумене Павле Колянине[4].

Самостоятельное существование Кандалакшского монастыря прекратилось указом архиепископа Архангельского и Холмогорского Варсонофия (1740–1759 гг.) от 14 апреля 1742 года с формулировкой «за необходимыми нуждами и скудостью и за неумением братии и служителей» вести дела. Монастырь был приписан к Соловецкому монастырю, а в 1764 году его угодья отошли местным крестьянам.

---

1 *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 459.
2 Там же. С. 460.
3 Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 18. С. 193.
4 ГААО, ф. 831, оп. 1, д. 2168, л. 20.

§ 10. Кола

Происхождение названия «Кола» так и не обрело убедительного толкования. Западные географические источники упоминают названия: Cola, Malmis, Malmos, Malmiss, Mallues, Malmosz, Malmuss. Это историческое название – Мальмус[1] – как-то еще поддается объяснению: финское «Malm» – это мергель, «осадочная камнеподобная горная порода», шведское «Malm» – руда.

В то же время, слово «Кола» безуспешно подвергалось самым разнообразным истолкованиям. Предлагалось, например, «кол» – загорода на реке для лова рыбы. Но на Кольском полуострове рыболовное сооружение, перегораживающее реку, «колом» не именовалось, а носило название «забор». Еще «Коло», как известно, колесо, солнце… Но есть еще древнерусское слово «коломище» – холм(ище), курган для захоронения знатных лиц и вообще насыпь.

Такой величественный «холм» в Коле знают все – знаменитая гора Соловарака (Коло варака). И, опять же, как известно, «варака» – это холм, гора по-карельски и по-северорусски. Не лишен оснований и перевод названия этой горы – Соловарака как Солнечная гора. «Солнечною эта гора названа потому, что по окончании трехмесячной зимней ночи солнце первый раз показывается над Соловаракою»[2]. Следует уточнить, что все наоборот: солнце еще долго не покажется из-за столь высокой горы. Возвращаясь после Полярной ночи и даже еще не выглянув из-за горизонта, солнце освещает вершины ближайших гор, которые ярко светятся на фоне пока еще пасмурного дня и становятся «Солнечными горами».

Надо подчеркнуть, у древних жителей Севера всегда были особые «солнечные горы» и «древние жители Скандинавии (Туле) ежегодно по окончании длинных зимних ночей восходили на гору для осведомления о восхождении солнца, что возбуждало в них великую радость, и они увеселительные имели празднества»[3]. К числу таких исторических «Солнечных гор», помимо Соловараки в Коле, очевидно, можно отнести гору Крестовую в Кандалакше, гору Спасительную в Луостари, взгорье на Пречистенской стороне Варзуги и т. п.

---

[1] Аналогичный топоним впервые упоминается в средневековых источниках конца XII века (Malmös historia) в форме Malmhaug («куча песка, гравия»).

[2] *Соловцов К.* Очерки Архангельской губернии. 1861. № 29. С. 341.

[3] *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. Кн. 2. Цит. по: *Далин О.* История Шведского государства. С. 294. Прим. Ц.

Гора Соловарака. Фото из книги Энгельгардта А.П. Русский Север. 1896 г.

Относительно «Колы» есть еще одно размышление. С древних времен на мысу в Коле стояла часовня Николы Чудотворца, и не исключено, что для аборигенов Севера неведомый «Никола» превратился в короткое «Кола». В пользу этой версии есть реальные аргументы. «Известно, что у различных народностей Севера зафиксировано "высокое почитание Николы и для удовлетворения религиозного чувства населения, в том числе бурят и тунгусов", – говорит Забайкальская епархиальная газета в 1881 году. – Признано необходимым раз в год переносить изображение Николы из Посольского монастыря, что составляет для местного населения, без различия веры, годовой праздник»[1]. Один из исследователей Сибири в 30-х годах XIX века, увидев на станции закопченную икону, висевшую в углу одной юрты, спросил: «"Какой это образ?" Хозяин и бывшие здесь другие остяки *[угро-финское племя, жившее по Оби и Иртышу. – **Е. М.**]*, поговоривши между собой, отвечали: "**Кола**" (святой Никола), Русской Бог. "А ваш где?" – спросил я. – Они показали на него же»[2].

Что касается первых упоминаний названия Колы в письменных источниках, то, вопреки тиражируемому утверждению, в договоре 1264 года «волость Коло» не упоминается. В этом договоре между Новгородом Великим и тверским князем перечислены новгородские владения того времени: «А се волости новгородские: Бежиче, Городец, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера»[3]. В этом списке «Колоперемь» – это земли как бассейна реки Колы, так и территории на запад от них, или, по-норвежски, Финнмаркен. Встречающееся толкование этого названия («Колопермь, то есть Около Перми»[4]) не выдерживает критики, поскольку в русском языке слово «около» никогда не сокращалось до «коло». (Об этом подробнее см. в главе «Колопермь как новгородская волость XIII века»).

Последний раз Колапермь как территория новгородской волости с этим новым русским названием (в документе Голоперьмь) упоминается

---

1 *Пыжов Н.Г.* Сибирский Никола // «Порядок» 1881. № 295. С. 8.

2 *Белявский Ф.И.* Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С. 48-49.

3 Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 9.

4 *Минкин А.А.* Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976. С. 23.

в грамоте Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу в 1304 году. После этого года волость Колопермь исчезает из перечня земель, принадлежащих Великому Новгороду.

В то же время, существует устойчивое мнение историков о еще более древнем возникновении поселения Колы: «русские промышленники еще задолго до постройки норвежской крепости Вардегуз густо населяли Мурман, что доказывается фактом существования здесь поселения Колы, возникшего еще в X веке»[1].

В русле этих утверждений можно упомянуть, что в XIII веке новгородский посадник Валит-корелянин имел здесь каменное укрепление – «каменную загороду в двенадцать стен», о чем мы рассказывали выше в главе «Валитово Городище»[2]. «И назван был у него тот оклад Вавилоном… в Коле, там, где ныне острог, обложено было у него каменьем двенадцать стен. Но то, что было в Коле построено, то развалено, когда острог делали *[в 1583 году. – **Е. М.**]*».[3] Так что «существование здесь поселения Колы, возникшего еще в X веке с целью развития промыслов»[4], надо признать вполне допустимым. Справедливо звучит и замечание российского ученого: «В 1310 году король Хакон нашел необходимым для защиты своих новых поданных *[биармийцев. – **Е. М.**]* от набегов корел основать крепость Вардегуз. Но русские еще раньше основали Колу, именно в 1264 году»[5].

На этом фоне ряд историков слишком доверительно отнесся к известному сообщению из «Дневника» Симона ван Салингена XVI века: «Что касается Мальмуса, то когда антверпенские суда впервые прибыли туда в 1565 году, там было не более трех домов»[6]. Надо понимать, голландский дипломат сознательно, с политическими целями, утрировал малую заселенность Мальмуса (Колы) в то время. Обустроенность русской Колы, несомненно, была более значительной, нежели упомянутые «три дома». К этому времени одни только купцы Строгановы имели в Коле немалое хозяйство. В 1569 году, постригаясь в монахи, глава рода Аникей Федорович завещал сыновьям «в Коле двор со всеми хоромы и с запло-

[1] *Шидловский А.Ф.* Шпицберген в русской истории и литературе. Краткий исторический очерк. СПб., 1912. С. 3.

[2] См. Том I, раздел IV, глава 2, § 7.

[3] «Опросные речи данщиков … ». ЦГАДА, ф. 53. Сношения России с Данией. 1614 г., № 1.

[4] *Козмин К.В.* Исторический обзор Мурманского берега. С. 3.

[5] *Кузнецов С.К.* К вопросу о Биармии. С. 47–48.

[6] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 299.

Кольский острог. Гравюра из книги: Де Фер Г. Плавания Баренца (Diarium Nauticum). 1594–1597. Л., 1936

тиною *[с оградой]*… на Мурманском же, в Коле, варница старая и с цреном и с двором… да варница новая и с цреном в Лавне реке и с двором»[1]. Заметим также, что «под 1550 годом упоминается в Коле Гражданская управа»[2].

За десять лет до приведенных слов Салингена в Жалованной грамоте Троицкому Печенгскому монастырю 1556 года перечисляются обширные владения в Коле одной лишь этой обители: «В волости Коле два двора, да четыре амбара, да кузница, да в реке Коле рыбные ловли, да на реке Коле мельница, да у них же варница данье, да варница монастырское строение»[3].

Не столь давно введенное в научный оборот знаменитое свидетельство Нуосиа-русского, записанное также в 1556 году, окончательно опровергает информацию Салингена. Документ «Финляндский источник…» подчеркивает, что Кола – большое селение, больше Кандалакши: «Кандалакс, которая размером с четыре церковных прихода, и Колансооу, в которой людей, может быть, как в пяти церковных приходах»[4]. Приходами, или погостами, назывались поселения, которых были в состоянии содержать церковь с церковным причтом. Во всяком случае, это поселение имело не менее 15-20 дворов и 100-120 человек населения. Таким образом, можно оценить населенность Колы в середине XVI века и указать новую дату основания Колы по времени упоминания поселения в письменном источнике.

---

[1] *Ушаков И.Ф.* Православие на Кольском Севере.

[2] *Дергачев Н.* Подробное описание Лопской земли. 1870. № 70.

[3] Грамоты Кольского уезда XVI–XVIII вв. // Сборник грамот Коллегии экономии. Т. 2. Л., 1929. С. 438.

[4] *Шаскольский И.П.* Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVI века // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Сборник статей. Л., 1973. С. 33.

Упомянутое нами выше в предании о Валите-корелянине время, «когда в Коле острог делали», относится к 1582 году. В этом году в Мальмус был назначен первый кольский воевода русский боярин Аверкий Иванович Палицын. Воевода «устроил для норвежцев гостиный двор, поставил весы с норвежскими гирями, стал собирать со всего десятину и ввел другие усовершенствования»[1]. В это время датский король Фредерик II направил к мурманскому побережью военную эскадру с приказом захватывать все иностранные суда, и даже «в самой Кольской гавани». В ответ Иоанн Грозный повелел построить в Коле «острог, или брустверь». Царской грамотой от 17 декабря 1583 года в Колу был направлен знающий «острожное дело» воевода Максак Федорович Судимантов. «Государь наш, – сообщал Судимантов, – в свою отчину, в Колу волость прислал меня, воеводу своего, для своего дела»[2].

Таким образом, «до 1585 года Кола вместе с Печенгой и Кигором имели большее значение для внешней торговли России, чем гавани в устье Северной Двины»[3]. «Только из Нидерландов в Колу ежегодно приходило от 20 до 30 судов»[4].

Интересную особенность строительства жилья в Коле описал французский путешественник, посетивший ее в 1653 году. Кола – это «небольшой городок, скорее, пригород, построенный между горами на берегу небольшой реки». В городке только «одна улица», все дома деревянные, а крыши этих домов «очень чисто сделаны из рыбьих костей» и имеют «наверху спереди… отверстие», через которое внутрь «проникает свет»[5].

Описание начала XVII века дает представление о фортификационных решениях при строительстве крепостей на Крайнем Севере в то время: «Острог Кольский на усть-Колы реки и Туломы, от реки Колы стена городовая 50 сажень *[107 метров. – **Е. М.**]*[6]*, бой подошвенный и верхний [бойницы нижнего и верхнего уровня. – **Е. М.**]*». Здание церкви, построенной на месте древней Никольской часовни, оказалось в ограде новой кре-

---

[1] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 305.

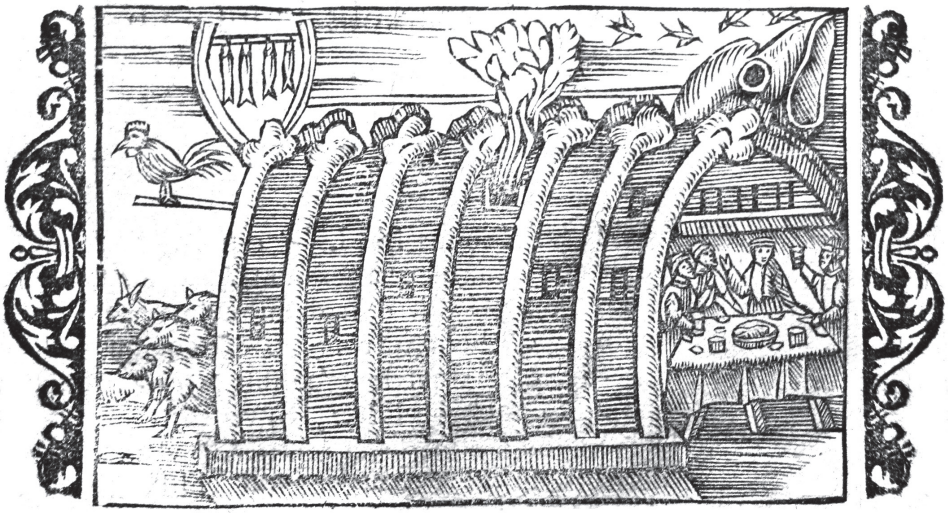
[2] Русские акты Копенгагенского архива. С. 207.

[3] *Шаскольский И.П.* О возникновении города Колы // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 278.

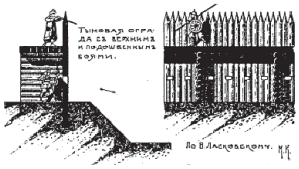
[4] *Громыко М.М.* Русско-нидерландская торговля на Мурманском берегу в XVI в. // Средние века. М., 1960. Вып. 17. С. 240.

[5] *Ламартиньер П.М.* Путешествие в северные страны. С. 29.

[6] Сажень – русская мера длины. 1 сажень = 3 аршина = 7 футов = 2,1336 м.



Дома, построенные из китовых костей. Рис. из книги:
O. Magnus. Historia de gentibus … 1555



Деталь острога с «верхним и подошвенным боем». Рис. из Курса истории русской архитектуры М.В. Красовского. Петроград, 1916

пости: «Да в остроге ж церковь с трапезою Никола чудотворец клетски, деревянная, теплая», и также в периметре острога «летняя» «церковь страстотерпца Христова Георгия, деревянная ж, студеная, верх шатровый. А в церквах образы, и книги, и ризы, и на колокольнице колокола строение мирское. А служитель у тех храмов протопоп Маркел»[1].

Кроме того, в 1611 году на «Монастырском острове» *[ныне это территория Кольского кладбища. – **Е. М.**]* «за рекою за Колою, против острогу на острове на месте Петрова монастыря церковь теплая деревянная верховных апостолов Петра и Павла, с трапезою, строение Петровского монастыря игумена Гедеона с братьею. Да в монастыре же церковь Успения Пречистыя Богородицы с трапезою, поставили ново, верх шатровой на подклетях, колокольница и колокола строение монастырское»[2].

Количество населения в Коле в XVII веке можно оценить по переписным книгам: «Всего в Колском остроге в тридцати в пяти дворах посад-

[1] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. Приложение № 2. С. 410.
[2] Там же. С. 433.

Троицкая церковь в Коле
на Монастырском острове

ских людей и с теми, которые поверстаны в пушкари, сорок человек, да два попа, да дьякон, да пономарь, а у них детей и братьи и племянников сорок три человека, да двадцать человек недорослей. И за Колою рекою живут на тяглой земле во дворе кольские стрельцы. Стрелецких пятьдесят семь дворов, да двор сотника стрелецкого. В Колском остроге за Колою рекою в Печенском монастыре двор конской, да на мельнице келья, да в старом Печенском монастыре от Колскаго острога за триста верст двор монастырской для приезду промышленых людей, а работных людей и бельцов у них в монастыре всего шесть человек, да наемной казачек».[1]

§ 11. Кола как церковно-административный центр

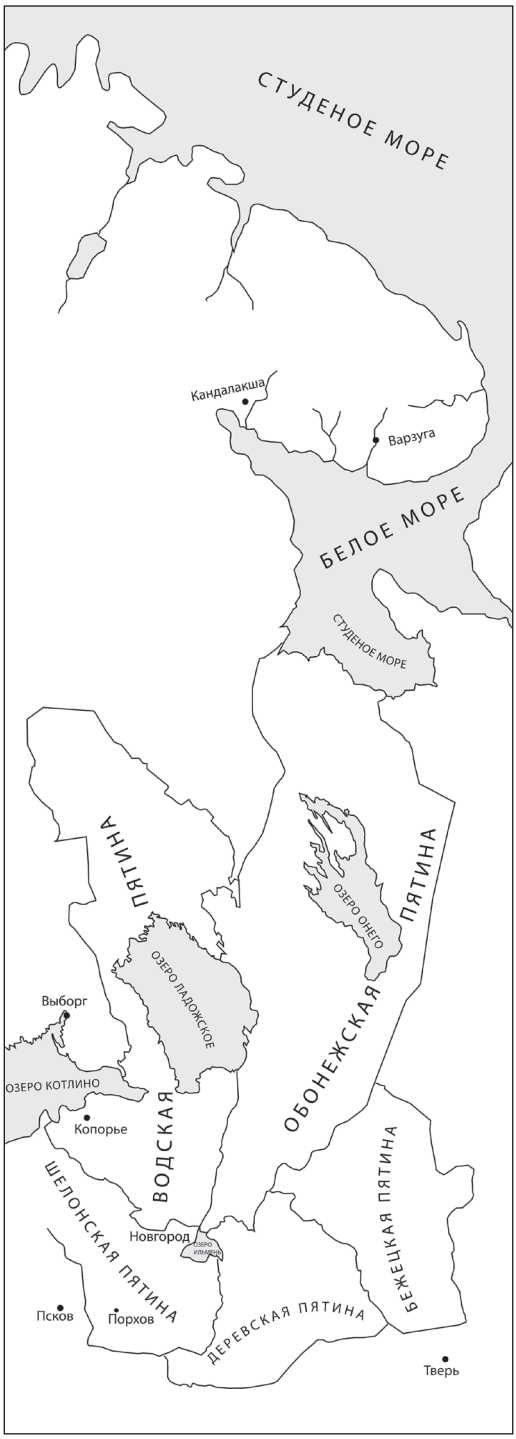
До 1582 года всем Кольским Севером «управляли сборщики податей, жившие в Кандалакше»[2]. В то же время, в житии преподобного Трифона указывается, что пришел он *«на Приморие великого моря-окияна, в часть Норваньския земли, в Кольский присуд, на реку Печенгу»*. Упомянутый «присуд» (стар.), свидетельствует, что новгородские владения, кроме деления на пятины и погосты, на удаленных землях делились еще на присуды (позже уезды), «которые представляли обширные области, подчиненные новгородскому наместнику»[3].

В 1582 году, с появлением кольского воеводы Аверкия Палицина, Кола в полной мере обрела статус административного центра на Кольском полуострове. С этого времени всем «колянам, и иногородцам и поморянам, и монастырей старцем» на Кольском Севере повелевалось

[1] Переписная книга Кольского острога, посада и уезда Л. Секирина. РГАДА, ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 1, № 15056. 1678–1679 гг. Л. 9–9об.

[2] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 305.

[3] *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1890–1907.


СТУДЕНОЕ МОРЕ
Кандалакша
Варзуга
БЕЛОЕ МОРЕ
СТУДЕНОЕ МОРЕ
ПЯТИНА
ОЗЕРО ОНЕГО
ОБОНЕЖСКАЯ ПЯТИНА
ОЗЕРО ЛАДОЖСКОЕ
Выборг
ОЗЕРО КОТЛИНО
Копорье
ВОДСКАЯ
ШЕЛОНСКАЯ ПЯТИНА
Новгород
ОЗЕРО ИЛЬМЕНЬ
БЕЖЕЦКАЯ ПЯТИНА
Псков
Порхов
ДЕРЕВСКАЯ ПЯТИНА
Тверь

«давать в государеву казну оброк», который собирали «кольские верные целовальники». Эта должность «налоговиков» того времени была выборной: «Выбирают их кольские посадские люди». Собираемую целовальниками дань повелевалось «отвозити в государеву казну в Колу к государевым приказным людям»[1]. При этом со всех рыбных уловов взымалась каждая десятая рыба. Эту рыбу, «что возьмут целовальники у промышленников, меняют с немецкими торговыми людьми, которые приезжают в Кольский острог на кораблях на товар, на сукна, и на ефимки, и на медь, и на олово, и на питие»[2].

В 1708 году Петр I «для всенародной пользы учинил 8 губерний и к ним роспись городов»[3]. В перечень Архангелогородской губернии, включавший 20 городов, входил и город «Кольский острог». «С 1719 года Кольский острог стал числиться в Холмогорской провинции. В 1780 году город Кола был сделан окружным городом»[4]. В 1784 году Архангелогородская губерния была разделена на восемнадцать уездов, в число которых вошел и Кольский уезд. Кола стала уездным городом.

Что касается церковного управления, то со временем на Кольском Севере образовалось два административных центра церковной жизни – «западный» и «восточный», которые в XIX веке официально оформились как благочиния. Северо-западная часть Кольского края замыкалась на волость Колу – центр первого благочиния Кольского уезда. Оставшаяся часть края, юго-восток, имела благочиннический центр в Варзуге, а позже в Кузомени.

К кольскому приходу для окормления были приписаны большие территории северо-запада края с многочисленными церквями и часовнями. В начале XIX века центральное место в самой Коле, согласно описи 1817 года, занимал знаменитый Воскресенский собор 1684 года постройки: «1. Церковь во имя Воскресения Христова, соборная, приделами холодная, деревянная, стенами крепкая, но крышею уже приходит в ветхость. Антиминс на полотне священнодействован бывшим Преосвящен-

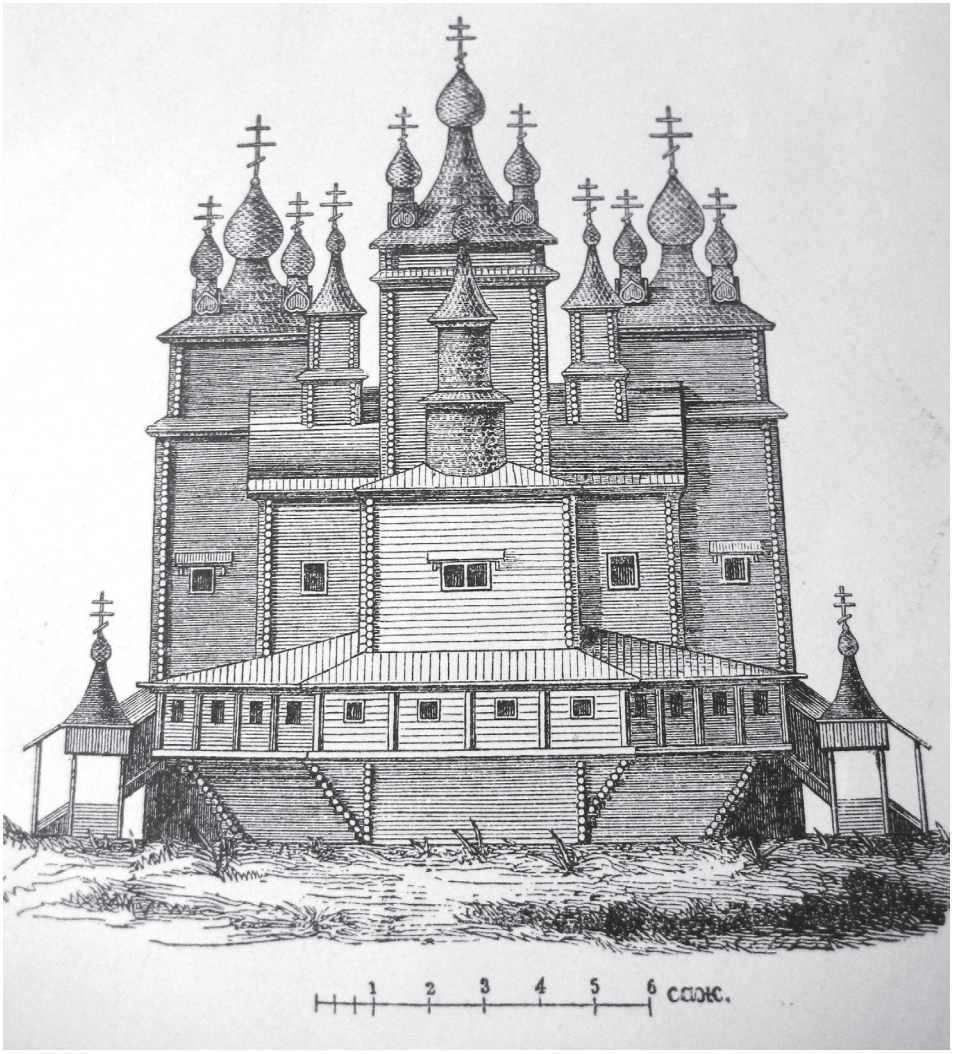
---

[1] *Харузин Н.Н* Русские лопари. С. 430.

[2] Там же. С. 428.

[3] Указ о определении губерний и провинций // Северный архив. СПб.: Типография Н. Греча, 1822. № 21. Ноябрь. С. 200.

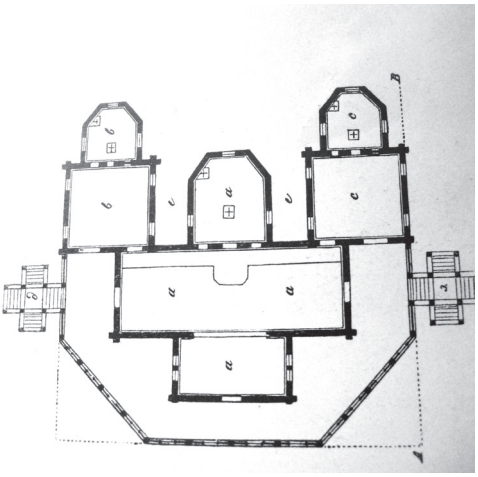
[4] *Голубцов Н.А.* К истории города Колы Архангельской губернии // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1911. № 1. С. 12. (Далее: *Голубцов Н.А.* К истории города Колы).



Двадцатичетырехглавый Воскресенский собор в Коле. Художник Т.В. Дмоховский, рис. из журнала «Иллюстрация», 1858, № 12

ным Афанасием Архиепископом Архангелогородским и Холмогорским 1685 года, который никем не подписан.

2. На южную сторону Местного Воскресенского храма придел во имя святителя Николая Чудотворца, холодный. Антиминс на полотне священнодействован бывшим Преосвященным Варсонофием Архиепископом Архангелогородским и Холмогорским 1750 года, ноября в 17-й день, который никем не подписан.



План Кольского собора 1684 года постройки. Обозначения: а – Воскресенский храм; в – придел святого великомученика Георгия Победоносца; с – придел святителя Николая Чудотворца; д – северное крыльцо; з – южное крыльцо. Из статьи А.Т. Жуковского «Кольский Воскресенский собор» в «Известиях императорского Русского археологического общества». 1861. Т. 2

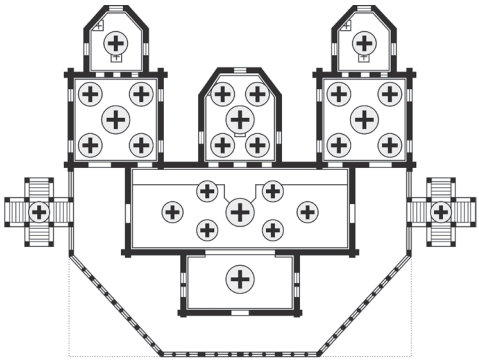
3. На северную сторону Местного Воскресенского храма придел во имя святого Великомученика Георгия, холодный. Антиминс на полотне священнодействован бывшим Преосвященным Варсонофием Архиепископом Архангелогородским и Холмогорским 1750 года, ноября в 17-й день, также оный никем не подписан»[1].

Как видим, в описании собора не указано количество главок, хотя именно они составляли главное достоинство этого храма и его узнаваемое отличие от иных образцов деревянного зодчества Русского Севера. Количество главок собора стали упоминать исследователи Севера лишь много позже, после полного уничтожения здания англичанами в войну 1854 года. Собор стали называть восемнадцати- или девятнадцатиглавым, что вряд ли соответствует истине. Подсчет главок производился, по-видимому, ориентируясь на сохранившийся рисунок западного фасада собора, при этом возможности архитектуры восточной его стороны как бы исключались. В 1888 году исследователь русского зодчества В.В. Суслов, обследовав сохранившийся фундамент и описания собора, составил план утраченного здания. Ориентируясь на этот план и учитывая общую концепцию замысла строителя, мы можем утверждать, что общее количество главок собора было двадцать семь.

Относительно иных церквей г. Колы в описи 1817 года указано:

«4. По близости означенной Воскресенской с приделами церкви с западной стороны вновь построенная на всемилостиво пожалованную

[1] ГАМО, Кольский Воскресенский приход (1684–1867 гг.), ф. 16-и.



Места расположения двадцати семи главок Воскресенского собора. (Реконструкция автора)

сумму каменная церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы в благосостоянии. Антиминс на полотне данной церкви священнодействован Парфением Епископом Архангелогородским и Холмогорским 1815 года, августа в 1-й день, который им же и подписан.

5. А позади оной, в той же связи паперти на обе стороны придел Преподобного Алексия человека Божия в благостоянии. Антиминс на атласе священнодействован бывшим Преосвященным Евлампием Епископом Архангелогородским и Холмогорским 1804 года, сентября в 15-й день, который им же и подписан».

После упразднения Кольско-Печенгского монастыря в 1764 году к Кольскому собору оказалась приписана «теплая деревянная церковь прямо городу, за рекою Колою во Имя Святыя и Живоначальныя Троицы, которая стенами крепкая, крыша же приходит в ветхость, при ней градское кладбище».

Кроме непосредственно городских церковных зданий к Кольскому собору была приписана отстоящая «к Норвежской границе зимним трактом 150 с лишним, более 200 верст при реке Печенге во Имя Срестояния Господня деревянная церковь, выстроенная над погребенным телами начальника Печенгского монастыря почитаемого в лике Преподобного Трифона и с ним двух иноков. Антиминс на полотне данной церкви священнодействован бывшим Преосвященным Рафаилом Архиепископом Архангелогородским и Важенским 1709 года, декабря в 20-й день, никем не подписан. Сия церковь утварью довольно нескудна».

Самая удаленная на запад Борисоглебская церковь, построенная преподобным Трифоном и освященная в 1565 году, также окормлялась причтом Кольского собора. «От Сретенской церкви к норвежской границе зимним и летним трактом 80 верст при реке Пазреке деревянная холод-

Часовня Всемилостивого Спаса, «холодная и ветхая». При ней знаменитый Кольский крест под сенью. Фото 1896 года

ная небольшая с папертью [церковь] во имя святых мучеников Бориса и Глеба, которая приходит уже в ветхость. Антиминс на холстине на коем напечатано священнодействован Преосвященным Саввою Епископом Архангелогородским и Холмогорским 1730 года, а после того приписано священнодействован с кончиною Саввы Епископа Иоасафом Епископом Архангелогородским 1763 года февраля в 16 день, который им же и подписан. Сия Борисоглебская церковь утварью весьма скудна»[1].

Что касается часовен непосредственно в городе, то «в верхнем конце *[в южной части. – **Е. М.**]* города Колы при устье Колы» существовала часовня «Всемилостивого Спаса холодная и ветхая, утварью скудная»[2].

«В нижнем конце *[в северной части. – **Е. М.**]* при реке Туломе» стояла часовня «во имя преподобного Трифона Печенгского чудотворца, деревянная, стенами и крышею твердая». Также часовня «принадлежащая Кольскому собору в губе Мотовской в становище Зубов во имя святителя Николая чудотворца строением твердая». Упоминается и часовня «при губе Печенгской в летнем лопском погосте во имя Воскресения Христова, твердая».

С открытием г. Александровска в 1899 году Кола стала заштатным городом. «Жизнь в Коле замерла и экономическое развитие приостановилось на долгое время»[3].

---

1 ГАМО. Ведомость о составе церквей. Ф.16-и, № 50, л. 13.

2 Там же. Ф. 16-и, № 2, л. 9.

3 *Голубцов Н.А.* К истории города Колы. С. 394.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАСШИРЕНИЕ ХРИСТИАНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

§ 1. Кузомень

«В середине XVII века часть варзужан выселились на морской берег, образовав деревни Кузомень, Тетрино и др.»[1]. Надо заметить, что изначальные названия этих мест на Терском берегу имели не столь славянское звучание, неся отголоски языка прежних хозяев этих мест – биармийцев. Так, упомянутая Кузомень на старинных картах обозначена как «Кузонема», что в подлиннике должно звучать как «Кузониема» или «Мыс Кузо» – «нарицательное имя мыса по-чудски “niemi”»[2].

Также звучит название и в документах XVI века: «Да по той же реке по Варзуге вверх тоня в Кузониме, тоня в Верхней Кузониме, тоня под сопками по конец Вичаного острова, тоня на нижнем конце и на верхнем конце Вичаного острова, тоня в Колонихе на острову»[3]. Кроме того, Кузомень называли «Нижней Варзугой».

Можно привести объяснение изначального названия Кузомень, апеллирующие ко временам весьма глубокой древности, к владычеству биармийцев. Датский историк и летописец Саксон Грамматик, изложивший в своей хронике древнейшие саги, касается в них истории государства Биармия. Так, в частности, он упоминает древнего властителя финнов и биармов князя Кузо (Finnorum Byarmorumque princeps Cuso) и его дочь Тору (Thora).

Относительно слова «кузо» можно вспомнить, как выглядит старинное копье «куза»[4] и сравнить его с формой мыса, образуемого берего-

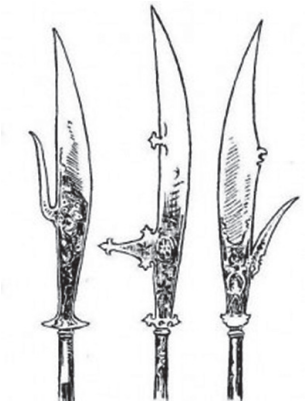
---

[1] *Штукенберг И.Ф.* Варзуга // Энциклопедический Лексикон. СПб., 1837. Т. 8.

[2] *Ефименко П.С.* Заволоцкая чудь. С. 104.

[3] Сотная из писцовых книг Василия Агалина. С. 34.

[4] Куза – европейское древковое оружие, ножевидный наконечник, насаженный на деревянное древко.



Куза – пехотное холодное оружие ближнего боя. Представляет собой ножевидный наконечник, втульчато насаженный на деревянное древко

вой линией моря и устьем Варзуги. Но это лишь одно из предположений. Поэтому, если учесть, что по-карельски ель – kuusi, то получается, что Кузниеми – Еловый мыс.

Место, обозначенное на старинных картах как Кузонема (Кузониеми), со временем трансформировалось в Кузонема, а позже и в Кузомень. Аналогичные перемены можно отметить в Пинежском уезде с названием деревни Кузомень (Кузонема), имеющей очень схожее расположение вблизи мыса на реке Пинеге[1].

Село Кузомень, Кузоменские выселки, со временем стало доминировать на всем Терском берегу, превратившись в главный центр купеческой торговли. В то же время, надо отметить, что при всем видимом материальном изобилии и достатке в селе остро чувствовалось некое скрытое духовное неблагополучие. «До такой степени пустынно, мрачно, печально, мертво, что, глядя на наше селение, думаешь: за что это Бог изволил прогневаться на бедных кузомлян!» – так писал в «Архангельских губернских ведомостях», еще в 1869 году, житель села Степан Михайлов[2].

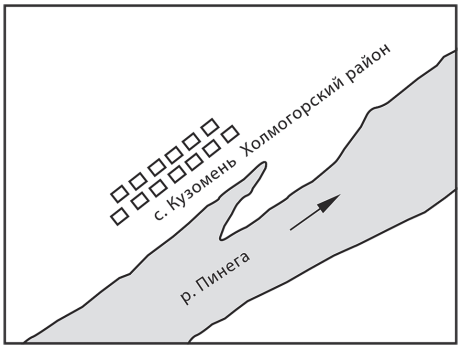
Отмечая эту особенность кузоменской жизни, нелишне привести древнее предание о некоем договоре, что заключили с «нечистой силой» в незапамятные времена рыбачившие здесь жители Нижней Варзуги (Кузомени). Это предание о так называемой «кицкой женке», или о «Машке-Кицке» – демоне, являвшемся в женском обличии в районе впадения реки Кицы в Варзугу.

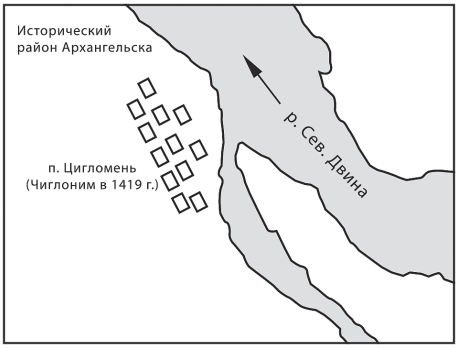
Этот водяной бес был хорошо известен и лопарям: «Во всякой воде, будь то озеро или река, живет сациене. Она является людям в образе нагой женщины, расчесывает свои волосы “хорошим” гребнем. Лицо у ней белое, чистое, волосы черные»[3]. Это языческое наследие магической цивилизации биармийцев (чуди) воспринималось большинством поморского населения как печальный пережиток, который может быть нейтра-

[1] Аналогичные происхождения множества названий северных деревень при мысах на реках: Ярнема на Онеге, Пылема на Мезене, Олема на Вашке и др.

[2] Из Кузомени // Архангельские губернские ведомости. Архангельск, 1869. № 32.

[3] *Харузин Н.Н.* О нойдах у древних и современных лопарей. С. 61.





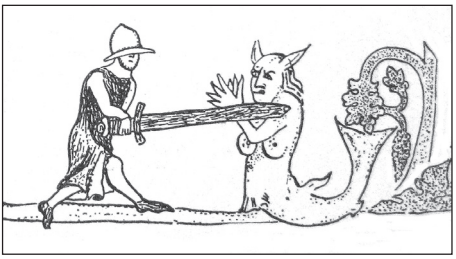
лизован лишь полноценной церковной жизнью. Именно об этом говорит присказка тех мест: вся та нечисть обессилела, когда «обрусела от чуди»[1].

Правда, порой страсть к наживе брала верх над христианской совестью, и служение древним «богам» возвращалось. «*Чтобы получать лучшие уловы семги, договорились местные рыбаки приносить этой речной "богине" в жертву людей. Такие жертвоприношения продолжались ежегодно до тех пор, пока в реках Варзуге и Кице не стали ловить семгу соловецкие монахи*»[2]. То есть с конца XV века молитвами соловецких монахов сила бесовская была нейтрализована, и действие страшного договора было приостановлено.

В 1764 году императрица Екатерина II утвердила так называемые духовные штаты, в результате чего «имения от монастырей отобраны были безвозвратно». Соловецкие монахи, в течение почти трех столетий определявшие жизненный уклад и духовное благополучие этих мест, покинули Кузоменские тони. И вскоре, как полагают сведущие люди, в погоне за богатством кузоменские купцы Заборщиковы решились возобновить древний договор с «кицкой женкой». «*Приношения людей в жертву "Машке-Кицке" начались снова; о том, кого приносили в жертву этому божеству, говорили, обыкновенно, что он утонул*». Факт такого жертвоприношения был отмечен в 20-х годах XIX века. О том, много лет спустя, вспоминали очевидцы: «*Кто-то из Заборщиковых отдал "Кицке" мальчика Петра,*

[1] Об этом процессе «обрусения» см.: *Максимович М.А.* Откуда идет Русская земля. По сказанию Нестеровой повести и по другим старинным писаниям русским. Киев: Университетская типография. 1837. С. 72.

[2] Архангельский миф о Машке-Кицке // Архангельские губернские ведомости. Архангельск, 1872. № 76. (Здесь и далее ссылки на этот источник будут выделяться курсивом). Сообщается, что договор этот в древности заключили владельцы семужных «заборов», от которых пошла известная фамилия жителей этих мест – Заборщиковы.



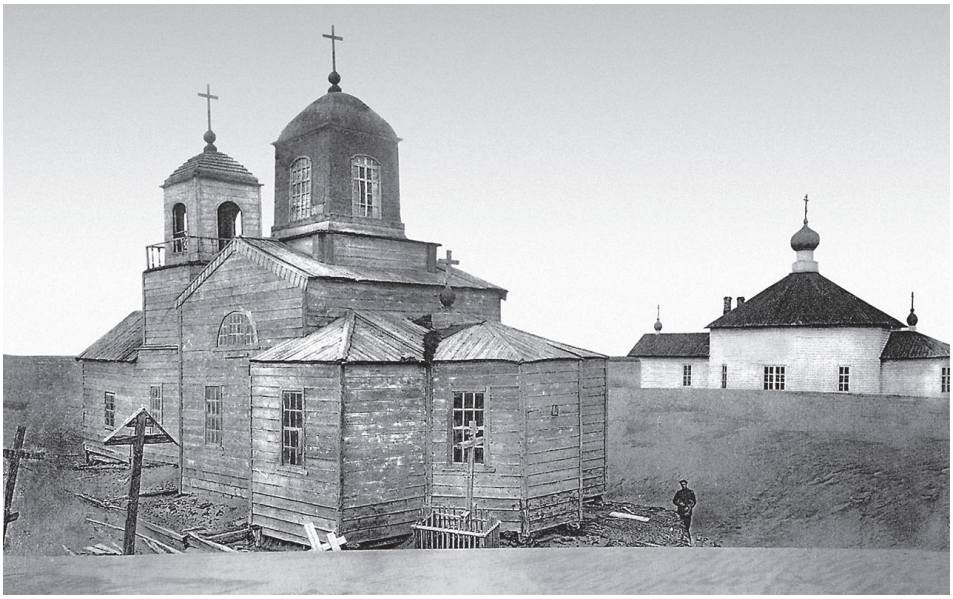
Водяной демон в женском обличье был известен и жителям Скандинавии. Рис. из книги: Bugge Alexander. Norges historie (800–1030) fremstillet for det norske folk I-2. Utgitt av Aschehoug i Kristiania, 1910

Водяная богиня, как видим, пользуется «хорошим зеркалом». Рис. из книги: Lilienskiolds Speculum boreale // Finnmark omkring 1700. Bind 2. Nordnorske samlinger utgitt av Etnografisk museum. Bd. IV. Oslo, 1945

сына помора Козьмы Дорофеевича Попова, но в этот раз брошенный в реку подросток спасся самым удивительным образом. И более того, он неизвестно как оказался в Соловецком монастыре, о чем его скорбящие родные узнали много позже»[1]. Полагают, что именно об этом «неизвестном отроке» сообщается в сборнике чудес соловецких угодников, упоминая событие, произошедшее в 1822 году. Великая сила заступничества соловецких святых, явленная в этом чуде, на время положила конец человеческим жертвам, приносимым на реке Кице. Много позже они возобновились, но уже в масштабе всей страны после 1917 года.

Со второй половины XIX века в материальном плане у людей все было «в порядке», а в духовном, как мы упоминали выше, «пустынно, мрачно, печально, и мертво». Вскоре к кузомлянам прилепилось прозвище «песочники»: на село стали неумолимо надвигаться страшные песчаные барханы. Этот «песок забвения», как символ духовной пустыни и отступления от веры предков, двинулся на село и начал свою неумолимую разрушительную работу. «Кицкая женка» вновь набирала силу, готовясь взять реванш над ненавистной Церковью Христовой. Революционные идеи и безбожие конца XIX – начала XX века раньше всех и в наибольшей

[1] *Архангельский миф о Машке-Кицке.*



Церковь великомученика Димитрия Солунского и Покровская церковь с. Кузомени перед их разорением в 30-е годы XX века

степени поразили именно жителей Кузомени. Диковинные для иных поморских сел кружки «эсеров», «марксистов», «почитателей идей князя Кропоткина» и прочие тому подобные в Кузомени набирали все большую силу, разрушая древний православный уклад поморов. После безбожного XX века от четырех церквей села не осталось даже малейшего следа, чего не случилось ни с одним поселением Терского берега. Сейчас в Кузомени построена заново Сретенская церковь.

Кузомень наряду с Варзугой являлись церковно-административными центрами. И если северо-западная часть Кольского края замыкалась на волость Колу, то юго-восток края имел центр в Варзуге, а с 1887 года в Кузомени.

Именно в этом году было завершено строительство и освящена новая церковь святого великомученика Димитрия Солунского. Церковь пятиглавая, в плане крестообразная, с приделами во имя Всемилостивого Спаса и во имя святого благоверного князя Александра Невского. Эту церковь прихожане Кузомени решили построить в селе «в память мученической кончины» царя-Освободителя Александра II, убитого революционерами-террористами в 1881 году. Дмитриевская церковь стала главным храмом второго благочиния Кольского уезда.

Свято-Троицкая церковь с. Тетрино.
Фото 1908 года

§ 2. Тетрино

На рукописной карте берегов Кольского полуострова Вильяма Боро 1557 года на месте нынешнего села Тетрино стоит обозначение «Tetrene noze». Так английский капитан записал на слух русское название – Тетрин Нос. Чуть позже на карте Симона ван Салингена уже пишется знакомое «Tetrina». Вскоре появляется первая информация о заселенности этого места, которое упоминается «в середине XVI века как соляная варница старца *[монаха. –* ***Е. М.****]* Николо-Корельского монастыря Ефрема»[1].

Название села Тетрино появилось уже во времена российского доминирования на Терском берегу и связано, по-видимому, со старинным названием птицы тетерев – тетревя[2]. Обилие боровой дичи в этих местах, особенно в те времена, факт несомненный.

До 1660 года на месте нынешнего селения Тетрино существовали рыбацкие тони Варзужской волости. «Варзужские ж волости старые угодья по морскому берегу… на другой стороне Варзуги реки на морском же берегу… тоня Тетрин Крестовая, тоня Тетрин Губка, половина речки Каменки»[3].

С 1660 года здесь, близ устья речки Каменки, обосновались на постоянной основе варзужские «патриаршие» крестьяне из тех, «двух третей Варзужской волости со всеми людьми», что в 1619 году отошли к «Великому Государю Святейшему Филарету Никитичу, Божиею милостию Патриарху Московскому и всея Руси»[4]. Таким образом было положено на-

[1] *Ушаков И.Ф.* Историко-краеведческий словарь. С. 267.

[2] Тетревя, тетрев (древ.-слав.) – тетерев, тетеря. Дьяченко. Словарь. С. 716. Также и на карельском Tetrin – «тетеревиное».

[3] Сотная из писцовых книг Василия Агалина. С. 4.

[4] Царская жалованная грамота патриарху Филарету, на две трети Варзужской волости. 1619 ноября 20 // Русское слово. СПб., 1864. Март. С. 79.

Восстановленная Троицкая церковь с. Тетрино. Фото 2015 года

чало постоянному поселению – «слободке Тетрино». Слобода (свобода) – «свободное поселение», поскольку статус Патриаршей вотчины давал свободу от государевых податей.

Согласно преданию, Троицкая часовня у реки Каменки стояла здесь с давних времен. Упоминается она и в ведомости 1812 года: «В том же приходе (Варзужском) в Тетринской деревне имеется одна деревянная часовня во имя Живоначальныя Троицы, и во оной святых образов небольшое количество»[1]. Таким образом, ближайшая полноценная церковь находилась в Варзуге, и жители поселения Тетрино были приписаны к варзужскому Петропавловскому приходу. В 1782 году в деревне насчитывалось 43 жителя.

Лишь в 1844 году Архангельская Консистория образовала самостоятельный тетринский приход, объединив жителей деревень Тетрино, Чаваньга, Стрельна, Чапома и Пялица. В этой связи крестьяне нового прихода на собственные средства построили церковь во имя Святой Троицы, которая была освящена 17 декабря 1845 года.

[1] ГАМО. Ведомость о составе церквей. Ф.16-и, № 2, л. 4.

Вновь построенная Михайловская церковь с. Чаваньги. Фото 2011 года

Историческое прозвище тетричан – «собаки». Объяснения этому можно услышать самые разные: «Раньше в Тетрино было много собак, оттого и прозвали: собаки. А еще и говор лающий»[1]. Надо сказать, что бытовало не прозвище «собаки», а словосочетание «тетринские собаки». Поэтому более верным следует считать объяснение поморов, свидетельствующих, что приближение лодок, подходящих по морю к Тетрино, всегда встречал лай тетринских собак, первыми замечающих чужаков.

§ 3. Чаваньга

На рукописной карте берегов Кольского полуострова Вильяма Боро в 1557 году на месте нынешнего села Чаваньга было нанесено обозначение «Chavon» – Чавонь.

В документе 1575 года упоминается «река Чавонга, а в ней забор, да тоня в реке ж, на усть тое ж реки Чавунги по обе стороны две тони»[2]. До 1764 года река Чаваньга и рыболовные семужьи тони на ней находились в вотчинном владении Соловецкого монастыря. В 1764 году указом императрицы Екатерины II «имения от монастырей отобраны были безвозвратно». Соловецкие монахи покинули чаваньгские тони, и на освободившемся месте начали активно селиться жители Варзуги.

В 1855 году в Чаваньге уже насчитывалось 19 дворов, а к 1871 году их стало 28.

---

[1] *Власова М.Н.* Прозаический фольклор Терского берега Белого моря (по записям 1982–1988 гг.) // Русский фольклор. СПб., 2004. Т. XXXII. С. 351. (Далее: *Власова М.Н.* Прозаический фольклор Терского берега).

[2] Сотная из писцовых книг Василия Агалина. С. 4.

В 1863 году чаваньгские крестьяне на собственные средства построили первую церковь во имя Архистратига Божия Михаила. В 2013 году Свято-Михайловская церковь села восстановлена силами жителей Чаваньги.

§ 4. Чапома

Введенская церковь с. Чапома 1873 года постройки. Деталь фото А. Петрелиуса, 1887

Надо сказать, такого названия на древних картах Кольского полуострова вплоть до начала XVII века не встречается. Лишь в 1635 году на карте W. Janszoon между рекой Стрельной («Strelna reka») и Пялицей («Pelitte») обозначена «Caponze reka», что может быть идентифицировано как нынешняя река Чапома. Письменные источники упоминают на этом месте «тонь "с заборишком" *[семужий забор на реке. – **Е. М.**]* в 1563 году»[1].

Историческое прозвище жителей Чапомы – «ворона». «Поселились они "у вороньего болота" – не зря чапомские воронами названы, ворон, где падина, там и летает»[2].

В 1581 году значительные территории Варзужской волости были отписаны Свято-Троицкому Сергиеву монастырю. К обители отошли «на оброк», то есть в пользование за особую плату, вносимую в царскую казну, 29 тонь и четыре реки, в том числе и Чапома, которая до того находилась в аренде у двинян.

Своя церковь в Чапоме появилась лишь в 1873 году. Чапомские крестьяне на собственные средства построили церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы – теплую, в виде корабля.

§ 5. Пялица

Если в давние времена господства биармицев на Кольском полуострове рубежом их владений и территорий расселения лопарей была река Варзуга, то к XIV веку корелы и новгородцы Поморья значительно продвинулись на восток Терского берега, и вскоре восточной границей между тоневыми участками поморов[3] и саамов на Беломорском побере-

[1] *Ушаков И.Ф.* Историко-краеведческий словарь. С. 305.

[2] *Власова М.Н.* Прозаический фольклор Терского берега. С. 351.

[3] Тоневой участок, тоня – место рыбного промысла, участок, на котором стояла жилая изба

Сруб колокольни церкви Зосимы и Савватия Соловецких в с. Стрельна. Фото В. Вдовина

жье становится новый «лопский рубеж», проходящий по реке Пялице. «Речка Пялица, а в ней заборишко, половину тое речки ведают варзужане, а другую половину тое речки ведают терские лопари, то им межа»[1].

Этот рубеж сохранялся долгое время и находился под контролем царских властей, хотя временами в официальных документах река Пялица переименовывалась на «среднерусский» манер – «Поляница». «Ныне мы Великий Государь отдали отцу нашему Великому Государю Святейшему Филарету Никитичу, Патриарху Московскому и всеа Руси, в Варзуге ж крестьян, в Мурманском конце, по речку Поляницу, половину той речки ведают варзужане, а другую половину той речки Поляницы ведают терские лопари, то им и межа»[2].

До появления церковного здания в деревеньке стояла часовня, упомянутая в 1812 году: «При том приходе (Понойском) в деревне Пялицы часовня во имя Святителя Христова Николая Чудотворца расстоянием от приходской церкви за 200 верст, от Варзугского прихода за 120 верст»[3].

В 1861–1863 годах «на сумму Святейшего Синода» построили церковь во имя святителя и чудотворца Николая. В храме стоял двухъярусный иконостас, «золоченый по синему фону, размером 6,4х6,4 м; деисус на нем – риза и венцы серебряные весом 1,3 кг; храмовая икона – под серебряной ризой весом 820 г; образ Всех Скорбящих Божией Матери, риза на нем серебряная 84 пробы весом 1,6 кг. Паникадило медное о 20-ти подсвечниках весом 4,1 кг. Церковь теплая, крытая на два ската, одноглавая, колокольня над папертью с тремя колоколами, весом 164, 20 и 3 кг. Длина храма (с алтарем и папертью) 17 м, ширина 6,4 м, высота до креста 17 м; 6 окон, крыльцо; главка с крестом над алтарем; здание окрашено красной краской, внутри оштукатурено и побелено мелом»[4].

с амбаром и иными необходимыми постройками для длительного проживания при сезонном лове рыбы.

[1] Сотная из писцовых книг Василия Агалина. С. 37.

[2] Царская жалованная грамота патриарху Филарету, на две трети Варзужской волости. 1619 ноября 20 // Русское слово. СПб., 1864. Март. С. 80.

[3] ГАМО. Ведомость о составе церквей. Ф.16-и, № 50, л. 11.

[4] *Ушаков И.Ф.* Православие на Кольском Севере.

§ 6. Стрельна

Река Стрельна с XVII века известна как промысловая семужья тоня Соловецкого монастыря (изба и амбар). В 1846 году жило одно семейство Котловых из 9 человек. В 1855 году уже было 5 дворов и 33 жителя. Историческое прозвище жителей п. Стрельны — «чирки». «В Стрельне тучи чирков *[самые маленькие из речных уток. – **Е. М.**]* были. Яиц не брали, грехом считали. Попы в проповедях учили: "нельзя гнезда разорять"»[1].

Первая церковь в п. Стрельне во имя Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев, в 1889 году «усердием крестьян Якова Ивановича и Константина Сергеевича Стрелковых» выстроена из часовни. Обязательное богослужение велось и ранее, в часовне: 17 апреля (память преподобного Зосимы Соловецкого), 8 августа (перенесение мощей Зосимы и Савватия) и 27 сентября (память преподобного Савватия Соловецкого).

Регулярность богослужений в часовне служила побуждающим мотивом для создания церкви. С разрастанием селений часовни часто перестраивали под церкви: устраивали алтарь, ставили иконостас, надстраивали верх, подвешивали колокола и освящали здание церкви. Так, помимо Стрельны из часовен возникли церкви в 1898 году на Кильдине и в 1866 году в Кашкаранцах.

В 1915 году в приходе состояло 13 дворов и 86 человек.

Сейчас от стрельнинской церкви сохранился только сруб колокольни.

§ 7. Кашкаранцы

Село Кашкаранцы в своем названии как бы не оставляет нам вариантов этимологии: столь явственно звучит известное тюркское слово «кашкар» – волк. Окончание названия, «-цы», свидетельствует о его значительной древности. «В период с XII по XIII вв. в географических названиях становятся популярны суффиксы "-ец" и "-цы". Так, например, поселки Юрьевец, Любец и др. известны с XII века»[2].

Высказывалось предположение о присутствии здесь так называемого патронима с суффиксом «-цы». То есть слово «Кашкаранцы» означает жителей места Кашкарань. Хотя известно, что Поморье имеет свои речевые особенности: «В поморской речи обращения по месту житель-

[1] *Власова М.Н.* Прозаический фольклор Терского берега. С. 351.

[2] *Голубев В.И.* Методика изучения и толкования географических названий, или топонимия. Ковров, 2005. С. 34.

Надпись «Stuls lant» (лат.) на месте мыса Кашкаранский. Деталь карты 1601 года

ства звучат как: варзужана, кашкарана, кузречана»[1].

На карте XVI века известного голландского купца и путешественника Яна Гюйгена ван Линсхотена мы впервые можем обнаружить географическое обозначение этого места – «Stuls lant». В переводе с латыни это означает место, где «использовали дураков», то есть кого-то обманули. Трудно сказать, что это за история. Позднее, с начала XVII века, на европейских картах уже появляется название «Cascarans» (например, на шведской карте Andreas Bureus 1626 года). При этом надо сказать, что в «Книге Большому Чертежу» это место упоминается как «Каранцы».

В XV веке эта местность принадлежала новгородской боярыне Марфе Борецкой, которая в 1470 году передала свою вотчину Соловецкому монастырю. В этой грамоте впервые упоминается рыбацкая тоня на Кашкаранском мысу: «По морскому берегу рыбные ловища, землю и воды, и пожни и лешей лес: тоню Каменную, тоню Кашкаранской наволок, тоню Точильной ручей»[2].

Писцовые книги в 1575 году отмечают, что район Кашкаранского наволока по-прежнему принадлежит Соловкам: «По морскому берегу от Умские межи, от реки от Оленицы, к Варзуге реке тони Спаские Соловецкого монастыря старцов, к Кашкаранцам едучи: тоня Каменная, тоня Кашкаранской Наволок, тоня Точильной Ручей. Всего три тони, а ловят они на тех тонях красную рыбу семгу на монастырь. Дань и оброк с тех тонь, и за десятую рыбу оброк в государеву казну не идет по государевой по жаловальной грамоте. К сей сотной грамоте царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси велел печать свою приложити лета 7083 [1575] мая в шестый день»[3].

В 1802 году путешественник и исследователь Кольского полуострова

[1] *Коренева А.В.* Обращения в речи терских поморов // Русская речь. 2008. № 1. С. 90.

[2] Северные грамоты XV века // Летопись занятий Археографической комиссии за 1927–1928 годы. 1929. Т. XXXV. С. 129.

[3] Сотная из писцовых книг Василия Агалина. С. 38.

Новгородская каменная икона XV века

А.П. Пошман, побывав в этих краях, писал о поселении Кашкаранцы: «Место сие, как становище рыбных промышленников, знаменито в рассуждении весьма удобного стояния, но только недостаток есть в воде. Берут оную из колодезя, а если много надобно, то версты за две ходить надо в лес»[1].

Этот расположенный рядом с Тихвинской церковью колодец особо почитаем в Кашкаранцах с древних времен. И хотя ныне в селе есть иные колодцы, этот имеет воду особых качеств, и это не случайно. Как показали изыскания, проводившиеся при реставрации церкви в 2004 году, водоносная жила, идущая к колодцу, берет начало в пригорке над могилой трех кашкаранских святых, что покоятся под зданием церкви.

На Кашкаранском мысу довольно долго не было постоянного поселения. Даже в конце XVII века, «в 1684 году селение это состояло лишь из одного монастырского двора, где жил "дворник" (монастырский крестьянин) с двумя сыновьями»[2]. До «Соловецкого сидения» этим монастырским двором заведовали соловецкие монахи, но после бунта 1676 года иноков перестали отправлять на столь дальние скиты.

Упомянутый «дворник», заведующий монастырским двором, – родоначальник ныне известной в Кашкаранцах фамилии Дворниковых. Дворник этот и был хранителем Тихвинской часовни, в которой каждую весну и осень на молитву собирались ватаги промышленников, пришедших для

[1] *Фон-Пошман.* Архангельская губерния. 1802 год // Архангельские губернские ведомости. 1873. № 31.

[2] Географический словарь Кольского полуострова. Л., 1939. Т. 1. С. 41.

сезонной охоты на морского зверя. Часовня была срублена вместительной, ибо многочисленные промысловые артели, прежде чем уйти в море на столь опасный промысел, считали своим долгом помолиться Божьей Матери Одигитрии Тихвинской и испросить помощи у трех преподобных иноков.

Внутри Тихвинской часовни над местами святых захоронений были установлены три раки-гробницы. «Над погребенными иноками гробницы, потянуты пеленами тавты красной *[плотная шелковая ткань. – **Е. М.**]* с подкладью пряденою, во все стороны три с половиной аршина»[1].

В Тихвинской часовне, по описанию 1802 года, можно было увидеть некий древний «образ Тихвинской Богоматери на камени в киоте»[2] – то есть икона была написана на камне. Предыдущая опись 1801 года была более точна и поясняла, что икона эта «на плитье»[3]. Надо понимать, речь идет о знаменитом терском плитняке – красных плитах терского песчаника. Была ли икона писаной или резной, понять трудно. Во всяком случае, у новгородцев имелась традиция резьбы икон по камню[4].

Как показали археологические изыскания, производившиеся в 2004 году в ходе восстановления церкви, упомянутый первый «дворник», его жена и сыновья похоронены у восточной стены часовни. После пристройки в XIX веке алтаря к часовне их могилы оказались под алтарем, где пребывают и поныне. Нательный крестик того «дворника», родоначальника кашкаранской фамилии Дворниковых, – ныне одна из святынь Тихвинской церкви. (11)

В 1839 году в селении было 13 домов, в 1854 году – 18, в 1900 году – 37, в 1914 – 60, жителей 317 человек, основной доход получали от промысла «семги и нерпы». Приходская церковь построена в 1895 году. Школа открыта в 1899 году.

Историческое прозвище жителей села – «мякинники», и связано это название с репой. «Кашкараны – мякинники: садили репу, всю ботву сдирали и как капусту солили»[5]. До появления в Карелии и на Поморье картофеля репа была важнейшим продуктом питания. Репу на Терском

---

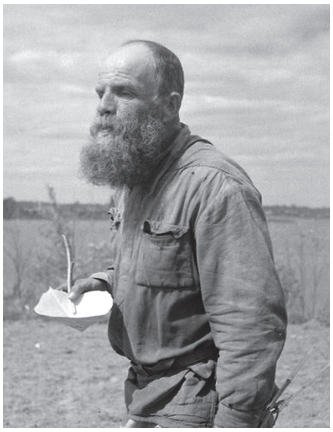
[1] ГАМО. Опись 1802 года. Ф. 8-и, оп. 1, д. 20, л. 13 об.

[2] ГАМО, ф. 8-и, оп. 1, д. 20, л. 13 об.

[3] Там же. Д. 40, л. 1–2 об.

[4] Две каменные новгородские иконы // Труды Новгородского церковно-археологического общества. Новгород, 1914. Т. 1. С. 5.

[5] *Власова М.Н.* Прозаический фольклор Терского берега. С. 351.



Сеяние репы. Фото начала XX века

берегу сажали в большом количестве, и сеять ее было большим искусством. Семена сначала пропитывали еловой живицей, чтобы их не склевали птицы, а затем сеятели шли по полю, равномерно выплевывая изо рта семена. Хорошие сеятели славились по всей округе. В Кашкаранцах же активно употребляли в пищу не только сам корнеплод, но и ботву, заквашивая ее и используя для знаменитых супов – ботвиний. Название мякина (мятина), как малосъедобный продукт отхода зерновых и бобовых на Поморье, где зерновых не знали, стало усваиваться ботве репы и иных корнеплодов.

Что касается картофеля, составляющего сейчас основу повседневного рациона жителей Терского Поморья, то эта культура была введена в Архангельской губернии принудительно. В 1765 году «по Указу Правительствующаго Сената велено земляные яблоки, которые в Англии называются потетес, сажением размножать, дабы в случае хлебного недостатка некоторое подспорье сделаться могло»[1].

Завершая тему питания на Поморье, упомянем очень строгое соблюдение церковных постов. В периоды поста жители Поморья питались «ржаными шаньгами с ягодами, волнухами, репой и картошкой». Карелы, кроме того, «готовят “рокку” (мучную похлебку) и похлебку из репы»[2]. Надо отметить, к концу XIX века в поморских селах чисто карельских семей оставалось не более 10 %.

[1] Из дела архангелогородского губернатора Е. Головцина. Оп. № 13 // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1909. № 1. С. 23.

[2] Керетский приход Кемского уезда // Архангельские епархиальные ведомости. 1909. №. 24. С. 763.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ВЛАСТЬ И КОЛЬСКИЙ СЕВЕР

§ 1. Политическая ситуация на Кольском Севере к началу XV века

Исторически, со времен общего варяжского прошлого, наиболее близкой нам страной была Норвегия[1]. Однако ситуация стала принципиально меняться с 1397 года, когда Швеция, Дания и Норвегия объединились в так называемую Кальмарскую унию, в результате которой был коронован единый король трех скандинавских стран – Эрик Померанский (правил до 1442 года). Таким образом, с этого момента Руси стали противостоять объединенные силы Унии.

Эрик Померанский, первый король, возглавивший Кальмарскую унию

Вся внешняя политика короля Эрика была сосредоточена на одной задаче – всемерно бороться с Ганзейским союзом немецких вольных городов. Ситуация обострилась после заключения Данией позорного Штральзундского мира в 1370 году, когда попытка обуздать влияние Ганзейского союза на Балтике закончилась неудачей. В той войне Ганза сумела собрать (по сути, купить) столь большой флот, что без труда жестоко разорила норвежские побережья, а затем захватила и Копенгаген. Это военное поражение привело к небывалой немецкой экономической и политической экспансии в Скандинавии. Вольные города Ганзы практически монополизировали торговлю на Балтике и Севере Европы.

[1] Можно привести известное наблюдение: «шведы – это англичане Скандинавии, датчане – французы, а норвежцы – русские Скандинавии».

Гербы Швеции, Дании и Норвегии – стран, входивших в Кальмарскую унию (с 1397 по 1523 год)

Крепость Вардехус.
Рисунок худ. Peder Balke. Vardhus Fortress, 1870

Говоря об этом смертельном противостоянии Ганзы и Скандинавии, следует напомнить, что Великий Новгород был одним из главных торговых зарубежных партнеров Ганзейского союза. Близкими по масштабу сотрудничества были лишь три города Европы – Берген, Брюгге и Лондон.

Новгородские купцы, естественно, остро нуждались в торговых путях и безопасных стоянках на южном побережье Финского залива, которыми и стремились овладеть шведы, дабы стать посредниками между Новгородом и Ганзой.

Заключенная скандинавскими странами Уния позволила в полной мере использовать близость берегов Северной Норвегии для угрозы новгородским владениям в Заволочье и на Кольском полуострове. Учитывая, что главные обороты торговли Руси и Ганзы достигались за счет вывоза пушнины и воска (реже – кожи, льна, пеньки и шелка), можно понять, сколь стратегически важной для новгородских промышленников была земля Крайнего Севера.

В русле этой политики в норвежском поселении Вардё, основанном на западном берегу Варангер-фьорда в 1307 году королем Хаконом V, была построена и всячески укреплялась крепость, изначально называвшаяся Varghøya. Позже ее стали называть Vardøhus Fortress – Вардехус (Vardøhus – «дружинный дом», или по-поморски – Варгав).

Немаловажным фактором, провоцировавшим норвежцев на военные столкновения, служили частые вторжения некрещеной, языческой коре-

Самая северная в мире крепость Вардехус (Vardøhus Fortress). Вид с высоты птичьего полета. Такая конфигурация укрепления с угловыми бастионами появилась в конце XV века

лы вглубь норвежской территории. Являясь номинально российскими поданными, они подчас под видом сбора податей с саамов, откочевавших в Галогаланд, совершали открытые грабежи и насилие в поселениях самой северной Норвегии.

Нет сомнения, что в противостоянии шведским амбициям на севере Норвегии участвовали и жители русского двинского «Заволочья», поскольку со времени упомянутой Кальмарской унии Норвегия уже воспринималась как единое государство со Швецией. Шведы же непрестанно атаковали и грабили новгородские территории в Финляндии, пригороды Новгорода, погосты в Корелии[1].

§ 2. Противостояние норвежского Галогаланда и Терского Поморья. Разорение 1419 года

Начиная с первых письменных свидетельств IX века, с упомянутого путешествия Оттара, норманы ходили на Терское побережье и, конечно же, посещали Варзугу. Причиной известного по летописям похода «мурманов» на Белое море в 1419 году стала месть. Это была ответная вылазка жителей норвежского Галогаланда с целью разорения новгородских «корельских» погостов на беломорском побережье.

В предшествующие годы, и особенно в 1411 году, шведы особо интенсивно совершали вылазки в новгородские земли. Была уничтожена крепость Тиверский городок в Карелии (фин. Tiurinlinna). В ответ было разорено и сожжено шведское поселение Выборг, хотя при этом сама крепость устояла. Одновременно с действиями главных сил у Выборга еще один удар был нанесен на севере: «ходиша из Заволочья войною на Мур-

[1] В 1392 году шведы приходили на Неву и взяли села по обе стороны реки. В 1395 году нападение на город Яму. В 1396 году нападение на Корельскую землю, где повоевали два погоста. В 1397 году взяли семь сел у города Яма. (См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Том 4. Глава 1).

мане новгородским повелением, а воевода был Яков Степанович, посадник Двинский. И повоеваши их»[1].

Таким образом, ответный поход «мурманов» 1419 года на Варзугу и Беломорье явился следствием этого военного похода Якова Степановича в Северную Норвегию. Время похода было выбрано удачно: Новгород приходил себя после тяжкой междоусобной смуты 1418 года, когда «от ужаса того страшного и от мятежа того великого всколыхнулся весь город»[2].

В свою очередь, жители Галогаланда жаловались королю Эрику Померанскому: «Извещаем Вашу Милость о той опасности, которая угрожает Финнмарку и Галогаланду из-за русских и язычников, которые давно причиняют нам жестокий вред и против которых мы без помощи Бога и Вашей Милости больше не можем защищаться из-за нашей бедности. Мы воюем против них и зимой, и летом, не имея иной помощи, а только лишь силами нашего бедного простого народа и нескольких Ваших уполномоченных. Они не хотят заключать с нами мир и отказываются даже от некой приемлемой мировой сделки, не считаясь с тем миром, который они заключили с Вашей Милостью. Так что здесь они перебили Ваших людей, похитили женщин и причинили много вреда. Но, надеясь на Бога, мы, Ваш бедный простой народ, от Вашего имени отомстил за то зло, которое они нам причинили»[3].

Надо отметить, при таких вылазках с Запада именно православные христиане Руси, или «схизматики», отметающие власть Папского престола, воспринимались «немцами» как первоочередной объект уничтожения, даже по сравнению с языческой корелой: «Немец, побиша Русь, новгородцов много и ладожан гостей, и кто жил хрестиян в Кореле *[ныне г. Приозерск. – **Е. М.**]*, побежале в Немецкий городок *[ныне г. Выборг. – **Е. М.**]* и там много посекоша хрестиян из городка»[4].

Это вполне объяснимо и с политической точки зрения: некрещеный народ – это объект миссионерства, потенциальные поданные Швеции,

---

[1] Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Л., 1950. С. 399. Надо сказать, вскоре, в 1415 году, еще один серьезный поход новгородцы совершили в шведские земли в северной части Ботнического залива.

[2] Рассказ о восстании в Новгороде в 1418 году // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. С. 288.

[3] *Lange C.A. og Unger Carl R., Chr.* Diplomatarium Norvegicum. Oldbreve, til kundskab om Norges indre … Christiania, 1849. № 670. S. 483. (Перевод С.Э. Фосхейма по просьбе автора).

[4] Софийская Первая летопись. Вып. 1 // ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1926. Т. 5. С. 212.

в то время как народы, обращенные в православие, – это поданные Руси, независимо от того, корелы они, зыряне или лопари. Собственно, с самими корелами скандинавы ссориться и воевать никогда не хотели, стараясь разыгрывать корельскую карту в войне против русских. Как и положено язычникам, корелы любили войну как возможность повысить свой социальный статус и пограбить, частенько при этом переходя на сторону противника.

Другое дело – созданные русскими православные поселения (погосты) с церквями и часовнями и тем более скиты, подворья и иные очаги российского монашества. Они сразу блокировали любую возможность миссионерства, лишая Запад перспективы государственной экспансии северных территорий. Именно поэтому первоочередным объектом разорения всегда выбирались монастыри или их погосты. И в данном случае, в 1419 году, был выбран погост Корельского Никольского монастыря, где «христиан черноризиц посекле», хотя для этого «мурманам» пришлось проделать весьма немалый путь.

При этом надо еще раз подчеркнуть, что к тому времени Корельский погост, равно как и Корельский монастырь, к самим корелам отношение уже имел весьма опосредованное. Что, естественно, не исключает присутствия (или даже доминирования) среди насельников монастырей и погостов природных корелов. К 1419 году эти края были уже российской территорией по признаку православного вероисповедания. Еще задолго до описываемых событий земли, где находился Николо-Корельский монастырь, в так называемом Заволочье[1], именовались Двинской землей (вовсе не Корелией)[2]. Корелы к этому времени населяли огромные территории, именуемые Корелией, но она простиралась западнее Северной Двины, и крайним пунктом территории был погост Нёнокса. Поэтому название Никольского монастыря – Корельский – свидетельствует лишь о большой древности основания этой обители. И погост в Варзужском поселении назвался Корельским уже не по национальному признаку, а по принадлежности Корельскому Никольскому монастырю[3].

Нет сомнений, что в те времена главной движущей силой всех подобных походов с обеих сторон было желание обогатиться за счет грабежа. И самым удачным предприятием считалось то, в ходе которого удавалось захватить казну или собранный к определенному сроку годовой налог или дань. В этом смысле поход новгородцев 1318 года в тогдашнюю столицу Финляндии («город сумьского князя») и город правящего епископа («пискупль») можно признать исключительно удачным[4]: был захвачен церковный налог папской курии, собиравшийся в течение 5 лет, так называемый «ромскотт», или «динарий святого Петра».

Спустя 100 лет с аналогичной целью – «сорвать банк», похитить всю лопарскую дань – был спланирован и поход «мурманов» в Варзугу в 1419 году.

Воинственный корельский народ не забыл этого жестокого разорения. Но ответный шаг «варзугская корела» сделает лишь спустя 25 лет,

---

[1] Заволочье – историческая область в XI–XIV веках в бассейне Северной Двины и Онеги, за многочисленными «волоками», входившими в систему водного пути, идущего от Новгорода и иных средневековых городов России на Белое море. С XII века входит в состав Новгородских земель.

[2] См. перечень поселений на Двинском берегу Белого моря в Уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича Двинской земле за 1397 год (ГПБ, сборник О. IV. 14, л. 14–16).

[3] И в настоящее время этот монастырь носит название Корельский, хотя и принадлежит Архангельской епархии.

[4] «В лето 6826 [1318]. Ходиша новгородци войною за море, в Полную реку *[р. Аурайоки. – **Е. М.**]*, и много воеваша, и взяша Людерев *[г. Або, ныне Турку. – **Е. М.**]* город сумьского князя и пискупль; и придоша в Новгород вси здорови». Летописец новгородский. Синодальный список. М., 1819. Л. 161.

в 1444 году: «Того же лета ходиша Корела на Мурмане, избиша их и повоеваша, и пленивше, и приидоша здорове»[1].

§ 3. Система сбора дани в восточной и западной частях Кольского Севера

Как мы упоминали выше, селение Варзуга с давних времен имело особый государственный статус, поскольку было выбрано пунктом сбора дани с восточной части Кольского Севера.

В наше время российские ученые обнаружили несколько неизвестных грамот великого князя Василия III, составленных в июле 1517 года и раскрывающих подробности самой системы сбора дани на Кольском Севере.

Эти грамоты хранятся в архивах Норвегии и Дании. По своему содержанию эти документы есть «наказные памяти», то есть инструкции сборщикам царской дани на Крайнем Севере Руси. Документы дошли до нас в переводе на датский язык. При этом очевидно, что русские географические названия упоминаемых мест писались на слух, и потому лишь с учетом этого обстоятельства могут быть идентифицированы с той или иной степенью достоверности.

Главная организационная идея, заложенная в этих «памятях», состоит в подтверждении прежнего, установленного со времен Александра Невского порядка сбора дани на Крайнем Севере Руси. Вся данническая территория разделена на две части по линии Кольский залив – Умба. Первая – это Восточная Лапландия – весь Кольский полуостров, и вторая часть – это Западная Лапландия до «залива Варангов» и далее «в Мурманский конец». Соответственно, и центрами сбора дани на Кольском Севере вновь утверждаются Варзуга (в восточной части) и Кандалакша (в западной).

В документе, озаглавленном «Пожалование финских морских берегов», великий князь Василий III оказывает милость аборигенам Русского Севера в вопросе морского лова рыбы. «Диким лопарям с норвежского морского побережья… Жаловал я им их побережье от Pabiesko (т. е. Pasvig) *[устье р. Паз. – **Е. М.**]* до Obuski *[Лумбовский. – **Е. М.**]*. На этом их морском берегу не имеют права ни карелы, ни новгородцы, ни

[1] Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М.–Л., 1950. С. 424.

шведы или кто-либо иной чужак вторгаться и пользоваться их средствами к существованию»[1]. То есть побережье нынешнего Мурманского берега закрыто для пришлых добытчиков рыбы в пользу местного населения – лопарей. Для освоения русским промышленникам остаются берега Кольского полуострова, омываемые Белым морем, от становища Лумбовские острова (за мысом Святой Нос) и далее по всему Терскому берегу. Этот порядок, по сути, сохранялся долгое время и привел к активному освоению Терского и Кандалакшского берегов Белого моря.

Что касается «Инструкции великого князя его фогтам», то Василий III обращается, прежде всего, к своим подданным: «Я, всемогущий

[1] Грамоты великого князя Василия III. С. 129.

господин Василий, Царь, Великий князь всех русских, всемилостивейше повелеваю моим лопарям, что, когда наш сборщик дани прибудет к ним в Лапландию, предоставить ему нашу дань»[1].

Что касается порядка сбора дани, то те подробности, которые указаны в документе, и сегодня вызывают уважение историков к столь прекрасному владению географией и высокому уровню управления, который демонстрируют московские власти в отношении весьма отдаленных земель[2].

Это вообще характерная черта той эпохи, когда человек пребывал в удивительном единстве со своей землей, с ее обширнейшими территориями, со своей Родиной. Профессор И.П. Шаскольский, анализируя рассказ «простого корела» «Нуосиа-русского» шведским чиновникам в XVI веке, замечал: «Нельзя не поражаться, что эти географические представления, не зафиксированные карелами ни графически, ни письменно и хранившиеся лишь в памяти (вероятно, в памяти не одного поколения и выражающие коллективный практический опыт многих людей), в общем правильно отражали реальную действительность, правильно локализовали в пространстве моря, озера, реки, основные направления по странам света. Этот неграмотный или знавший только лишь грамоту крестьянин из глухого карельского селения, никогда не видевший географических карт или книг, обладал несравненно бóльшими знаниями об огромных пространствах севера России и Финляндии, чем современные ему самые образованные западноевропейские ученые»[3].

Итак, московские власти предлагают сборщикам дани (на норвежский манер – «фогтам») в Западной части Лапландии следующий маршрут: «один из наших сборщиков отправится в Konddax *[в Кандалакшу – центр сбора дани]*, и в Babenitz *[в Бабинский погост]*, в Losett – в Songjeld *[Лосиные тундры (?) и Сонгельский погост]*, и в Pazankov *[Пасвик]*, в Neiden *[Нейден, Нявдема]*. В верхнюю (offerste) Niadrie – в Biochi

[1] Там же. С. 130.

[2] «Поскольку грамоты явно составлялись в Москве, поразительно, что в начале XVI в. в столичных правительственных учреждениях имелись столь подробные сведения об этих отдаленных регионах». (Грамоты великого князя Василия III. С. 128).

[3] *Шаскольский И.П.* Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVI века // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Сборник статей. Л., 1973. С. 35.

[верховья р. Неден, т. е. к озеру Инари[1]], в Варяги[2] *[нынешнее селение Вадсё]* и в Норвежский конец *[в Галогаланд]*. И должен пробыть там до весны, и из Норвежского поселения *[из Галогаланда, в районе нынешнего Тромсё]* он должен снова вернуться в Variagi *[«Wariagiske погост» ныне селение Вадсё]*, а оттуда в Москву (?) *[это явная ошибка переводчика]*, и в Minememas *[Муномаш – зимний погост на р. Росте]*, и далее в Vadoser *[Вадозеро, близь Кандалакши]*»[3].

Указания, данные самому сборщику дани в восточной части Лапландии, весьма конкретны: «он должен прибыть в Varsugurchi *[в Варзугу – центр сбора дани]*, и к Терскому погосту *[точнее, погостам]*, и к Lochosser *[к Ловозеру]*, и к Koldai *[к Ковде]*, и в Ombay *[в Умбу]*»[4].

Время сбора дани также было строго определено. Самым удобным временем для посещения лопарских погостов на Крайнем Севере была зима. Все передвижения осуществлялись на оленях, запряженных в саникережи. Завершить этот этап сбора дани было необходимо добравшись «в Норвежский конец и прибыв туда к весне». Из «Норвежского конца» даньщик «должен вернуться ко дню Ивана Купалы *[ко дню Рождества Иоанна Предтечи, 7 июля]* назад в Wariagi *[погосты на обоих берегах Варангер-фьорда, на южном берегу – старинное поселение лопарей-колта в Нейдене. – **Е. М.**]* и следовать до Munchemo *[Мончетундра]* и в Momonas *[Муномашский погост на берегу Кольского залива, у р. Роста]*»[5].

Организационные указания по сбору дани с Восточной части Лапландии также предельно обстоятельны. Сборщика с командой «терские лапландцы должны встретить в Varsugi и дать ему для провозу 15 оленей»[6]. Дань в терских погостах «он должен собирать в соответствии с записями в книгах *[писцовых. – **Е. М.**]*» и затем «послать терскую дань назад, к Varsuge реке». Таким образом, видим, что дань, собранная с терских погостов райдой из пятнадцати оленей, доставлялась в Варзугу. Разоренное и сожженное в начале XV века «Варзужское городище», где с давних вре-

---

[1] Ниже в тексте документа прямо указывается, что из «Wariagi» нужно возвращаться «к озеру Инаре».

[2] Селение Варангер на северном берегу Варангер-фьорда можно найти на старинных картах. Сейчас это место селение Вадсё. Ламартиньер П.М. Путешествие в северные страны. С. 29.

[3] Грамоты великого князя Василия III. С. 130.

[4] Там же. С. 130.

[5] Там же.

[6] Из состава команды сопровождения «фогта» в документе упоминаются переводчик, повар, два помощника: «Сборщики не должны брать с собой больше людей, чем четверо на каждого».

мен в периметре этого острога собиралась дань, как показали археологические исследования, больше не восстанавливалось. Потому всю привезенную дань теперь собирали где-то непосредственно в селе Варзужского погоста.

После этого даньщикам предписывалось «ехать в Lofosser *[Ловозерский погост]*, в Колу *[ошибка редактора – в Ковду]* и Vambo *[в Умбу]*». В этих погостах дань он должен также собирать в соответствии с книгами, «а из подарков должны они ему давать с погоста по 1 лисе или 21 белке»[1].

Интересно формулируется («с каждого дыма») и вопрос снабжения сборщиков съестными припасами: «А на пропитание давать им с каждого дыма по 10 сигов и по 1 щуке, а по скоромным дням должны они давать им вместо 10 сигов 1 окорок (половина задней части оленя)»[2].

Сборщик западной части Лапландии по окончании сбора дани с Норвежского конца прибывал в Колу (Мономас – Муномаш). Для того, «чтобы везти казну» и «подняться по Коле-реке, [лопари] должны снабдить его лодками и гребцами, и рулевыми в достаточном для него количестве». Речь идет о продолжении пути известным водным внутренним маршрутом из Колы в Кандалакшу. На середине этого пути великий князь повелевает лопарям Ловозерского погоста присоединиться к сборщику с командой «и сопровождать его с моей казной до Кандалакши, на границу»[3]. Надо отметить, завершение этого пути происходило вовсе не в устье реки Нивы, где в дальнейшем сформировался монастырь и поселение Кандалакша, а в устье реки Кандалакши, впадающей в залив Канда и ныне практически забытой речки.

По Ниве сплавляться было невозможно из-за необычайной ее бурности и порожистости. При весьма небольшой протяженности – 34 километра, перепад высоты от истока реки Нивы (от озера Имандра) до Кандалакшского залива и ныне составляет 127 метров. Так что в те времена внутренний водный путь с севера на юг Кольского полуострова завершался через ныне практически исчезнувшую речку Кандалакшу, где в заливе Канда происходило перемещение груза на морские суда. Возможно, именно этот факт дал название этим местам. Напомним, «отдель-

[1] Грамоты великого князя Василия III. С. 130.
[2] Там же.
[3] Там же.

ные авторы склонны считать, что название Кандалакша пошло от слов: “кандас” – по-саамски вьюк, и “лухта” (λuoχta) – залив, губа, «мелкое место, поросшее травой». Получается, Вьючная губа»[1].

Надо сказать, что и в конце XVII века реально существовал этот важный государственный центр – Канда. В Жалованной грамоте Кольско-Печенгскому монастырю 1675 году указано: «У них в Канде две варницы соляных и дворы монастырские»[2]. Это был реальный центр отправки грузов на «большую землю», что видно из следующего сообщения грамоты: «Велено им возить из Колы, и из Канды, и из Порьей-губы ото всех их монастырских промыслов в лодьях соль и рыбу всякую, и немецкий и лопский всякий сухой товар на Двину, к Архангельскому городу и на посад к Колмогорам»[3]. Это историческое место – уже как «лесопункт Канда» Кандалакшского района – был упразднен в 1938 году.

В те давние времена по прибытии груза с «мягкой рухлядью» в Канду, к Кандалакшскому заливу, задача стояла уже перед мореплавателями с Двинского устья по присылке кораблей за царской данью. На обратном пути, видимо, заходили в устье Варзуги за ее второй, «восточной» частью.

Такое положение сохранялось до конца XVI века, пока статус административного центра на Кольском полуострове не перешел к Кольской волости. Салинген свидетельствует: «До 1581 года не появлялось в Мальмусе ни бояр русских, ни сборщиков, ни десятинной, ни таможенной пошлин … а страной управляли сборщики податей, жившие в Кандалакше»[4]. Государственные структуры «налогов и сборов» в Кандалакше остались, но были замкнуты на Кольский острог: «А сбирати с них оброк Кондолошским таможенным целовальникам и отвозить в государеву казну в Кольский острог»[5].

Со второй половины XVI века налоги и сборы стали взиматься в денежной форме, и потребности в формировании зимних даннических обозов с «мягкой рухлядью» не стало. Прежние «лопские даньщики» по известным маршрутам объезжали лопарские погосты, «кого по Государеву наказу пошлют государевы приказные люди из Колы для Госуда-

[1] *Минкин А.А.* Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976. С. 23.
[2] Жалованная грамота Кольскому Печенгскому монастырю 1675 года. С. 550.
[3] Там же. С. 551.
[4] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 305.
[5] *Харузин Н.Н.* Русские лопари. С. 459.

ревой дани на лешую лопь и отдают ее в Государеву казну в Кольский острог, а приказные люди отсылают к Государю в Москву, ежегод, беспереводно, по книгам, сполна»[1].

Крещение аборигенов края, строительство монастырей и церквей на западе Кольского полуострова позволило укрепить здесь и российскую государственность, и «бояре все более и более усиливались и проникали в Лапландию»[2]. В первую очередь это касалось укрепления Колы, избранной царем стать государственным центром края: «В 1582 году в Мальмус явился первый боярин Аверкий Иванович (Onvierko Juannowitz) и стал собирать со всего десятину»[3]. Через год, в 1583 году, кольский воевода Максак Федорович Судимантов «развалил» в Коле древнее «Валитово Городище» и построил крепость – Кольский острог.

§ 4. Царь-батюшка и лопари. Особенности государственной политики на Кольском Севере

В 1530 году царь Василий Иоаннович III «дал лапландцам свою милостивую грамоту, по силе которой суд над ними производился лишь государевыми дьяками, а не наместниками»[4]. Также Государь утвердил время начала сбора податей с лопарей, дабы «посылать к ним подьячих к Благовещениеву дню для сбора дани и оброков. Грамота эта была подтверждена в 1539 и 1549 годах»[5] уже его сыном – царем Иоанном IV.

«Благовещениев день» был выбран как удачный ориентир: 7 апреля в Лапландии толщина снежного покрова для движения на оленях была еще достаточной, а к концу апреля лопарские сийты со стадами оленей начинали переселение в свои летние жилища, к морским берегам. «С первого сентября или с первой порошей начинается откочевание их от морского берега к озерам, лежащим в верстах сорока и более. С наступлением зимы удаляются они вглубь тундры от 70 до 150 верст» [6].

---

[1] Там же. С. 462.

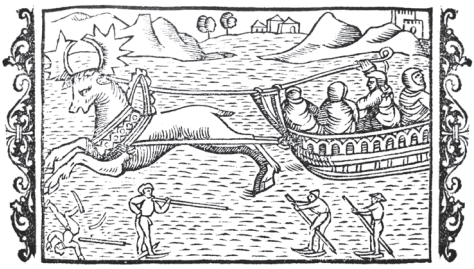
[2] *Филиппов А.М.* Русские в Лапландии. С. 305.

[3] Там же. С. 305.

[4] Цит. по: *Чернышев Н.Г.* Газета «Северная пчела». СПб., 1852. № 148. С. 592.

[5] Собрание Государственных Грамот и Договоров. М., 1813-1828. Ч. 1-4. № 158. С. 436. Цит. по: *Кеппен П.И.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 353.

[6] *Козмин Кир.* Лапландия и лапландцы (Из жизни Архангельского Севера). Архангельск, 1915. С. 7.



Передвижение на оленях в Лапландии. Рис. из книги: O. Magnus. Historia de gentibus… 1555

Можно видеть, что с наступлением времен Московского царства и с приходом на Кольский Север власти российских царей коренные северные народы обрели защиту от грабежа и беззакония со стороны «сильных мира сего». Безжалостному всевластию многочисленных данников и фогтов пришел конец. Лихие деяния новгородских ушкуйников, грабителей и насильников, остались в далеком прошлом.

Московские цари в своих грамотах и инструкциях, касавшихся установления порядка и власти на Кольском Севере, непременно особо оговаривали меры по защите лопарского народа от притеснений властей, неизменно выказывая ему свою монаршую милость. «Се аз Князь Великий Василий Иванович всея Руси, пожаловал есмы Лопь крещеную и некрещеную Шуи реки…»[1]. В этом отеческом отношении к своим подданным, к беззащитному лопарскому племени, отражалась вся суть русской монархической идеи, подлинная и глубокая мудрость которой утратилась в современном российском сознании.

Монархия не определяет соотношения сословий и классов внутри государства и не вмешивается в него: заезженный большевистский миф о монархии как о власти «попов, капиталистов и помещиков» рассчитан на полное невежество. Почти везде и всегда монархи опирались на беднейшие слои населения, защищая их от притеснений богатых. Именно отсюда произрастает подлинная народная любовь и безграничная преданность монарху, отношение как к отцу, как к «царю-батюшке».

В то же время, стойкая тенденция ограничить и даже ликвидировать монархию обычно наблюдалась как раз у высших классов, стремившихся расширить свои привилегии за счет Короны и народа. Именно когда в высших слоях общества идея государственного служения заглушалась сословным эгоизмом, организовывались революции: в Англии – бароне-

[1] Собрание грамот и договоров. Т. 1. № 158. С. 436.

Семья лопарей. Рис. из книги: Gustaf von Dueben. Om Lappland och Lapparne. Stockholm, 1868

тами, во Франции – буржуазией, в России – в начале XIX века сначала дворянами-декабристами, а затем, через сто лет, в XX веке, интеллигенцией, отошедшей от народа и предательски изменившей Престолу.

В приведенной выше инструкции Василия III, касающейся порядка сбора дани в Лапландии, неоднократно оговариваются меры по недопущению беззаконий и произвола в отношении лопарского народа. «Я, всемогущий Царь, Великий князь всех русских, милостиво повелел моим лопарям… », и далее следовали «Привилегии Великого князя, пожалованные им диким лопарям с морского берега Норвегии»[1]. Неизменным завершением всех текстов было строгое государево предупреждение: «Если кто-либо там будет притеснять моих лопарей и поступать как-либо против этого письма, то он попадет в немилость мою, Царя и Великого князя всея Руси, и будет мной наказан»[2].

И в дальнейшем государи Московские строго блюли эти основополагающие принципы российской монаршей власти. Так, например, царь Михаил Федорович, прознав о беззаконных поборах, допускавшихся данниками, послал кольскому воеводе грамоту, которой потребовал наказать виновных «без поблажек», чтобы «иным так не повадно было. А впредь лоплянам если учините какие насильства чинить, мы те убытки велим взыскать с вас вдвое, да быть вам тогда от нас в великой опале»[3].

В последующие годы, по мере активного освоения Кольского Севера, строительства монастырей, заселения земель монастырскими крестьянами, забота о лопарском народе со стороны монаршей власти также оставалась неизменной. Царские грамоты от 1649, 1651, 1661, 1675, 1677,

[1] Грамоты великого князя Василия III. С. 129.
[2] Там же. С. 129.
[3] Сборник материалов по истории Кольского полуострова. Л., 1970. С. 51.

Лопарская семья. Фото 30-х годов XX века

1687, 1697 и других годов стали ответами на лопарские челобитья с просьбами о заступничестве от захватов угодий и иных притеснений. Во всех этих указах звучит царское повеление: «Лопских угодьев продавать и в оброк отдавать не велено… а буде которые люди в том обявятся, и тем учинено будет жестокое наказание, и угодья и земли велено назад поворотить»[1].

Также на основании старинной грамоты «лопским погостам крещеным и некрещеным лопарям», которая подтверждалась всеми российскими самодержцами, было сказано: «Питья в лопские погосты вин и медов, и пива, на продажу от Великого Новгорода провозить не велено, так повелось со времен, когда к Великому Новгороду те лопские погосты были приписаны»[2].

С падением российской монархии окончилась и сугубая забота о лопарском народе. В феврале 1935 года было упразднено слово «Лопарский» в древнем названии Кольско-Лопарского района (ранее Кольско-Лопарской волости). В 1933 году в Карелии и на Кольском полуострове органами ОГПУ была «вскрыта» контрреволюционная организация общей численностью 1641 человек. Это масштабное дело получило громкое название «Заговора финского генштаба». Являясь в основных своих положениях явно сфабрикованным, «дело» преследовало конкретную цель – провести политические репрессии. Безусловно, нельзя отрицать, что на упомянутых территориях существовало недовольство и сопротивление жестокостям и диктату большевизма. Также несомненно, что в приграничье действовала финская разведка. Но никакого масштабного централизованного «заговора» не существовало. Тем не менее, практически все лопарские семьи, занимавшиеся традиционным кочевьем со стадами оленей, были репрессированы как «финские шпионы».

---

[1] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1875. Т. IX, № 254.

[2] Грамота царя Василия Ивановича 1606 года Лопского погоста крещеным и некрещеным лопарям // Акты исторические. СПб., 1842. Т. V. С. 241.

ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ ДВИНСКОГО УЕЗДА

КНИГА 11. ПОДЛИННИК СО СКРЕПОЙ ПОДЬЯЧИХ Б. СТЕПАНОВА И А. ПОДОЛЬСКОГО. 1621–1624 гг.

(РГАДА, Ф. 1209, ОП. 1, Ч. 1)

(л. 330) Живоначалные Троицы Печенского монастыря, что в Колском остроге, по купчим и по даным съ 79-го году по 112-й год (с 1571 по 1604), и с черных волостей, а государевы подати платят с волостными людьми в Куреской волости с деревни Невзоровская, Ушаковская тож, а в ней дв[о]р монастырской, у двора жь четыре анбара, пашни паханые худые земли две чети да перелогу четь в поле, а в дву потому ж, сена тритцать копен, лесу непашенново десятина. А вытей в живущем полчети выти, а впусте полполчети выти, а сошного письма в живущем четь с третником, а впусте // (л. 330 об.) четь бес третника. А денежных доходов з живущего с получети выти за четыре белки бес чети два алтына бес полуденги, за четь горностая две денги, за поральскую белку и за морской оброк денга, пошлин со всего оброку денга, за городовое и за засечное и за емчюжное дело пять денег, пищалных две денги, вытных полденги, ямских и приметных пять денег, загубсково оброку полденги, за наместнич доход и за присуд оброку и пошлин восмь алтын пять денег.

(л. 419) В Двинском же уезде за морем за окияном, от Умские стороны, великого государя Святейшаго Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Русии волость Варзуга на реке на Варзуге, да в той же волости Живоначалные Троицы Сергиева монастыря да Спаса Нового монастыря, что на Москве, да Соловецкого монастыря, да Живоначалные Троицы Антониева Сийсково монастыря, да Николы Чудотворца Корелского монастыря. А в волости на Пречистенской стороне церковь Успение Пречистые Богородицы древяна в верхъ с тра//(л. 419 об.)пезою, предел (так! – Е. М.) преподобных

отец Зосимы и Саватея, соловецких чюдотворцов, другая церковь Афонасия Великаго, Александрейского чюдотворца, древяна ж клецки. А в церквах образы, и свечи, и книги, и всякое церковное строение великого государя Святейшаго Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Русии Варзужские волости крестьян да Соловецкого монастыря. Третюю церковь Успения ж Пречистые Богородицы древяну ж воздвизают ново, в келье черной поп Иоаким, во дворе церковной дьячок Офонка Иванов сын Посников, во дворе пономарь // (л. 419а) Демка Трофимов, во дворе проскурница Марфица, две кельи нищих питаютца о церкви Божии. На Никольской стороне церковь верховных апостол Петра и Павла древяна в верх с трапезою, другая церковь Николы Чудотворца древяна ж в верх, да в церквах образы и свечи и книги, и всякое церковное строение великого ж государя Святейшаго Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Русии крестьян, и Живоначалные Троицы Сергиева монастыря, и Спаса Нового монастыря, и Сийского монастыря, и Николы Чюдотворца Корелского монастыря. Во дворе вдо // (л. 419а об.)вой поп Семен Васильев, во дворе церковной дьячок Гришка Микитин, во дворе пономарь Левка Васильев сын Мотовилов. В волости ж в Варзуге великого государя Святейшаго Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Русии дворы крестьянские. На Пречистенской стороне во дворе Федка да Михейко Селивановы дети Федотова да Матюшка Яковлев сын мелников, у Фетки да у Михейка три лука, а у Матюшки три лука. Во дворе Степанко Филипов сын Рошутин, два лука. Во дворе Федотко Федоров сын Рогозин, а у него три сына, Гаврилко да // (л. 420) Лучка, да Ефимко, четыре лука, да Кирилко Ермолин сын Бахта, у нево ж живет Васка Олексеев сын Клоп, за Кирилком пять луков с полулуком, а за Васкою пять луков. Во дворе Ермолка да Карпик Фомины дети, да Аристко да Понкратко Васильевы дети Крутихины, семь луков. Во дворе Михалко Юрьев сын Брюшков, три лука с полулуком. Во дворе Оска да Демка Трофимовы дети Хвинцова, пять луков. Во дворе Тимошка Захарьев сын четочник, у него сын Мишка, одиннадцать луков. Во дворе Тимошка Федоров сын Базан, три луки (так!). Во дворе вдова Федорка Сидорова жена Демидова, // (л. 420 об.) шесть луков. Во дворе Степанко Петров сын Комаров да Ивашко Федоров сын каргополец, у Степанка три луки, а у Ивашка лук. Во дворе Ивашко да Михалко Лаврентьевы дети Кречкова восмь луков с полулуком. Во дворе Федка да Ондрюшка Михайловы дети, да Ивашко Ондреев сын Сурядовы, одиннатцать луков. Во дворе Степанко Минин сын Каблук, да Ерофейко Никанов сын Харитонов, за Степанком лук, а за Ерофейком поллука. Во дворе Левка Трофимов сын Балда, два лука с полулуком. Во дворе Богдашко да Кирилко Федоро-

вы дети Ощерина, четыре лука. Во дворе Елисейко да Иевко Павло//(л. 420а) вы дети Федотова, два лука. Во дворе Васка Онаниин сын Кирилов, шесть луков, у него живет зять ево Гришка Москаль, лук. Во дворе Горяинко Ондреев сын Мокевин, полтора лука. Во дворе Минка Фомин сын Микулин, у него два сына, Федка да Ивашко, три луки. Во дворе Михалко да Ивашко Павловы дети Горлова, да племянник их Якунка Дмитреев сын Горлов, пять луков. Во дворе Степанко Петров сын Мудоваров, два лука с полулуком. Во дворе Гарасимко Петров сын Мудоваров, два лука с полулуком. Во дворе Фомка да Власко да Федка Ильины дети Старостины, // (л. 420а об.) девять луков. Во дворе Ондрюшка Дементьев сын Катарин, лук. Во дворе Нестерко Иванов сын Куткин, шесть луков, у нево живет Васка Федотов, три лука с полулуком. Во дворе Захарко да Ульянко Юрьевы дети Горлова, одиннатцать луков с полулуком. Во дворе Ортюшко Микифоров сын Кондратов, у него сын Левка, семь луков. Во дворе Тренка Иванов сын Лопинов да бобылка девка Катеринка Семейкина дочь Павлова, у Тренки четыре лука, а у девки у Катеринки луков нет. Во дворе Якушко Иванов сын заонеженин, лук. Во дворе Минка да Ивашко Томиловы дети // (л. 421) Горлова, пять луков. Во дворе вдова Настасьица Онуфреевская жена Мокеева, поллука. Бобыльских дворов: во дворе Ондронко Юрьев сын Фефилов, во дворе Ивашко Елизарьев сын Вага, во дворе Мишка Ульянов, во дворе Первушка Михеев, во дворе Ивашко Томилов сын Черново, у нево жь живет вотчим его Максимко Гаврилов сын Казарин, во дворе Офонка Иванов сын Посников. Двор пуст Захарка Иванова сына Олхина. Места дворовые: место Шестачка Корзова, место Иевка Федотова, место Сидорка Исакова, полместа Петрушки Кома//(л. 421 об.)рева да Матюшки Тимофеева, место Трофимка Ортемьева сына Кривого, полместа вдовы Ховроньицы Федосеевские жены, место Филки Бабина да Ондрюшки Омосова, место Фетки Карпова, треть места Осипка Кондратьева да Якимка Минина да Нечайка Иванова сына белозерца, место Нечайка Иванова сына белозерца. На Николской стороне двор на приезд приказным людем. Дворы крестьянские: во дворе Ивашко Микифоров сын Каргачов, четырнатцать луков. Во дворе Ивашко Петров сын Прямеев, пять луков с полулуком, // (л. 422) у него жь живет Тимошка Игнатьев сын Тонконогов, поллука. Во дворе Мишка Иванов сын Коргачов, четыре лука с полулуком, у нево ж живет бобыль Первушка Осипов сын плотник. Во дворе Ивашко Григорьев сын Кулик, пять луков. Во дворе Филка да Петрушка да Давытко Ермолины дети Когачева, три лука с полулуком. Во дворе Васка Микитин сын Белогузов, два лука с полулуком. Во дворе Ортемко Ондреев сын Лузикин, пять луков. Во дворе Нестерко Васильев сын Дьяков, поллука.

Во дворе Терешка Ермолин сын Долгой, у нево ж живет Сенка Иванов сын Хаим, у Терешки пять луков, у Сенки // (л. 422 об.) два лука. Во дворе Павлик да Макарко Филиповы дети Рошутина, восмь луков. Во дворе Стенка да Васка Онцыфоровы дети Котовы, у Степанка поллука, у Васки лук. Во дворе Петрушка Иванов сын Серебреников, четыре луки. Во дворе Ивашко Миронов сын Щербак, три лука с полулуком. Во дворе Пронка Клементьев сын Шестаков, четыре лука. Во дворе Степанко Иванов сын Пирогов, четыре лука. Во дворе Михейко Михайлов сын Майков, у него сын Первушка, да Дорофейко Микифоров сын Майков, у Михейка пять луков, у Дорофейка три луки. Во дворе Ива//(л. 423)шко да Сенка Левонтьевы дети Савастьянова, четыре луки. Во дворе Федка да Ларионко Микитины дети строителева, три лука. Во дворе Фомка Микитин сын Дубов, лук. Во дворе Осипко Степанов сын Толстой, лук. Во дворе Федотко да Васка Федоровы дети Карпова, семь луков. Во дворе Тренка Микифоров сын Горенской, полтора лука. Вдова Матренка Микулина жена Солозерова да Куземка Офонасьев сын Солозеров, живут они у Спасково крестьянина у Ивашка у Солозера, за вдовою за Матренкою два лука с полу//(л. 423 об.)луком, а за Куземкою лук. Сенка Микифоров сын Майков жевет *(так! – **Е. М.**)* у Спасково крестьянина у Степанка у Петрова сына Казакова, под ним три лука бобылских дворов. Во дворе Первушка Иванов сын Кайгачов, во дворе Ефремко Степанов, во дворе Ивашко Васильев сын Тулубин да Безсонко Клементьев, во дворе Фетка да Карпунка Степановы дети Голдобина, во дворе Пиминко Васильев сын Дюков, во дворе Дружинка Иванов сын Бармин, во дворе Ганка Васильев сын Конанов, во дворе Агафонко Григорьев сын сапожников, во дворе Сергу//(л. 424)шка Шумилов сын Лукьянов. Места дворовые крестьянские: место Пронки Шестакова, место Пронки Еремеева да огородец Денисовской, место Пахомка Сидорова, место Фетки Григорьева, место Ивашка Фефилова сына Пердунова, полместа Сенки Микифорова сына Майкова, место Гришки Самойлова, место Оксиньицы Григорьев[ой] дочери Тойватова, место девки Маланьицы Петрушкины дочери Тойватова, место Онашки Кирилова, место Ивашка да Матюшки Лобановых, место Фетки Карпова, место Фетки Лошку//(л. 424 об.)таева, место Ивашка да Микитки да Ермолки Мироновых. И всего на Пречистенской и на Никольской стороне двор на приезд приказным людем, пятьдесят три двора крестьянских, а людей в них девяносто пять человек да два бобыля, пятнатцать дворов бобыльских, а людей в них осмнатцать человек, двор пуст крестьянской, дватцать три места без полутрети дворовых крестьянских, а луков крестьянских живущих двести шездесят шесть луков с полулуком. В волости ж в Варзуге великого государя Святе//(л. 425)йшаго

Патриарха Филарета Никитича Московского и всея Русии крестьян анбары и кузницы и места анбарные: на Пречистенской стороне анбар Левки Трофимова сына Болды, анбар Богдашка да Кирилка Федоровых детей Ощерина, анбар Елисейка да Иевка Павловых детей Федотова, анбар Павлика Филипова сына Рошутина, анбар Ивашка Микифорова сына Коргочева, анбар Микифорка Павлова сына Горлова, анбар Минки Фомина сына Соленикова, анбар Ивашка Левонтьева сына Кречкова, // (л. 425 об.) анбар Кирилка Ермолина сына Бахты, анбар Мишки Юрьева сына Брюшкова, анбар Тимошки Захарьева сына Четочникова. Места анбарные: место Шестачка Корзова, три места Ондронка Юрьева сына Фефилова, место Захарка да Ульянка Юрьевых детей Горлова. Кузницы: кузница Микифорка белозерца, кузница Елисейка да Иевка Павловых детей Федотова. На Никольской стороне анбар Федотка да Васки Федоровых детей Карпова, анбар Николсково попа // (л. 426) Семена, место анбарное Нечайка Щербинина, и то анбарное место вгорожено во двор Троицы Сергиева монастыря. На реке на Варзуге у судовой пристани на яме анбар Ивашка Микифорова сына Каргачова, анбар бобыля Дружинки Бармина, анбар Кирилка Ермолина сына Бахты, анбар Фетки Михайлова сына Сурядова, анбар Захарка Юрьева сына Горлова, анбар Петрушки Иванова сына серебряника, анбар Ивашка Петрова сына Прямьева, анбар Тимошки Захарьева сына четочни//(л. 426 об.)кова. На другой стороне реки место анбарное Оски Соколова. В кошу усть Варзуги реки на берегу места анбарные: место Иванка Марьина, место Микулки Амосова, место Петрушки да Онтонка Мудоваровых, место избное снесло водою. Сена по реке по Варзуге и по сторонним речкам и по морскому берегу сто дватцать копен. В волости ж в Варзуге Спаса Нового монастыря, что на Москве, на Никольской стороне двор монастырской, а в нем живет старец Иасаф. Крестьянских дворов: во дворе Гришка да Са//(л. 427)вка Игнатьевы дети Ушакова, четырнатцать луков. Во дворе Гришка Ортемьев сын Поздела, поллука. Во дворе Мишка Семенов сын Попов да Ивашко Васильев сын Малой, у Мишки семь луков,а у Ивашка два лука с полулуком. Во дворе Ондрюшка Никанов сын Рякиш да Сенка Филипов сын Попов, за Ондрюшкою три лука с полулуком, а за Сенкою два лука. Во дворе Мосейко Июдин сын Сухановской, поллука. Во дворе Васка Степанов сын Ширков, у него сын Петрунка, да племянники ево Сенка Мосеев сын да Фетка Кузмин сын Ширковы, тринатцать луков с полу //(л. 427 об.)луком. Вдова Олександрица Семенова жена Мошникова, два лука, Гаврилко Красново, лук, живут в чюжих дворех. Мартынко Пантелеев сын олончанин, живет в Патриаршье дворе, лук. Гашко Левонтьев сын Болотнов, живет у Спасково ж крестьянина у Степанка, три лука. Во дворе

Фетка Давыдов сын Ширков, девять луков с полулуком. Во дворе Перфирко Пахомов сын Моклоков да Сенка Юрьев сын корелянин, за Перфирком два лука с полулуком, а за Сенкою два ж лука с полулуком. Во дворе Ермолка Костянтинов // (л. 428) сын Ширков, восмь луков. Во дворе Максимко Минин сын Бахта, пять луков. Во дворе Кирилко Демидов сын корелянин, у него два сына, Ивашко да Гаврилко, шесть луков с полулуком. Во дворе Микитка Никонов сын Немкин, четыре лука. Во дворе Фетка Тархов сын прихожей, четыре лука. Во дворе Фетка да Ивашко Семеновы дети Метчюева, восмь луков. Во дворе Фетка Микитин сын Сура, два лука с полулуком. Во дворе бобыль Фетка Степанов сын Казаков, да Кондрашко Микитин сын Власов, два лука. Во дворе Микитка Иванов сын Лютров, два лука. // (л. 428 об.) Во дворе Куземка Офонасьев сын Лихачов, три лука, у нево ж живет Пахомко Федоров сын Глаткой, лук. Во дворе Гришка Дементьев сын Безпорточной, четыре луки. Во дворе Васка Осипов сын Соколов, лук. Во дворе Фетка Дементьев сын Безпорточной, десять луков. Во дворе Оска Иевлев сын Рожин, у него сын Данилко, три лука. Во дворе Васка Микифоров сын Солозер, пять луков. Во дворе бобыль Дениско Семенов сын Черной. Места дворовые крестьянские: место Сенки да Шевеля Анисимовых детей Баранова, место Пахомка Сидорова, место Кондрашка Федорова, // (л. 429) место Ушачка Ондронова, место Микулки Дмитреева сына да Шумилка Ондреева сына Шемякиных, место Васки Ермолина, место Митки Ондреева сына Шемякина, место вдовы Огрофенки, место Нечайка белозерца. На Пречистенской стороне полместа Петрушки Комарева, полместа вдовы Хевроньицы Федосеевские жены, место без трети Осипка Кондратьева. На острову на Варзуге: место Матюшки Тимофеева, место Тимошки Михайлова сына Прибытка, место Степанка Стамбредова, место Степанка да Ко//(л. 429 об.)стки Ширковых, место Костки ж да Степанка Ширковых, место Сенки да Логинка Митчюевых. И всего Спаса Нового монастыря двор монастырской, дватцать три двора крестьянских, а людей в них тритцать девять человек, да бобыль двор бобыльской, а в нем один человек, семнатцать мест без трети дворовых крестьянских, а луков в живущем сто тритцать четыре луки. Спаса ж Нового монастыря крестьян анбары и места анбарные на Варзужском берегу: анбар Ивашка Микифорова // (л. 430) сына Солозерова, анбарец Васки Степанова сына Ширкова, анбар Микитки Никонова сына Немкина, анбар Фетки Давыдова сына Ширкова. Места анбарное Якимка Минина, место анбарное Ивашка Матвеева. На реке на Варзуге на судовой пристани на яме анбар Пахомка Федорова сына Глатково, анбар Фетки Давыдова сына Ширкова, анбар Фетки Дементьева сына Безпорточного, анбар бобыля Карпунки заонеженина, анбар Ивашка Степанова сына Ширкова. В кошу усть Варзуги // (л. 430 об.)

реки на берегу келья монастырская, анбар Васки Степанова сына Ширкова, анбар Фетки Дементьева сына Безпорточново, место анбарное Сенки да Логинка Мичюевых. Сена по реке по Варзуге и по иным речкам и по морскому берегу шестьдесят копен. А наперед того в волости в Варзуге, что ныне за великим государем Святейшим Патриярхом Филаретом Никитичем Московским и всеа Русии, и что Спаса Нового монастыря, было за государем царем и великим князем Михайлом Федоровичем // (л. 431) всеа Русии. А денежных доходов было луковово оброку з дворов и анбарные пошлины, и за тамгу и за десятую рыбу, и с рыбных и з звериных и со птичьих ловель, и со всяких угодей опричь Троицы Сергиева монастыря да Николы Корельского монастыря дватцат[и] семи луков, что они прикупили после писцов, сто шездесят семь рублев дватцать шесть алтын четыре денги.

В волости ж в Варзуге живоначалные Троицы Сергиева монастыря // (л. 431 об.) на Николской стороне двор монастырской, а в нем живет приказщик старец Кирил. Двор монастырской ж, а в нем живет дворник Васка Офонасьев сын белозерец. Двор пуст Дружинин Борисова. Да на реке ж на Варзуге на судовой пристани на яме три анбара. В кошу усть Варзуги реки на берегу двор монастырской да два анбара. На Киче реке двор монастырской да анбарец. Сена по реке по Варзуге и по ст[о]ронним речкам и по мор//(л. 432)скому берегу тринатцать копен живущих старых, сто пятнатцать луков с полулуком, да что они прикупили после писцов, четырнатцать луков. А денежных доходов с старых луков лукового оброку з дворов и анбарные пошлины, и за тамгу и за десятую рыбу, и с рыбных и з звериных и со птичьих ловель и со всяких угодей, шездесят шесть рублев пять алтын пять денег, да с новоприкупных луков пять рублев дватцать три алтына две денги, обоего семьдесят один рубль дватцать девять алтын з деньгою. // (л. 432 об.) Новые наддачи на тони, которые были пусты, а ныне ловят, рубль девять алтын пять денег.

В волости ж в Варзуге Соловецкого монастыря на Пречистенской стороне двор монастырской, а в нем живет приказщик старец Ануфрей. Под тем же двором четыре места дворовых крестьянских: место Микитки Фомина сына Олехова да сына его Мосейка, место Степанка да Васки да Павлика Федотовых, место Куземки Иванова, место Микитки Кислякова. Бобылских дворов: // (л. 433) Во дворе Федотко Харитонов сын Баклан, у него ж живет Селиванко Иванов сын корелянин, во дворе Мишка Иванов сын Попадьин, во дворе Гришка Тиханов сын Шабала, во дворе Софронка да Павлик да Костка Калинины дети Брагина, место дворовое Терешки Косицына. На Ни-

кольской стороне места дворовые: место Раковское, место Логиновское, место Ондрюшки Ефимова, место Никоновское Трофимова, место Васкинское Свячины, место Дорофейка Овдеева. И всего Соловецково монастыря двор монастырской, четыре двора бобыльских, а людей в них семь человек, // (л. 433 об.) семь мест дворовых в живущем старых, двесте дватцать четыре луки, да что они прикупили после писцов у Ивановы жены Кобелева, дватцать два лука без чети. Соловецково ж монастыря на Пречистенской стороне житница, три анбара, кузница, ледник, место анбарное, что был анбар Ивана Кобелева, и анбарцы бобыльские: анбарец вдовы Офимьицы Ивашковы жены Бардихи, анбарец Фетка Харитонова сына Баклана. На реке на Варзуге на судовой пристани на яме три // (л. 434) анбары, анбаришко бобыля Мишки Дудина. На реке ж на Варзуге на великом острову два анбарца да изба. В кошу усть Варзуги на берегу двор монастырской, три анбарца. На Аржаном ручью мельница немецкая, мелет в двои жорновы, у мельницы келья, а в ней старец Роман. Сена по реке по Варзуге и по сторонним речкам, и по морскому берегу и что было Кобелева, сто копен, а денежных доходов старых луков лукового оброку з дворов и анбарные пошлины и за тамгу и за десятую рыбу, и с рыбных // (л. 434 об.) и з звериных и со птичьих ловель, и со всяких угодей восмьдесят четыре рубли дватцать девять алтын з денгою, да с новоприкупных луков двенатцать рублев, обоего девяносто шесть рублев дватцать девять алтын з денгою. Новые наддачи на тони, которые были пусты, а ныне ловят, два рубли пятнатцать алтын полторы денги.

В волости ж в Варзуге Сийского монастыря на Никольской стороне двор монастырской, а в нем живет приказщик старец Исаия. На Пречистенской стороне два анбарца. // (л. 435) На реке на Варзуге на судовой пристани на яме анбарец. В кошу усть Варзуги реки на берегу изба да анбарец. На Собачье ручью мелница немецкая, мелет в одне жорновы, у мельницы в келье старец Исаия. Сена по реке по Варзуге на Сиговце, да на Кровавом острову, да в Студенцах десять копен, в живущем сорок пять луков. А платят они с тех луков луковой оброк з двора и анбарную пошлину, и за тамгу и за десятую рыбу, и за всякие угодья, с монастырским оброком вместе, а подлинно тот оброк писан // (л. 435 об.) выше сего под Сийским монастырем. Сийсково ж монастыря с Варзужских тон[ь], которые были пусты, а ныне ловят, новые над[да]чи пятнатцать алтын.

В волости ж в Варзуге Николы Чудотворца Корельского монастыря на Никольской стороне двор монастырской, а в нем живет старец Данил. К тому

ж двору трет[ь] огородца, да от двора до реки трет[ь] улицы, а улицы всей было две сажени, и Корельскому монастырю той улицы сажень бес трети. И на той // (л. 436) на всей улице на дву саженях Троицы Сергиева монастыря поставили мыльню, а по другую сторону той улицы анбарное место Ивана Кобелева, а ныне то место Соловецково монастыря. Никольсково ж монастыря за двором по купчей 100-го (1592) году, что купили у Ортемка у Микифорова пол цобурмакиных. Позади ж двора по даной 99-го (1591) году, что дал варзуженин старец Гаврило, огородец. У них же против двора анбарец да место анбарное. Да что дал в монастырь к Николе Чудотворцу варзу// (л. 436 об.)женин Ивашко Анфилофьев сын Косицын на Варзужском берегу анбарец, а дал-де им тот анбарец во 123-м (1615) году, а даная у них утерялась. Да на реке на Варзуге на судовой пристани на яме анбарец. Сена по реке по Варзуге и на Киче у моря десять копен, в живущем старых тритцать луков с полулуком, да что они прикупили после писцов, тринатцать луков. А денежных доходов с старых луков лукового оброку з двора и анбарные пошлины, и за тамгу, и за десятую рыбу, и с рыбных и з звери// (л. 437)ных и со птичьих ловель, и со всяких угодей семнатцать рублев пятнатцать алтын пять денег, да с новоприкупных луков шесть рублев шестнатцать алтын четыре денги, обоево дватцать три рубли тритцать два алтына три денги. Новые наддачи на тони, которые были пусты, а ныне ловят, четырнатцать алтын три денги.

К волости ж к Варзуге великого государя Святейшего Патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии крестьян // (л. 437 об.) леса и пожни и рыбные ловли от Умские межи от речки от Оленицы да в Мурманской конец к Святому Носу по речку по Пялицу заборы и тони и речки малые харвинные и поездные, а ловят в них красную рыбу семгу вопче с монастыри ж Живоначальные Троицы Сергиева монастыря, Спаса Нового монастыря, что на Москве, Соловецкого монастыря, Живоначальные Троицы Антониева Сийского монастыря, Николы Чюдотворца Корельского монастыря, а владеют крестьяне и монастыри теми угодьи по своим луком. По морскому берегу от Умские межи тони // (л. 438) половина речки Оленницы варзужских жилцов, а другая половина тое речки Умские волости крестьян, а ловят забором. Тоня на Оленье рогу, тоня Варничная, тоня по конец Ирменева, тоня Ирменево дворище, тоня Лодовой ручей, тоня Войдуево, тоня Великие Юрики, тоня Земленая, тоня Толстой Наволок, тоня Кабатов Ручей, три тони Белковы, тоня Мелкая, тоня Глубокая, тоня Великая Изба, две тони огородные, тоня Шибалкина, тоня Ручьевая, тоня Воротиха, тоня Рекшуева, // (л. 438 об.) тоня Столбиха, тоня Шамгина, тоня на кошевском наволоке. На усть Варзуги

реки тоня на другой стороне Варзуги реки. На морском же берегу тоня Крестовая, тоня Глубокая и тоня Мелкая, тоня Великая Изба, тоня Некрасовская, тоня Индерка малая, тоня к Индеры идучи, тоня Новая, тоня Индера болшая. Речка Индерка, ловят забором. Тоня Черной Наволок, тоня Кривой Ручей, тоня Маккуевой Камень, тоня Шумская, тоня Кривая, тоня Крутая, тоня Боярская, тоня Турулова, // (л. 439) тоня Давыдовка, тоня Быстрица, тоня Пазушная, тоня Песчанка, тоня Песчанка ж, тоня Пинежская; река Чавунга, а в ней забор, да тоня в реке ж, на усть тое ж реки Чавунги по обе стороны две тони, тоня Дристки, тоня Шичкова, тоня Шубинская, тоня Броница, тоня Тетрин крестовая, тоня Тетрин губка, половина речки Каменки. Да в реке в Варзуге тони, а ловят на них красную рыбу семгу неводы. На усть реки Варзуги тоня Рендокота, тоня Нагорстище, тоня // (л. 439 об.) на Великом острову, тоня на Сиговце, на другой стороне тоня в Кушене наволоке. Да по той же реке по Варзуге вверх тоня в Кузонеме, тоня под сопками по конец Вичаного Острова, тоня в Колонихе на острову, тоня в Колонихе ж на верхнем конце, тоня под тонею под Сиговскою против Сиговца, тоня в Калкове на Черемхове острову, тоня на другой стороне на Варзуге реке вниз на острову на Сиговце на верхнем конце, тоня на прилуке в Колонихе, тоня на Быкове острове, тоня // (л. 440) на Великом острову на перевозе, тоня на том же острову поряду тое ж тони, тоня на том же наволоке на острову за курьею под неводом, тоня на усть Кичи, тоня речка Кича, а в ней забор в Кимеши, тоня на верхней Кузанемы. И всего на морском берегу и в реке в Варзуге в живущем восмьдесят тонь. По морскому ж берегу меж тонь четыре речки, а в тех речках и в реке в Варзуге в заборех ловят красную рыбу семгу Варзужские ж волости жилцы всею // (л. 440 об.) волостью, а те у них угодьи не делены, владеют ими по своим луком. По морскому ж берегу тони ж были пусты, а ныне ловят по своим же луком: тоня в Кустове наволоке, тоня в Пахтанцах, тоня в Салницах, тоня Калинина, тоня в Черном наволоке на Лудушке, тоня промеж Кашкаранцы и Точильной, тоня Говенница, тоня Сивутова, тоня Грема, тоня Великие Юрики, тоня Березовка. И всего одиннатцать тонь. Варзужские ж волости жилцов лешие озера: Обдомо озеро, Бабо озеро, Ки// (л. 441)ч[с]кое озеро, Сярго озеро, Яренго озеро, Ильмо озеро, Ингелско озеро. А ловят на них приходя Варзужские волости жилцы и монастырские белую рыбу по своим же луком, а считаютца они по своим луком. По монастырскому ж берегу от речки от Каменки и тони речка Каменка, а в ней заборишко, тоня Песчанка, тоня Подмошенье, тоня Вострой наволок, тоня Селница, речка Стрелна, тоня на усть тое ж речки Стрелни, тоня Быстрица, речка Югин, а в ней забор, тоня // (л. 441 об.) Коркина, тоня Лутка, тоня

Вострой наволок, тоня на усть речки Чепомы, речка Чепома, а в ней заборишко, тоня на усть речки Чепомы, тоня Заструга, ручеек Чепомка, тоня Ручейки, тоня Лутка, тоня Кислуха, тоня Тонкой Крест, тоня Голокосна, тоня Киноварская, тоня Великая Изба, тоня Захребетная, тоня Клетка, тоня Истопка, тоня Великая Изба, тоня на усть Чернавки, тоня Чернавка, тоня Наволочек, тоня Киноварская, тоня на усть речки Пялицы, речка Пялица, а в ней за//(л. 442)боришко, половиною тое речки владеют варзуженя, а другою половиною владеют терские лопари, то им и межа. И всего дватцать девять тонь да четы[ре] реки да ручеек. А денежной доход платят с тех угодей и с луков вместе, а сколько хто платит порознь, и то писано выше сего[1]. //

(л. 442 об.) Страница порожжа. //

(л. 443) Волость Умба на реке на Умбе, а в ней Кирилова монастыря три чети, а четь тое волости Соловецкого монастыря. А в волости церковь Воскресение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да предел Кирила Белозерскаго Чюдотворца древяна клецки, а в церкве образы и свечи и книги и всякое церковное строение Кирилова и Соловецкого монастыря. Место церковное, что была церковь верховных апостол Петра и Павла, на церковной земле двор церковной, дьячок Лучка Попов, место поповское, место пономарское, в келье нищая питает//(л. 443 об.)ца о церкви Божи[е]й. На Кириловской земле на анбарных местех в келье черной поп Макарей, в келье пономарь Оска Корнилов. В волости ж в Умбе Кирилова монастыря двор монастырской, а в нем живет старец Варфоломей, двор коровей. Кирилова ж монастыря дворы крестьянские: Во дворе Нечайко Трофимов сын Холтурин, лук. Во дворе Карпунка Михайлов сын Ермолин, лук. Во дворе Тимошка Ларионов сын Регачев, лук. Во дворе Ивашко да Тренка Денисовы, лук. Во дворе вдова Овдотьица Нестерова жена Ермолина, поллука. Во дворе Тре//(л. 444)нка Михайлов сын Вага, лук. Во дворе Вдова Улитка Терентьева жена Яковлева, поллука, у ней ж живет Микитка Савин сын Попов, поллука. Во дворе Олешка да Фетка Петровы дети Плотникова, лук. Во дворе Степанко да Ефимко Яковлевы дети Поповы, у Степанка сын Харитонко, а у Ефимка сын Микитка, два лука. Во дворе Матюшка да Фетка да Степанко Лукины дети Попова, лук. Во дворе вдова Настасьица Максимова жена Ортемьева, поллука. Во дворе Дружинка Семенов сын Степанов, поллука. Во дворе Баженко Са//(л. 444 об.) вельев да Федотко Григорьев сын Самухин, два лука. Во дворе Левка Федоров сын Кузнец, лук. Во дворе Пронка Тимофеев сын Локшин, лук. Во дворе Микитка Ортемьев сын Локшин, поллука. Во дворе Илейка да Бориско Богдановы дети Онашина, лук. Во дворе Первушка Олек-

[1] Далее другим почерком и чернилами: «Степунов Онтон».

сеев сын Терентьев, лук. Во дворе Ивашко Семенов сын Каргопол, поллука. Во дворе Костка да Фетка Васильевы дети Федосьина, полтора лука. Во дворе Гришка Овдокимов сын Шебала, лук. Во дворе Ивашко Дементьев сын Иродов, лук. Во дворе Федка Иевлев сын Падора, лук. Во дворе Митро//(л. 445) фанко Еремеев сын Щетинин, поллука. Во дворе Кирилко Федоров сын Соломата, лук. Во дворе Ивашко Григорьев сын Софьин, у него сын Ивашко, лук. Во дворе вдова Омельфица Мануилова жена Нестерова, поллука. Во дворе Матюшка Иванов сын Сухово, поллука. Во дворе Бориско да Олешка да Ивашко Яковлевы дети Басина, лук. Во дворе вдова Овдотьица Одинцова жена Нефедьева, поллука, у ней ж живет Фетка Ондреев сын Хрулев, поллука. Во дворе Завьялко Матвеев сын кормщик, поллука. Во дворе Суботка Ермолин сын, у нево ж живет Ларка Ма//(л. 445 об.)ксимов, поллука. Во дворе Юшко да Онфимко Михайловы дети Илцова, лук. Во дворе бобыль Гришка Иванов сын Короста. Места дворовые: место Филки Наумова, место Васки Михайлова, место Мосейка Иванова. И всего Кирилова монастыря двор монастырской, двор коровей, тритцать три двора крестьянских, а людей в них пятьдесят человек, двор бобыльской, а в нем один человек, три места дворовых, а луков живущих тритцать один лук с полулуком. Кирилова ж монастыря анбарец две клети при стен восмь // (л. 446) мест анбарных. На Кириловской ж земле анбар Голанские земли торгового немчина Карпа Демулина. Кирилова ж монастыря отделено от их же крестьянсково от Юшкова да от Онфимкова двора Михайловых детей Илцова от избново от заднево угла от моря, что был анбар Кирилова ж монастыря, а наперед тово был Пирожниковых, вверх по реке по Умбе порожнево места, и с тем, что под их дворы на три чети пятьдесят две сажени, а межа учинена промеж их земли и Соловецкого монастыря // (л. 446 об.) две ямы, а в них уголье, а наверху каменье. А наперед тово та земля меж Кириловым и Соловецким монастырем была не делена. На реке на Умбе выше волости мельница, мелет в одне жорновы, Кирилову монастырю три чети, а Соловецкому монастырю четь. За рекою за Умбою против тои ж мелницы место мелничное, Кирилова монастыря три чети, а Соловецкого монастыря четь. Кирилова ж монастыря над Вялоозером вверх по Умбе реке крестьян[е]: Во дворе Ивашко Лавленцов, лук без чети. Во дворе Гришка Лопин, лук без чети. Во дворе Сенка Мануилов, поллука. Во дворе Ка//(л. 447)линка Семенов да Куланко Бармин, лук. Два места дворовых. И всего четыре двора, а людей в них пять человек, два места дворовых, а промышляют в леших озерах белым рыбишком и звер[ь] бьют вопче с соловецкими, Кирилова монастыря три чети, а Соловецкого монастыря четь. А оброк они платят с Умбским оброком вместе. В реке в Умбе тоня против

волости, а ловят в ней красную рыбу семгу Кирилова и Соловецкого монастыря старцы и крестьяне, а делитца им рыбою кириловским три чети, а соло//(л. 447 об.)вецким четь. А неводы и харвы на тое тоню держати им по тому ж, кириловским три чети, а соловецким четь, и ловити вместе от тое тони и до морсково устья. Вверх по реке по Умбе от волости три версты. В реке в Умбе забор, а ловят в нем рыбу семгу кириловские и соловецкие вопче, а делитца им рыбою кириловским три чети, а соловецким четверть, а забор им делати и промышляти вместе ж, кириловским три чети, а соловецким четь. От забора до верхнево погоста и от верхнево // (л. 448) погоста лес на дрова на волостную нужу по обе стороны реки Умбы, и звериные и птичьи ловли вопче ж до лопские межи. В реке ж в Умбе от мельницы вверх до забора ловят рыбу семгу ж поездами и харвами вопче ж, Кирилову монастырю три чети, а Соловецкому монастырю четь. Да на усть Умбы реки тоня Ройма, да к той же тоне в реку у креста мечут одну харву дватцать сажен кириловские и соловецкие вопче ж, а делитца им рыбою по тому ж, кириловским три чети, а соловецким четь, // (л. 448 об.) а болши дватцати сажен харву не метати никому. Кирилова ж монастыря тони по морскому берегу, а ловят на них красную рыбу семгу, а владеют они теми тонями по отделным книгам подьячего Григорья Микитина 93-го (1585) году. Тоня Легнаволок, тоня Елокорга, тоня Торопая, тоня Хяморучей, сидят двемя неводы на Кириловской земле. Тоня Чегчакорга Болшая, тоня Войдуева, тоня Носовая Елокорга, тоня Сарха Болшая, сидят двемя неводы на Кириловской земле. Тоня // (л. 449) Великая Корга, сидят двемя неводы на Кириловской земле. Тоня Сосновка с речкою с Вибсою, тоня Хлебная Корга, сидят двема неводы на Кириловской земле. Тоня Губная на Вежнаволоке, тоня Розволуда, тоня Падонгуба, тоня Морская Корга, сидят двемя неводы на Кириловской земле. Тоня Островская Большая, тоня Леггубская, тоня Тарвогуба, тоня Сярка Малая, сидят двемя неводы на Кириловской земле. Тоня Мавкульцы, сидят двемя неводы на Кириловской // (л. 449 об.) земле. Тоня под Елокоргою с Умского конца, тоня Шебутиха, тоня Носовая на Вежнаволоке, тоня Носовая от Умского конца перенесена в Кяржегубу на Кириловской земле, сидят однем неводом. Тоня Гимолакша, тоня Касилова, тоня Носовая под Шембонаволоком, тоня Пердуниха Болшая, тоня Ручьевая Пердуниха, тоня Луда, тоня Попова, тоня Тетрина, сидят однем неводом, перенесена на иное место на Кириловской земле. Тоня Бакланец, тоня Каржегуба, // (л. 450) тоня Красная Щеленка с речкою с Черною, тоня на Мосееве наволоке, сидят двемя неводы на Кириловской земле. Тоня Середняя, тоня Губская на Оленье Рогу, сидят двемя неводы на Кириловской земле. Тоня Ватаманская, сидят двемя неводы на Кирилов-

ской земле. Тоня на Оленье рогу закорожная. Да после отделных книг подьячево Григорья Микитина Кирилова ж монастыря поставили тоню новую на Кириловской земле, сидят однем неводом, а по отдельным книгам подьячево Григорья Микитина 93-го (1585) году // (л. 450 об.) писаны те тони Кирилова монастыря, имяны тонями как и в сех книгах писаны. А сколко у которой тони неводов, и тово в отделных книгах не написано, а писаны неводы у тонь, у которых сидят двемя неводы по нынешнему писму. А лес на тонную нужю на избушки сечи по морскому берегу, где чьи тони: кириловским сечи в соловецких лесех, а соловецким сечи в кириловских лесех. А вперед кириловским под соловецкие тони своими неводами не подставли//(л. 451)ватца, а соловецким под кириловские по тому ж не подставливатца. А будет лучитца перенести неводы на иное место, и им ставить кириловским меж своими тонями, а соловецким меж своими ж тонями. Речка Оленица, и тое речки Оленицы половина Умские волости жилцом, а другая половина Варзужские волости жилцом, и в той полуречке Оленице ловити рыба семга кириловским и соловецким вопче, а делитца им рыбою Кирилову монастырю три чети, а Соловецкому монастырю четь. Ки//(л. 451 об.)рилова ж монастыря на речке Куз двор монастырской, а в нем живут старцы и служки, да две избы да анбар, да на Куз-речке мельница колотовка, мелет в одне жорновы. Да в Кузречке да в Хлебной речке ловят рыбу семгу заборами Кирилова и Соловецкого монастыря ловцы, а делитися им рыбою Кирилову монастырю три чети, а Соловецкому монастырю четь. А заборы в тех речках делати им вместе ж, Кирилова три чети, а Соловецково четь. В Умской ж волости Кирилова монастыря у Куз-речки варница, другая // (л. 452) варница пуста, у варницы два анбарца соляных. На Мосееве наволоке место варничное, в Вонячом ручью место варничное, в Кярже губе место варничное, в Вибсогубе место варничное. А дрова секут к варницам по морскому берегу от Вазенского острова и до Варзужские межи до речки Оленицы на ш[ес]тидесят[и] верстах. И сенные у них покосы в тои ж стороне, а Соловецкого монастыря старцом и крестьяном в ту сторону у них не вступатис[я] ни во что, опрочь морских тонь. А от Вазенского острова до Умского устья лес на дрова и выпуск животине кирилов//(л. 452 об.)ским и соловецким вопче. Умбские ж волости лешие озера вопче Пончеозеро да Канеозерко, а прошла сквозе те озерка река. А промышляти на тех озерах Кирилова и Соловецкого монастыря ловцем вопче белою рыбою, и коли лучитца плавити лес на хоромную нужу и дрова, то у них вопче. Да лешие озерка Муноозерко, Хлебные озерка, Випсоозерко, Кумжеозерко, Ячоозерко, Салмоозерко, Лямускоозерко и иные лешие озерка в суземе, а ловят в них белую рыбу Кирилова и Соловецкого монастыря лов-

цы. В суземе по обе стороны реки Умбы и в леших // (л. 453) ухожеях звериные и птичьи ловли, то у них вопче ж. Вверх по реке по Умбе от волости десять верст погост старой, где была церковь Воскресение Христово, и волость Умба преже сего, и на том погосте косят сено Умские волости Кирилова и Соловецкого монастыря крестьяне, Кирилова три чети, а Соловецкого четь. А от погоста вверх по реке по Умбе и по сторонним речкам, которые впали в Умбу реку с обе стороны и до лопские межи сенные покосы, крестьяне ведают свои пожни промеж себя сами. А что в волости в Умбе приходная // (л. 453 об.) церковь и Кирилова, и Соловецкого монастыря крестьяном, у тое церкви в приходе быт[ь] по-прежнему, и строити им церковь, и попов и дьяконов и пономарей и всякое церковное строение, Кирилова монастыря три чети, а Соловецкого монастыря четь. А оброку платят Кирилова монастыря с трех чет[ей] волости Умбы, з дворов и с анбаров, и звериных и со птичьих и с рыбных ловель, и с мелницы, и с варниц по семидесят по пяти рублев на год. // (л. 454) Соловецкого монастыря четь волости Умбы, а в чети двор Соловецкого монастыря, а в нем живет приказщик старец Филарет. Соловецкого ж монастыря дворы крестьянские: во дворе Гришка Калинин сын Буртов, у него четыре сына, Посничко да Лучка да Ивашко да Тиханко, полтора лука. Во дворе Ивашко Игнатьев сын Мохнаткин да племянник его Овдокимко Кузьмин сын Мохнаткин, два лука. Во дворе Якунка Екимов сын Василисин, у него два сына, Ивашко да Тиханко, лук. Во дворе Фомка Калинин сын Буртов, у него два сына, Данилко да Степанко, // (л. 454 об.) лук. Во дворе вдова Палагейка Терентьева жена Григорьева, поллука. Во дворе Шестачко Иванов сын Ярославцов, у него два сына, Куземка да Ивашко, да племянник его Богдашко Третьяков сын Савин, полтора лука. Во дворе Куземка Григорьев Якимов, лук. Во дворе Якунка Шевель, поллука. Во дворе Фетка Прядея, поллука. Во дворе Офонка да Васка да Гришка болшой да Гришка меншой Ивановы дети Шумихина, лук. Бобыльских дворов: во дворе Васка Микитин сын Секера, во дворе Сенка Паздера, место дворовое Третьячка Тре//(л. 455)пицына. И всего двор монастырской, десять дворов крестьянских, а людей в них дватцать пять человек, два двора бобылских, а людей в них тож, место дворовое, а луков живущих десять луков с полулуком. Соловецково ж монастыря анбар, анбары Соловецково ж монастыря крестьян анбар Ивашка Мохнаткина да Фомки Буртова, анбар Богдашка Ярославцова, два места анбарных. Соловецково ж монастыря пониже волости для судовые пристани пустово места за Кириловским анбаром, что бывало пирожниковых от старого печища // (л. 455 об.) до угловатово камени по берегу дватцать сажен, а от берегу в гору до вараки. Соловецково ж монастыря

крестьян огородишка за Кириловскими дворы, вверх по реке идучи к мелнице по сторонки с Ляковского двора огородишко Иванка Цынгина, огородишко Якушка Якимова до ручья, идучи к мельнице огородишко Савки Буртова, огородишко Третьячка Ярославцова, огородишко Нестерка Волкова. За рекою за Уньбою *(так! – **Е. М.**)* у болшие тони за приволокою пониже болшово камени огоро//(л. 456)дец Соловецково монастырсково двора. Соловецково ж монастыря отделено порожжево ж места от межи от дву ям, а в ямах уголье, а наверху каменье. Вверх по реке по Умбе Соловецково ж монастыря до бобылсково двора Васки Секеры семнатцать сажен, а наперед того та земля меж Соловецким и Кириловским монастырем была не делена. На реке на Умбе выше волости мельница, мелет в одне жорновы, вопче с Кириловым монастырем, Соловецкому // (л. 456 об.) монастырю четь, а Кирилову монастырю три чети. За рекою за Умбою против той же мельницы место мельничное, Соловецково монастыря четь, а Кирилова монастыря три чети. Соловецково ж монастыря над Вялоозером вверх по Умбе реке во дворе вдова Ульянка Томилова жена Микулина, лук. А промышляет в леших озерех рыбишком вопче с кириловскими, соловецким четь, а кириловским три чети. А оброк платят с умбским оброком вместе. В реке в Умбе тоня против волости, а ловят в ней красную рыбу // (л. 457) семгу Соловецкого и Кириловского монастыря старцы и крестьяня, а делитца им рыбою соловецким четь, а кириловским три чети, а неводы и харвы на тое тоню держати им по тому ж, соловецким четь, а кириловским три чети, и ловити вместе. От тое тони и до морсково устья вверх по реке по Умбе от волости три версты в реке в Умбе забор, а ловят в нем рыбу семгу соловецкие и кириловские вопче, а делитца им рыбою соловецким четь, а кириловским три чети, а забор им делати а промы//(л. 457 об.)шляти вместе, соловецким четь, а кириловским три чети. От забора до верхнево погоста и от верхево погоста лес на дрова на волостную нужу по обе стороны реки Умбы и звериные и птичьи ловли вопче ж до лопские межи. В реке ж в Умбе от мельницы вверх до забора ловят рыбу семгу же поездами и харвами вопче ж, соловецким четь, а кириловским три чети. Да на усть Умбы реки тоня Ройма, да к той же тоне в реку у креста мечут одну харву два//(л. 458)тцать сажен соловецкие и кириловские вопче ж, а делитися им рыбою потому ж, соловецким четь, а кириловским три чети. А болши дватцати сажен харвов не метати никому. Соловецкого монастыря тони по морскому берегу, а ловят на них красную рыбу семгу. А владеют они теми тонями по отделным книгам подьячего Григорья Микитина 93-го (1585) году. Тоня Пилской наволок с речкою с Пилою, тоня Чюкчокорга Заднея, тоня Пулцы, тоня Куз-ручей, сидят двема неводы на // (л. 458 об.) кириловской земле,

тоня Аникрест, тоня Будронаволок, тоня Пердуниха Заднея, тоня Волеостровская, тоня Палиостровская, сидят двема неводы на кириловской земле, тоня Носовая Вольостровская, тоня Кидерицы, сидят двема неводы на кириловской земле, тоня Селденая Корга, тоня Земленая на самом на Оленье Рогу, тоня Ридолакша, а по отделным книгам подьячего Григорья Микитина 93-го году писаны те тони Соловецкого монастыря, имяны тоням // (л. 459) как и в сех книгах писаны, а зколко *(так! – **Е. М.**)* у которой тони неводов, и тово в отделных книгах не написано, а написаны неводы у тон[ь], у которых сидят двема неводы по нынешнему писму. А лес на тонную нужу на избушки сечи по морскому берегу, где чьи тони, соловецким сечи в кириловских лесех, а кириловским сечи в соловецких лесех. А вперед соловецким под кириловские тони своими неводами не подставливатца, а кириловским под соловецкие по тому ж не подставливатца. А будет лучица перене//(л. 459 об.)сти неводы на иное место, и им ставить соловецким меж своими тонями, а кириловским меж своими ж тонями. Речка Оленница, и тое речки Оленницы половина Умские волости жилцов, а другая половина Варзужские волости жилцов, и в той полуречке Оленнице ловити рыба семга соловецким и кириловским вопче, а делитися им рыбою Соловецкому монастырю четь, а Кирилову монастырю три чети. В Куз-реке да в Хлебной речке ловят рыбу семгу заборами Соловецкого четь и Кирилова // (л. 460) монастыря ловцы, а делитися им рыбою Соловецкому четь, а Кирилову монастырю три чети, а заборы в тех речках делати им вместе ж, Соловецкого четь, а Кирилова три чети. Соловецкого ж монастыря варницы, место варничное в Лег-губе, в Пилской губе варница живущая, другая варница пуста. А дрова секут к варницам по морскому берегу и в горе в суземе от Порегубские межи от межные тони и до Падонгубы на дватцати верстах, и сенные у них покосы в той ж стороне. А Кири//(л. 460 об.)лова монастыря старцом и крестьяном в ту сторону не вступатися у них опроче морских тонь ни во что по Падонгу, а от Падонгубы до Умского устья лес на дрова на волостную нужу и выпуск животине Кирилова монастыря крестьяном и Соловецкого монастыря крестьяном вопче. У тех же варниц в Пилской губе двор Соловецкого монастыря, а в нем живет старец Афонасей, двор Соловецкого ж монастыря, а в нем живут детеныши, да у варницы анбар соляной. В Пилской ж // (л. 461) губе на ручью мелница Соловецково монастыря, мелет в одне жорновы. Умские ж волости лешие озера Пончеозеро да Канеозеро, а прошла сквозе тех озер река Умба. А промышляти на тех озерах Соловецкого и Кирилова монастыря ловцем вопче белою рыбою. И коли лучитца плавити лес на хоромную нужу и дрова, то у них вопче ж. Да лешие озерка Муноозерко, Хлебные озерка, Випсоозерко, Кумжеозерко,

Ячоозерко, Салмоозерко, Лямускоозерко и иные лешие озерка // (л. 461 об.) в суземе, а ловят в них белую рыбу Кирилова и Соловецкого монастыря ловцы. И в суземе по обе стороны реки Умбы, и в леших ухожеях звериные и птичьи ловли, то у них вопче ж. Вверх по реке по Умбе от волости десять верст погост старой, где стояла церковь Воскресение Христово и волость Умба преже сего, и на том погосте косят сено Умские волости Соловецкого и Кирилова монастыря крестьяне, Соловецкому монастырю четь, а Кирилову монастырю три чети. А от погоста вверх // (л. 462) по реке по Умбе и по сторонним речкам, которые впали в Умбу реку с обе стороны, и до лопские межи сенные покосы, крестьяне ведают свои пожни промеж себя сами. А что в волости в Умбе приходная церковь и Соловецкого, и Кирилова монастыря крестьяном у тое церкви в приходе быть по прежнему, и строити им церковь, и попов и дьяконов и пономарев, и всякое церковное строение, Соловецкого монастыря четь, а Кирилова монастыря три чети. А оброку платят Соловецково // (л. 462 об.) монастыря с чети волости Умбы з дворов и с анбаров и звериных и со птичьих и с рыбных ловель, и с мелниц и с варниц по дватцати по пяти рублев на год.

На нижнем поле л. 419–462 несколько раз повторены две скрепы:

К сем книгам Божен Степанов руку приложил.

(Более поздняя) К сем книгам подьячей Онтон Подольской руку приложил.

КНИГА 15051. ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА ДВИНСКОГО УЕЗДА ПЕРЕПИСИ СТОЛЬНИКА АФАНАСИЯ ДАНИЛОВИЧА ФОНВИЗИНА И ПОДЬЯЧЕГО ФЕДОРА ЗАМЯТИНА. 1678 Г.

(РГАДА, Ф. 1209, ОП. 1)

(л. 743) Великого господина Святейшаго Иоакима, Патриарха Московского и всеа Росии и монастырей за морем за окияном волость Варзуга на реке на Варзуге, а в ней патриарших крестьян: во дворе вдова Анница Васильевская жена Андронова, у ней сын Федулко. Во дворе Якушко да Куземка Леонтьевы дети Ворсины, у Куземки два сына: Савка пяти лет, Федоско дву лет, у них же племянник Васка Иванов четырнатцати лет. Во дворе Ивашко да Онашко Федоровы дети Мирчихина, у Ивашка два сына: Ивашко ж // (л. 743 об.) девяти лет, Петрушка дву лет. Во дворе Васка Анисимов сын Тюрин. Во дворе Никифорко да Сенка Васильевы дети Клюевых, у Никифорка сын Ивашко. Во дворе вдова Анница Федоровская жена Михеева, у ней два сына: Митка, Андрюшка тринатцати лет, у ней же подсоседник Ивашко Клементьев сын коморник. Во дворе вдова Василистица. Сидоровская жена Елисавина, у ней три сына: Макарко четырнатцати лет, Оска пяти лет, Трифанко четырех лет. Во дворе Фомка // (л. 744) Матфеев сын Кривоногов, у него сын Трифанко двенатцати лет. Во дворе Савка Дементьев сын Черемной, у него сын Сенька. Во дворе Агафонко Андреев сын Катарин, у него четыре сына: Онтонко десяти лет, Левка осми лет, Иоилько четырех лет, Федоска дву лет. Во дворе Никитка Никифоров сын Путилов, у него сын Нестерко десяти лет, у него ж подсоседник Силуянко Евсевьев сын Солодягин, у него сын Никифорко тринатцати лет. Во дворе Нестерко Максимов сын Клюев. Во дворе Федка да Митка // (л. 744 об.) Осиповы дети Гундаловы, у Митки два сына: Оска, Меркушка, у них же подсоседник Федка Митрофанов сын Перкачев, у них же два племянника: Ивашко да Ивашко же меншей, семи лет. Во дворе Васка Степанов сын Корзин. Во дворе Якушко Дмитреев сын кузнец, у него два сына: Стенка, Ларка. Во дворе Пашка Титов, у него сын Савинко пяти лет. Во дворе вдова Ириньица Васильевская жена Суботина, у нее два сына: Андронко, Трофимко, у них же племянник Фомка

Петров сын пя//(л. 745)ти лет. Во дворе Евдокимко Евсевьев сын Солодяга, у него пять сынов: Матюшка, Андронко, Кондрашка четырнатцати лет, Федка пяти лет, Никитка трех лет. Во дворе Андрюшка Иевлев сын Федотов, у него два сына: Гришка, Исачько. Во дворе вдова Феклица Федоровская жена Хабаровых, у ней два сына: Ермилко, Автамонко. Во дворе вдова Марьица Афонасьевская жена Дьякова, у ней сын Якушко. Во дворе вдова Харитоньица Андреевская жена Чащина, у ней три сына: Ивашко, Гришка, Евтюшка, у Иваш//(л. 745 об.)ка сын Васка дву лет. Во дворе вдова Маврица Бороniха. Во дворе Савка Максимов сын Гавгуй, у него сын Андрюшка четырнатцати лет. Во дворе вдова Софьица Кореховская жена, у ней сын Петрушка, у них же подсоседник Захарко Игнатьев сын Лопинов. Во дворе Евтихейко Иванов сын Набатов, у него же подсоседник Андрюшка Петров сын кузнец, у него сын Аничка двенатцати лет. Во дворе вдова Ириньица Матфеевская жена Сахарева, у ней сын Стенька. Во дворе Гаврилко Тимофеев сын четочни//(л. 746)ков, у него два сына: Софронко тринатцати лет, Якушко десяти лет. Во дворе Тимошка Лукьянов сын Тарабарин. Во дворе Афонька Иванов сын Толстой, у него сын Климко тринатцати лет, у него ж подсоседник Петрушка четырех лет *(так! – **Е. М.**)*. Во дворе Иевко Лукьянов сын Гладкой, у него сын Федка, у него ж подсоседник Васка Тарасов сын корелянин. Во дворе Якушко да Никифорко Васильевы дети Клоповы, у Якушка два сына: Илюшка, Климко девяти лет, у Никифорка два сына: Филка одиннат//(л. 746 об.)цати лет, Онтонко трех лет. Во дворе вдова Анница Фроловская жена, у ней два сына: Мишка, Харка. Во дворе Агейко Андреев сын Рахкоев, у него сын Васка, у Васки сын Никонко получетвертых лет. Во дворе Ивашко Сидоров сын Шелонин, у него подсоседник Ивашко Андронов сын Варга. Во дворе Левка Григорьев сын Коновалов, у него четыре племянника: Ивашко, Оска четырнатцати лет, Никифорко двенатцати лет, Лукиянко ш[ес]ти лет. Во дворе вдова Ефимьица Михайловская жена Каргачева, у ней четыре сына: // (л. 747) Митка, Петрушка, Мишка, Софронко. Во дворе Петрушка Григорьев сын Бармин, у него подсоседник Сенька Яковлев сын Морохоев. Во дворе Гришка Петров сын Кагареев, у него два сына, Пантюшка десяти лет, Никонко четырех лет. Во дворе Аничька Петров сын Копачев, у него сын Стенка тринатцати лет. Во дворе Ивашко Андреев сын Юрилов, у него три сына, Пахомко двенатцати лет, Костька десяти лет, Тимошка ш[ес]ти лет. Во дворе Сенка Давыдов сын Зима, у него два сына, Онтонко двенатцати лет, Епишка // (л. 747 об.) ш[ес]ти лет, у него ж Сеньки подсоседник Фомка Васильев сын Чир, у него сын Якимко ш[ес]ти лет. Во дворе Васка Федоров сын Трус. Во дворе Ивашко Данилов сын Меркурьев, у него два сына: Оска глух и нем двенатцати лет,

Мокейко семи лет. Во дворе Ивашко Мартемьянов сын Рогозин, у него три сына: Панкрашко ш[ес]ти лет, Епишко получетвертых лет, Сидорко дву лет. Во дворе вдова Акилиница Леонтьевская жена Плохово, у ней четыре сына: Стенка, Марчко, Федка тринатцати лет, Юдка десяти лет. Во дворе Тимо// (л. 748)шка Григорьев сын Дьяков, у него три сына: Ивашко, Алешка, Евдокимко, у Ивашка сын Федка дву лет. Во дворе Ивашко Федоров сын Голдобин, у него сын Гаврилко дву лет; у него же, Ивашка, подсоседник Сисойко Фомин сын плотник, у него сын Еремка трех лет. Во дворе Никитка Федотов сын Хахаев, у него два брата: Сенька четырнатцати лет, Артюшка девяти лет, у Никитки сын Коземка трех лет, у него ж подсоседник Тимошка Иванов сын Хахаев. Во дворе вдова Стефанидица Ивановская жена // (л. 748 об.) Телицына, у нее три сына: Захарко четырнатцати лет, Якушко осми лет, Гурейко трех лет. Во дворе Никифорко да Якушко Васильевы дети. Во дворе Елеска Михайлов сын Зорин, у него сын Савка девяти лет, у него ж племянник Артюшка одиннатцати лет; у него ж, Елески, подсоседник Фалилейко Юрьев сын Зорин. Во дворе Коземка Андреев сын Чюрилов, у него три сына: Конанко тринатцати лет, Федка семи лет, Якушко дву лет. Во дворе Васка Федоров сын строителев, у него // (л. 749) четыре сына: Матюшка, Карпушка, Ануфрейко, Гаврилко тринатцати лет, у него же подсоседник Родка Тимофеев сын строителев ж, у него сын Петрушка дву лет. Во дворе Сенька Борисов сын Волков, у него две соседки, вдовы Опросеньица да Пелагеица. У Опросеньицы два сына: Кирюшка семи лет, Назарко трех лет, у Пелагеицы сын Парфенко. Да на Варзуге ж реке деревня Куземино, а в ней во дворе Давыдко Елфимов сын Рогозинин, у него сын Афонка трех лет, у него же сосед тое ж волости крестьянин // (л. 749 об.) Евтюшка Гаврилов сын Рогозинин. Во дворе Митка Федоров сын плотник, у него сын Филатко четырех лет, а по скаске они поселились вновь со 182 *(1674)* года. Да у моря же на Терской стороны слоботка Тетрино, а в ней патриаршие же крестьяне. Во дворе Симанко Степанов сын Корела, у него внук Парфенко. Во дворе Тимошка Никонов. Во дворе Федка Онаньин, у него зять Якушко Карпов. Во дворе Сенька Обросимов. Во дворе Нестерко Семенов, у него сын Якушко ш[ес]ти лет, а по скаске их что они посели[ли]сь // (л. 750) из Варской *(так! – **Е. М.**)* же волости со 168-го *(1660)* году. Всего в Варзуге патриарших сорок восмь дворов крестьянских, людей в них пятдесят четыре человека, у них детей и братьи и племянников и сосед и подсоседников девяносто восмь человек. Четырнатцать дворов вдовьих, в них вдов то ж, у них детей и сосед тритцать три человека. И перед прежними переписными книгами прибыло четыре двора крестьянских, да детей // (л. 750 об.) и братьи и сосед сорок пять человек,

девять дворов вдовьих, а вдов то ж, их детей и сосед тритцать человек. Да у моря ж на Терской стороне на Пялице реке: во дворе Евдокимко Федоров Бутак, у него зять Минка Иванов, у Минки сын Афонка. Во дворе Андрюшка Васильев сын Бусанов, у него три сына: Артюшка, Устинко осми лет, Ивашко трех лет. А по скаске что оне что оне *(так! – **Е. М.**)* поселились во 181-м *(1673)* году. Евдокимко Бутак ис Поноя, а Ондрюшка из Ондреянова стану монастырской бобыль. // (л. 751) В Варзуге же дворы крестьянские Спаса Нового монастыря, что на Москве: Во дворе Пронька Гаврилов сын Приданик, у него четыре сына: Калинка, Лучька, Онкудинко пяти лет, Никитка четырех лет. Во дворе Митка да Конанко Алексеевы дети коневала, у Митки сын Ганка семи лет, у них два племянника: Федотко десяти лет, Гордюшка пяти лет. Во дворе Томилко Кондратьев сын Конева, у него внук Сидорко Дмитреев осми лет. Во дворе Федка да Федка ж меншей Григорьевы дети Менюева. Во дворе Ивашко // (л. 751 об.) да Онтошка да Федка да Ганка Осиповы дети Мошниковы, у Онтошка сын Марчко полуторых лет. Во дворе Ивашко Юрьев сын Ерослав, у него сын Савка дву лет. Во дворе Якимко Григорьев сын Беспорточнаго, у него три сына: Гришка, Юшко, Никитка десяти лет. Во дворе Якушко Федоров сын Подъярыгин, у него два сына, Ио[и]лько, Лазарко двенатцати лет, у Иоилька сын Евдокимко трех лет. Во дворе бобыль Терешка Никифоров Красносердечного, у него подсоседник Оска Еремеев сын Сапожникова, // (л. 752) у Оски сын Меркушка семи лет. Во дворе Матюшка да Гришка Макаровы дети Толстого, у Гришки сын Евтюшка трех лет. Во дворе Матюшка да Ивашко Васильевы дети Котловы, у Матюшки сын Митка семи лет, у них же племянник Аврамко Афонасьев, у них же брат двуродной Ларка Иванов, у Ларки племянник Якушко Дмитреев пяти лет. Во дворе Исачько Филипов сын Жаркой, у него подсоседник Федка Костянтинов сын кънженин. Во дворе Васка Григорьев сын Беспорточного, у него два сына: // (л. 752 об.) Исачько, Ивашко пяти лет. Да Спаса же Нового монастыря живут в Варзужской же волости в подсоседниках: Дениско да Федка Ивановы дети Солзины, у Дениска сын Парамонко трех лет, Харка Иванов Тороканов, Кондрашка Михайлов Лотрохова. Двор пуст Ивашка Власова сына Валчака, он збрел от хлебной скудости во 180-м *(1672)* году. Двор пуст Оски Федорова сына Давыдова, збрел в верховские городы от хлебной скудости во 179-м году. Двор пуст Гришки Ушакова, он Гришка умер во 176 *(1668)* году. // (л. 753) Двор Спаса Нового монастыря на приезд старцам и слугам, а в нем дворник Левка Иванов сын Толстой. В Тетрине слободки во дворе Ивашко Васильев сын Котлов, у него два сына: Амоско четырнатцати лет, Ефремко четырех лет. Во дворе Елисейко Иванов, у него три сына: Левка десяти

лет, Ивашко ш[ес]ти лет, Ефремко четырех лет. Двор пуст Митки Иванова, он умре во 186-м *(1678)* году. Всего Спаса Нового монастыря четырнатцать дворов крестьянских, людей в них дватцать // (л. 753 об.) один человек, у них детей и сосед тритцать четыре человека; двор бобыльской, а в нем три человека; двор монастырской и четыре двора пустые. И перед прежни[ми] переписными книгами убыло жилых пять дворов крестьянских.

Живоначалные Троицы Серьгиева монастыря два двора монастырьских, а в них живут старцы и слуги и служебники для монастырьского рыбного промыслу.

В Варзуской же волости Соловецкого монастыря двор монастырьской на приезд старцам и слугам, а в нем живут старцы и // (л. 754) слуги для рыбного промыслу. Да их же монастырские бобыли: во дворе Ивашко да Якушко Калинины дети, у Ивашка два сына, Демка, Тимошка осми лет. Во дворе Богдашка Меркурьев Дворянинов, у него сын Кирюшка, у Кирюшки сын Климко дву лет. Во дворе Савка Алексеев, у него сын Панкрашка трех лет. Во дворе Савка Тимофеев сын Нюрбан. Во дворе Левка Евстафьев сын Кашкаранской, у него два сына: Евдокимко пяти лет, Мишка четырех лет. Да у них же бобыли живут в подсоседниках: Игнашка Анисимов сын Соломин, у него сын Микитка, Митка Игнатьев, // (л. 754 об.) Федотко Иванов сын Корела, Ларка Семенов сын, у него сын Анисимко. В деревне Кузомине что поселились вновь из Варзуской волости со 175 (1667) году: Во дворе Титко Иванов, у него сын Микитка трех лет. Во дворе Сенька Иванов, у него сын Трофимко, у него ж племянник Гераска ш[ес]ти лет, у него же подсоседники Ларка Степанов да Андрюшка Иванов да Корнилко Мартынов; у Ларки сын Анисимко, у Андрюшки сын Мишка. В Тетрине: во дворе Ганка Никонов, у него два сына: Алимпейко, Петрушка, у него же племянник Бори//(л. 755)ско десяти лет. Во дворе Аврамко Сидоров сын Томилов. Да в Кашкараньцах двор монастырской, а в нем дворник Амоско Евсевьев, у него два сына: Самсонко осми лет, Ивашко пяти лет. Всего Соловецкого монастыря девять дворов, людей в них десять человек, у них детей и братьи и сосед и подсоседников дватцать семь человек; два двора монастырских, а в них три человека. И перед прежними переписными книгами прибыло семь дворов, людей восмь человек, детей дватцать один человек да двор монастырской. // (л. 755 об.)

В Варзуской же волости двор Сийского монастыря, а в нем живут для рыбного промыслу старцы и слуги. Двор Николаевского Корельского монастыря, а в нем живут для рыбного промыслу старцы и служебники.

В Варзуской же волости церковь Успение Пречистые Богородицы, у церкви во дворе поп Силуян Семенов, у него три сына: Федотко, Логинко двенат-

цати лет, Ивашко четырех лет. Да церковь Николая Чюдотворца, у церкви во дворе поп Еремей Данилов, у него четыре сына: Гришка, // (л. 756) Андрюшка, Ивашко, Федоска двенатцати лет. Всего два двора поповских, а в них людей то ж, у них детей семь человек.

Волость Умба на реке на Умьбе, а в ней Кирилова монастыря двор монастырьской, а в нем живут старцы и слуги для рыбного промысла. Двор их же монастырьской же скотиной.1 // (л. 756 об.) Дворы крестьянские: во дворе Куземка да Ивашко да Анфимко Ермолаевы дети Халтуриных, у Ивашка четыре сына: Федотко, Ефимко, Куземка, Мосейко, у Ефимка (так! – Е. М.) три сына: Пронька, Васка, Тимошка. Во дворе Никитка Тимофеев сын Конь, у него три сына: Федка, Ларка, Осташко. Во дворе Конанко Никитин, у него два сына: Ивашко да Ивашко ж. Во дворе вдова Пелагеица Березиха, у ней сын Ганька. Во дворе Сенька Никитин, у него племянник Левка. Во дворе Ларка Максимов, у него подсоседник Евдокимко // (л. 757) Харитонов, у Евдокимка сын Матюшка. Во дворе Терешка, Матюшка Харламовы дети, у них подсоседник бобыль Федотко Осипов. Во дворе Климко Федотов, у него два сына: Ивашко, Ермолка Самихины. Во дворе Демидко да Михейко Кириловы дети, у Демидка четыре сына: Левка, Пронька, Антонко, Титко. Во дворе вдова Ириньица Федоровская жена Шукшиха, у ней два сына: Мишка, Евсейко. Во дворе вдова Соломидица Афонасьевская жена, у ней два сына: Тихонко, Сергушка. Во дворе Федотко Матфеев, у него два сына: Левка, Якушко. Во дворе // (л. 757 об.) Пашка да Васка Федоровы дети Хутина. Во дворе Игнашка Никитин сын Пекша. Во дворе вдова Акилиница Андреевская жена Сланина, у ней два сына: Васка, Тимошка, у ней же подсоседник бобыль Игнашка Микулин. Во дворе Петрушка Митрофанов сын Щетинина, у него сын Васка. Во дворе Илейка Макарьин сын Курвака, у него сын Васка. Во дворе вдова Федосьица Филимоновская жена, у ней два сына: Андрюшка, Юшко Келарковых. Во дворе бобыль Филка Федоров, у него три сына: Якушко, Марчко, Гришка, у него же подсоседник Харитонко Григорьев сын // (л. 758) Шабалин. Двор пуст Ларки Шабалина ж. Во дворе Андрюшка Аврамов Кола да Васка Осипов. Во дворе Стенка Ильин сын Ананьина. Во дворе Гришка Юрьев сын Коростина, у него четыре сына: Карпушка, Никифорко, Оска, Никитка. Во дворе вдова Федосьица, у ней сын Трофимко Лукин сын Шабалина. Во дворе вдова Агрипиница Марковская жена Падерина, у ней два сына: Софронко, Матюшка Марковы дети, у ней же подсоседник Тихонко Григорьев. Во дворе вдова Анисьица Карповская жена, у ней сын Евдокимко.

[1] Далее подписано другими чернилами: «Двор поповской полта».

Во дворе вдова Фев//(л. 758 об.)роньица Ивановская жена, у ней два сына: Оска, Якимко Ивановы дети, у ней же подсоседник бобыль Ивашко Иевлев, у него два пасынка: Федка да Микитка Захаровы дети. Во дворе Кондрашка Никитин. Во дворе вдова Анница Омельяновская жена, у ней сын Климко. Во дворе Евсейко Борисов Басина, у него три сына: Лазарко, Лучька, Юшко. Во дворе Харитонко Алексеев сын, у него племянник Ивашко, у них же подсоседник бобыль Ганка. Во дворе Васка Захарьев, стоит на Соловецкой земли. Во дворе вдова Зиновьица, // (л. 759) у ней два сына: Пиминко, Мишка, у ней же два племянника: Фадка да Никифорко. Того жь монастыря бобыли живут по усольям, Федка Иевлев, Ефимко Иевлев Девятка, Левка Иевлев сын Вожеватой да сосед Матюшко Ларионов сын Бардакова, у него два сына: Демка, Тимошка. Кирилова же монастыря на Кузерецком усолье двор монастырской, а в нем живут приказные старцы и слушки для соляного промыслу. Монастырьские ж дворы, а в них работные люди кореляна: во дворе Пашко Иванов сын Менников, у него сын Сергушка // (л. 759 об.) пяти лет, у него ж пасынок Петрушка, у Петрушки сын Потапко. Во дворе Федосейко Юрьев, у него сын Федка пяти лет, у него ж соседи Никитка да Мишка Васильевы дети, у них брат Евдокимко осми лет. Во дворе Минка Никулин да Ермолка Артемьев, у Минки четыре сына: Анашка, Федка девяти лет, Ерофейко пяти лет, Илейка полугоду, у Ермолки сын Ивашко. Во дворе Мишка Савельев. Во дворе Тимошка Юрьев, у него сын Ивашко пяти лет. Во дворе Данилко Кирилов сын Зоря // (л. 760) да Ивашко Лазарев да Ганка Евсевьев сын Лебед[ь]. Во дворе Федка Ильин, у него два сына: Никонко десяти лет, Спирка полутора году. Во дворе Илейка Яковлев сын Березин, у него два сына: Оска, Гераска, у него ж сосед Максимко Иванов, у него два сына: Гришка семи лет, Лаврушка полугоду. Во дворе Зиновейко Иванов, у него три сына: Андрюшка, Евсевейко двенатцати лет, Гришка трех лет, у него ж сосед Ефимко Софонов. Всего Кирилова монастыря дватцать девять дворов крестьянских, людей // (л. 760 об.) тритцать восмь человек, у них детей и братьи и сосед шездесят пять человек; одиннатцать дворов вдовьих, в них вдов то ж, у них детей и сосед дватцать пять человек; двор бобыльской, а в нем один человек, у него три сына да сосед; три двора монастырских, двор пуст. И перед прежними переписными книгами прибыло и вместо бобыльских келей три двора, людей десять человек, детей сорок три человека, четыре двора вдовьих, вдов // (л. 761) в них то ж, у них детей и сосед девятнатцать человек. В Умбъской же волости Соловецкого монастыря двор монастырской, а в нем живут старцы и слушки для рыбного промыслу. Дворы крестьянские: Во дворе Стенка Васильев сын Копшаков, у него сын Фомка пяти лет. Во дворе Нестерко Тихонов сын Васи-

листин, у него три сына: Левка, Ефимко, Федка пяти лет. Во дворе Петрушка Лаврентьев сын Валуев, у него подсоседник Ермолка Лупин. // (л. 761 об.) Во дворе Тихонко Панкратьев сын Жаркой. Во дворе Ганка Прокофьев сын Ярославцов. Во дворе Максимко Кузмин сын Василистин, у него два племянника: Оксенко, Ефимко. Во дворе Кондрашка Сергеев. Во дворе Осейко Иванов сын Мохнаткин, у него сын Оска пяти лет. Да того ж монастыря бобыли живут в той же волости в подсоседниках: Тимошка Козмин Ярославцов, у него сын Тимошка, Ивашко Григорьев да Карпушка Мартемьянов. Дворишко пустое // (л. 762) Филатка Софонова, он живет в Кузерецком усолье. Всего восмь дворов крестьянских, людей в них то ж, у них детей двенатцать человек; двор монастырской; двор пуст.

Всего у Архангелсково города и на Колмогорах, и в Неноксе, и в Луде, и в Уне, и в Кулую на посадех шездесят один двор протопопской, и поповских, и церковных причетников людей в них то ж. У них детей и братьи и сосед и подсоседнико[в] девяносто

Скрепы
На правом поле: Афонасеи Фанъвисинъ
На нижнем поле: Федор Замятнин подьячеи

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ V
СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
И ЕГО РОЛЬ В ПРИСОЕДИНЕНИИ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА
К НОВГОРОДСКОЙ РУСИ 5
§ 1. Князь Александр и ярл Биргер 8
§ 2. Ответные шаги князя Александра на Крайнем Севере 10
§ 3. Правовая ситуация на Кольском Севере в «ордынский» период 12
§ 4. Русь и Норвегия – древние традиции дружбы 16
§ 5. Судьба Биармии в договоренностях Руси и Норвегии 20
§ 6. Союз с Ордой как условие успешности северной политики князя 26
§ 7. Свидетельства древних источников о Биармии 29
§ 8. Путешествие Оттара в Биармию в IX веке 32
§ 9. Биармия накануне похода князя Александра 40
§ 10. Колопермь как новгородская волость XIII века 43
§ 11. Волость Тре – земля особого статуса 49
§ 12. Дипломатические и военные противостояния
на Кольском Севере в XIII веке 51
§ 13. Последние упоминания Колоперми и причины
их исчезновения 55
§ 14. Система сбора северной дани князя Александра 57
§ 15. Северное наследие князя Александра 63
§ 16. Продолжение борьбы за Кольский Север в последующие столетия 69

РАЗДЕЛ VI
АБОРИГЕНЫ КОЛЬСКОГО КРАЯ – РУССКИЕ ЛОПАРИ И ИХ
ЯЗЫЧЕСКАЯ ДУХОВНОСТЬ 77
§ 1. Терфинны – русские лопари 78
§ 2. Trinnaes – Trjanema – Терский Наволок – Кольский полуостров 83
§ 3. Лапландия – «страна ужасов и злого чародейства» 85
§ 4. Свидетельства лопарских магических воздействий 87
§ 5. «Дикая лопь» и ее языческие верования 96
§ 6. Народ лопарский как избранники духов 101

§ 7. Материальные предметы как объект приложения лопарской магии 109
§ 8. Лопарские традиции и их влияние на поморскую духовность 112

РАЗДЕЛ VII
ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ КОЛЬСКОГО КРАЯ В XIV–XV ВВ. КРЕЩЕНИЕ КОРЕЛ И СААМОВ 117

Глава первая. Крещение корелы
§ 1. Начало процесса. Первый опыт крещения северного народа 118
§ 2. Валаам – древнейший центр Православной миссии 121
§ 3. Преподобный Евфимий Корельский и его монастырь 125
§ 4. Соловецкий монастырь – центр православной духовности Поморья 132
§ 5. «Соловецкое сидение» – трагедия «поморской» веры 137
§ 6. Формирование церковно-административного устроения в Корелии 140

Глава вторая. Гипотеза о древних русских монастырях в районе Варангер-фьорда
§ 1. Косвенные признаки монашеской жизни на Кольском северо-западе до XVI века 141
§ 2. Факты из «Книги Большому Чертежу» и старинных грамот 145
§ 3. Загадки «Рукописания Магнуша». Вымышленное и подлинное 150
§ 4. «Полная река» как географическое понятие древности 152
§ 5. Ладога или Варангер? О географических привязках «Рукописания» 156
§ 6. О «Полной реке» на Кольском Севере 159

Глава третья. Начало христианского просвещения саамов
§ 1. Крещение лопи на Скандинавском полуострове в XVI в. Западное миссионерство 163
§ 2. Преподобный Лазарь Муромский и его первый опыт крещения лопи и чуди 166
§ 3. Лопари Русского Севера как самобытный этнос 169
§ 4. Лопарские погосты 173
§ 5. Лопарские приходы 176

Глава четвертая. Первые христианские поселения на Кольском Севере 178
§ 1. Терский берег как исторический феномен 179
§ 2. Варзужане – первое оседлое христианство Кольского Севера 181
§ 3. Варзуга и северные монастыри 184
§ 4. Умба – порубежная волость 193
§ 5. Порья-губа – первое монашеское место на Кольском Севере 197

§ 7. Кандалакшский Рождества-Богородичный монастырь 203
§ 8. Кокуев монастырь 205
§ 9. Разорения Кандалакшского монастыря и его упразднение 208
§ 10. Кола 213
§ 11. Кола как церковно-административный центр 219

Глава пятая. Дальнейшее расширение христианских поселений на Кольском Севере
§ 1. Кузомень 226
§ 2. Тетрино 231
§ 3. Чаваньга 233
§ 4. Чапома 234
§ 5. Пялица 234
§ 6. Стрельна 236
§ 7. Кашкаранцы 236

Глава шестая. Власть и Кольский Север
§ 1. Политическая ситуация на Кольском Севере к началу XV века 241
§ 2. Противостояние норвежского Галогаланда и Терского Поморья. Разорение 1419 года 243
§ 3. Система сбора дани в восточной и западной частях Кольского Севера ... 247
§ 4. Царь-батюшка и лопари. Особенности государственной политики на Кольском Севере 253

ПРИЛОЖЕНИЕ
Переписные книги Двинского уезда. 257

Митрополит Митрофан (Баданин)

КОЛЬСКИЙ СЕВЕР В СРЕДНИЕ ВЕКА

Том 2

Присоединение Кольского Севера к Новгородской Руси. Аборигены края и первые христианские поселения

2-е издание исправленное и дополненное

Редактор и корректор
Екатерина Соколова

Обложка
Ольга Колчина

Художественное оформление и верстка
Ольга Марусова

Подготовка схем
Павел Карпов
Ольга Баранова

Подписано в печать 17.05.2019. Формат 70x100/16. Печ. л. 18
Тираж 1000 экз.

Издательство Мурманской епархии,
Ладан

Выбрать книги, издающиеся в Мурманской епархии
и посвященные Крайнему Северу, можно на официальном сайте
http://mmeparh.cerkov.ru
Заказ на книги отправлять по электронному адресу:
keparhia_murmansk@mail.ru
или на почтовый адрес:
183010, Мурманск, ул. Зеленая, д. 11; тел. 8-815-25-97-61
В свободной продаже книги во всех церковных лавках Мурманской и Северо-морской епархий и в книжном магазине «Глобус», Театральный бульвар, д. 8.

ISBN 978-5-9907265-7-4

9 785990 726574